

ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ «ФИЛОСОФИИ ПРАВА»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2022, № 9

Санкт-Петербург
2022

FOUNDATION
FOR PROMOTION OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2022, № 9

Saint-Petersburg
2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., заведующий научно-исследовательским отделом Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Баранова М.В., заместитель декана по научной работе юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), председатель докторского диссертационного совета 24.2.340.09 по специальности 5.1.1 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Бободжонзода (Бабаджанов) И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Бор В.М., декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Захарцев С.И., доктор юридических наук, академик РАЕН (г. Москва, Россия)

Керимов А.Д., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный редактор «Российского журнала правовых исследований», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., главный научный сотрудник центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Мушкет И.И., заместитель руководителя Секретариата Совета МПА СНГ – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Сальников М.В., Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Щендригин Е.Н., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2022

© Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2022

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal “Legal science: history and the present”, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Head of the Research Department of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Saint Petersburg, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Baranova M.V., Deputy Dean for Research, Faculty of Law, Lomonosov Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky (National Research University), Chairman of the Doctoral Dissertation Council 24.2.340.09 in specialty 5.1.1 for the award of the degree of Doctor of Law, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Professor (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Zakhartsev S. I., Doctor of Law, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia)

Kerimov A.D., Chief Scientist at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of Russian Journal of Legal Research, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Lazarev V.V., Chief Researcher, Center for Fundamental Legal Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Mushket I.I., Deputy Head of the Secretariat of the Council of the IPA CIS – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Observance of the Electoral Rights of Citizens of the IPA CIS Member States, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Sal'nikov M.V., President of the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement «University», Chief Researcher of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Schendrigin E.N., Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2022

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2022

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., член Президиума Ассоциации юристов России, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала «Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета 03.2.009.01 по специальностям 5.1.1 и 5.1.4 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бастрыкин А.И., Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Бондарь Н.С., главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной Академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Виноградова Е.В., главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, (г. Москва, Россия)

Исмагилов Р.Ф., профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., Председатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», экс-Председатель Правительства Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair and Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council 03.2.009.01 for disciplines 5.1.1 и 5.1.4 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bastrykin A.I., Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Bondar' N.S., Chief Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Vinogradova E.V., Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, (Moscow, Russia)

Ismagilov R.F., Professor of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Law, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Law, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia», ex-Chairman of the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

<i>Литвинов Н.Д., Лавров О.Л., Родионов Д.А.</i>	Государственная граница и Кавказская национальная политика Российской империи: проблемы исторической оценки	11
<i>Захарцев С.И., Луценко В.В.</i>	Теоретико-правовой аспект правового режима контртеррористической операции	44
<i>Осипов А.А., Бредихин А.Л.</i>	Борьба НКВД с украинским национализмом в годы Великой Отечественной войны	52
<i>Веселова А.О., Русяева М.М.</i>	Создание министерства юстиции как важная веха истории становления Российского правового государства	58

**Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс.
Административное право и административная деятельность**

<i>Юлдашбаева А.Ш.</i>	Консервативная ориентация и социокультурные основания государственной культурной политики России	63
<i>Сеськина О.Е., Лазарева О.В.</i>	Устройство государства и права России с точки зрения влияния на них Манифеста Александра I	70

**Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право.
Гражданский и арбитражный процесс**

<i>Ботанцов И. В., Абрамович Ю.Б.</i>	Проблемы наследования цифровых прав	77
<i>Семенов Д.А.</i>	Защита права собственности в контексте противоположности частных и публичных интересов	88

**Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное
право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное
и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность
и правоприменительный процесс**

<i>Гер О.Е.</i>	Особенности правового регулирования перевозки опасных грузов на воздушном транспорте	94
<i>Бакин А.А.</i>	Актуализация ресоциализации военных пенсионеров пожилого возраста в Северо-Западном регионе	105
<i>Кириченко А.В.</i>	Направления правового регулирования распространения информации в социальных сетях	113

**Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс.
Криминалистика, судебно-экспертная деятельность
и оперативно-розыскная деятельность**

<i>Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Матвеева В.В.</i>	О некоторых проблемах приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях	119
<i>Гвай А.М.</i>	Целесообразность возвращения смертной казни как наказания за убийство в Российской Федерации	125

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

<i>Крижановская Г.Н., Сальников В.П.</i>	Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России – мир на пороге перемен. Рецензия в виде статьи на монографию Хабибулина А.Г., Анищенко Е.В., Анищенко А.В. «Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски» – М.: Эдитус, 2022. – 342 с. ISBN 978-5-00149-853-7	133
--	---	-----

**Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность.
Адвокатура и нотариат**

<i>Алексеева Н.И., Тараненко А.К.</i>	Живое наследие: «Вольный университет» А.Я. Пассовера	140
---	--	-----

**Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право.
Иностранное право**

<i>Когут В.Г., Погадаева Я.М., Шенин В.М.</i>	Сценарий дальнейшей интеграции союзного государства	146
<i>Старовойтова О.Э., Чудин-Курган Ф.О.</i>	Права человека: философские основы и правовые аспекты	155

**Философия права. Правовая культура
и правосознание. Социология права и юридическая психология**

<i>Габидуллин И.Ф.</i>	Личность и общество в современном мире	177
<i>Оль П.А.</i>	Правовая реальность как социальный феномен и научная категория	184
Информация для авторов		194

CONTENTS
Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

<i>Litvinov N.D., Lavrov O.L., Rodionov D.A.</i>	The state border and the caucasian national policy of the Russian Empire: problems of historical assessment	11
<i>Zakhartsev S.I., Lutsenko V.V.</i>	Theoretical and legal aspect legal regime of the counter-terrorist operation.....	44
<i>Osipov A.A., Bredikhin A.L.</i>	The struggle of the NKVD against Ukrainian nationalism during the Great Patriotic War .	52
<i>Veselova A.O., Rusyaeva M.M.</i>	The creation of the Ministry of Justice as an important milestone in the history of the formation of the Russian legal state	58

**Constitutional and municipal law. Constitutional litigation.
Administrative law and administrative activities**

<i>Yuldashbaeva A.Sh.</i>	Conservative orientation and socio-cultural foundations of the state cultural policy of Russia	63
<i>Seskina O.E., Lazareva O.V.</i>	The structure of the state and law of Russia in terms of the influence of the Manifesto of Alexander I on them	70

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

<i>Botantsov I.V., Abramovich Iu. B.</i>	Problems of inheritance of digital rights	77
<i>Semenov D.A.</i>	Protection of property rights in the context of the opposition of private and public interests	88

**Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law.
Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law.
Legislation and enforcement process**

<i>Ger O.E.</i>	Features of the legal regulation of the transportation of dangerous goods by air transport	94
<i>Bakin A.A.</i>	Actualization of the re-socialization of elderly military pensioners in the North-West region	105
<i>Kirichenko A.V.</i>	Directions of legal regulation of information dissemination in social networks	113

**Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure.
Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities**

<i>Bezryadin V.I., Kondrat I.N., Matveeva V.V.</i>	Actual problems of reception, registration and consideration of crime reports.....	119
--	--	-----

<i>Guay A.M.</i>	The expediency of returning the death penalty as a punishment for murder in the Russian Federation	125
------------------	--	-----

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

<i>Krizhanovskaya G.N., Sal'nikov V.P.</i>	Financial security and financial sovereignty of Russia – the world is on the verge of change. Review in the form of an article on the monograph Khabibulin A.G., Anishchenko E.V., Anishchenko A.V. "Financial sovereignty, financial security of the Russian Federation: threats and risks" – M.: Editus, 2022. – 342 p. ISBN 978-5-00149-853-7	134
--	--	-----

**Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities.
Advocacy and notary system**

<i>Alekseyeva N.I., Taranenko A.K.</i>	Living heritage: "Free university" of A.Ya. Passover	140
--	--	-----

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

<i>Kogut V.G., Pogadaeva Ya.M., Shenshin V.M.</i>	Scenario of further integration of the union state	147
<i>Starovoitova O.E., Chudin-kurgan F.O.</i>	Human rights: philosophical foundations and legal aspects	155

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

<i>Gabidullin I.F.</i>	Personality and society in the modern world	177
<i>Ol P.A.</i>	Legal reality as a social phenomenon and a scientific category	184
Information for the authors		194

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,
руководитель Экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент
(г. Воронеж, Россия)
E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

ЛАВРОВ Олег Леонидович,
руководитель Регионального общественного Фонда ветеранов специальных подразделений органов безопасности по борьбе с терроризмом «Защита Отечества». полковник ФСБ РФ
(г. Москва, Россия)
E-mail: rofzo@mail.ru

РОДИОНОВ Дмитрий Алексеевич,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
E-mail: pskov.1980@mail.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА И КАВКАЗСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

***Аннотация.** Рассматривается цивилизаторская миссия России на Кавказе с позиций современного идеологического противоборства со структурами гибридных войн. Приводится этническая характеристика Кавказа, анализируется механизм заселения Кавказа различными народами. Оценивается политика России на Кавказе – «колонизаторская» или «цивилизаторская», обращается внимание на взаимоотношения русских с местным населением. Обращается внимание на то, что Россия получила на Кавказе значительное количество этносов, находившихся на разных уровнях цивилизационного развития, что при крушении Российской империи вызвало волну криминальных территориальных конфликтов. Отмечается, что Грузия в наше время превращается в центр провоцирования нестабильности; развития терроризма и военной агрессии. Формулируется вывод о необходимости защиты государственной границы Российской Федерации на Кавказе.*

Редакция не во всем согласна с мнением авторов настоящей статьи.

***Ключевые слова:** Кавказ; гибридная война; Российская империя; цивилизаторская миссия; государственная граница; терроризм; территориальные конфликты.*

**LITVINOV N.D.
LAVROV O.L.
RODIONOV D.A.**

THE STATE BORDER AND THE CAUCASIAN NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE: PROBLEMS OF HISTORICAL ASSESSMENT

The summary: The civilizing mission of Russia in the Caucasus is considered from the standpoint of modern ideological confrontation with the structures of hybrid wars. The ethnic characteristics of the Caucasus are given, the mechanism of settlement of the Caucasus by various peoples is analyzed. Russia's policy in the Caucasus is assessed – "colonial" or "civilizing", attention is drawn to the relationship of Russians with the local population. Attention is drawn to the fact that Russia received in the Caucasus a significant number of ethnic groups that were at different levels of civilizational development, which, during the collapse of the Russian Empire, caused a wave of criminal territorial conflicts. It is noted that Georgia in our time is turning into a center of provoking instability; development of terrorism and military aggression. The conclusion is formulated about the need to protect the state border of the Russian Federation in the Caucasus.

The editors do not fully agree with the opinion of the authors of this article.

Key words: Caucasus; hybrid war; Russian empire; civilizing mission; state border; terrorism; territorial conflicts.

Современные исследователи подчеркивают возрастающее влияние «геополитических трансформаций на политические процессы национального и регионального уровней. Мировой геополитический процесс вызывает волны искажений национального политического пространства, затрагивая национальные интересы, дестабилизируя внутривнутриполитическую ситуацию, что создает угрозу как национальной, так и региональной безопасности» [5].

В XXI веке резко возросла геополитическая роль Кавказа.

Современные политологи уделяют особое внимание Северному Кавказу. Объясняя это тем, «что данная территория РФ является геостратегической по своей сути, территорией с высоким конфликтным потенциалом, детерминированным как общегосударственными, региональными проблемами, так и динамикой глобальных изменений» [5].

В современных условиях Кавказ подвергается мощнейшему внешнему воздействию сил Мирового Океана. Силовой блок Мирового Океана – НАТО – уже принял решение о принятии в него Грузии. Как предупреждают эксперты, «вступление Тбилиси в атлантический блок разделит Кавказ» [78]. Вооруженные силы Грузии приняли участие в международной террористической операции сил Мирового Океана на территории Афганистана. НАТО ежегодно проводит войсковые учения на территории Грузии, для

чего туда перебрасываются тысячи военнослужащих, «боевая авиация США и немецкая бронетехника» [78].

Между тем государственная граница России соприкасается с Грузией от КЧР до Дагестана. Она на этом участке обладает очень высоким уровнем криминальной проницаемости. Усиление позиций НАТО на южных границах России несет непосредственную угрозу России; ее безопасности; суверенитету, территориальной целостности Республик Северного Кавказа и России в целом [78].

В XVIII – XX веках силы Мирового Океана вели сражения за овладение Кавказом. Англия и Франция периодически подстрекали Персию и Турцию к войнам с Россией, оказывали помощь оружием и военными специалистами. Войска Турции и Персии, проникая на территорию Кавказа, проводили политику геноцида в отношении местного населения. В случае проникновения Англии или Франции на Кавказ, народы Кавказа ждала бы судьба коренного населения Северной Америки: основная часть была уничтожена, а немногочисленные «остатки» загнаны в резервации. Тогда народы Кавказа спасла Россия, принявшая Кавказ под свою юрисдикцию. В настоящее время сама Россия является объектом гибридных войн со стороны Мирового Океана. Одним из регионов гибридной войны является Северный Кавказ.

На Северном Кавказе основным объектом

противодействия является российская государственность. В соответствии с механизмом гибридных войн, внешние силы мобилизуют народы Кавказа на борьбу со своими национальными государствами. Недостатки в образовании, учебно-воспитательной работы с молодежью, и активность зарубежных международных террористических организаций, приводят к тому, что определенное количество молодежи уходит в подпольные структуры гибридных войн. Причем, идут не от нищеты и безысходности, а идут по идеологическим соображениям.

Как отмечают эксперты, «среди лиц, уходящих в бандподполье на Северном Кавказе, немало обеспеченных, хорошо социализированных людей» [45]. Явление приняло столь распространенный характер, что на него обратили внимание руководители Чечни и Ингушетии. Рамзан Кадыров «собрал чиновников и сказал: я знаю, что ваши дети шастают по горам. Не вернутся – уволю...». Парадокс заключается в том, что «в горы уходят люди с деньгами, машинами. Уходят бороться» [45]. Глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров, в свое время, подсчитал, что «среди лиц, уходящих в бандподполье, немало чиновников, работающих в республиканских министерствах и ведомствах. «Я приводил пример, 80% тех, кто уничтожен, арестован или находится в рядах бандподполья, имеют образование или обучаются, или же имеют хорошую работу. Работающие в таких местах, как казначейство, Росстат, Минфин, Росздравнадзор, в управлениях занятости, получающие зарплату от 15 до 20 тысяч и выше, имеющие постоянные материальные и другие блага» [45].

Низкий уровень обеспечения пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу создает условия несанкционированному пересечению границы представителями населения республик Северного Кавказа, которые уходят в зарубежные бандформирования.

Значительное количество молодежи Северного Кавказа уходит в зарубежные бандформирования. Как отмечают эксперты, «к 2016 году к джихадистам в Сирии и Ираке присоединилось около трех тысяч радикалов с Северного Кавказа, что привело к значительному снижению числа жертв вооруженного конфликта и боестолкновений на Северном Кавказе» [68]. А это значит, что через некоторое время в Россию, также через государственную границу, вернутся тысячи человек,

которые, кроме идеологической, прошли мощнейшую диверсионно-террористическую подготовку в зарубежных бандформированиях.

Курсы «молодых террористов» действуют на Северном Кавказе в самых неожиданных местах и учреждениях. К примеру, в Калмыкии к уголовной ответственности были привлечены представители руководства исправительной колонии № 2 (ИК-2), которые организовали на территории колонии «школу для начинающих террористов» [69]. Как стало известно в ходе следствия, «с ведома начальства ИК-2 рецидивист Ш.Г... создал в учреждении мусульманскую общину и провозгласил себя ее амиром. Он собирал дань с осужденных, готовил их к джихаду и сурово карал отступников. Кроме того, в колонии работали нелегальные колл-центры. До 2013 года доход от них контролировался «блатными» заключенными. Определенный процент взятками поступал тюремщикам» [69].

На территории внутренних регионов России отсутствуют организационно-правовые меры контроля за перемещением выходцев с Северного Кавказа, являвшихся членами радикальных структур (к примеру, «Имамат Кавказа»).

В результате по территории России периодически прокатываются силовые конфликты между местной молодежью и выходцами с Северного Кавказа, оседающими в Центральных регионах России. В первой половине 2010 года «только в Москве произошло не менее 15 драк с участием уроженцев Кавказа. Две из них закончились убийствами футбольных фанатов – Юрия Волкова и Егора Свиридова» [9], которые были убиты «лицами кавказской национальности».

Как отмечают эксперты, все террористическое националистическое подполье Северного Кавказа ориентировано на борьбу против России и русских. Этому в немалой степени способствует экстримизация исторической памяти народов Кавказа [44]; обучение и воспитание молодежи Кавказа на извращенной истории региона и местных этносов; возможность выезжать за рубеж и проходить обучение в странах радикального ислама.

Причем, политика антироссийской экстримизации исторической памяти проводится как на Северном Кавказе, так и в республиках Закавказья. В г. Майкопе и в Черкесске поставлены памятники «Жертвам Кавказской войны». Где под Кавказскими войнами понимаются не

русско-персидские или русско-турецкие войны, проводившиеся в защиту населения Кавказа от геноцида Турции и Персии. Под Кавказской войной сейчас понимается «Русско-Кавказская война». И «жертвы Кавказской войны» – это жертвы Русской армии. Политика экстримизации исторической памяти проводится и в республиках Закавказья. К примеру, как отмечают исследователи, «в последнее время в абхазском обществе и в прессе развернулись жаркие дискуссии вокруг истории российско-абхазских отношений. Страсти разогрелись из-за школьного учебника по истории Абхазии», написанного местными историками. «Их пытаются обвинить в антироссийских настроениях, как в Абхазии, так и среди российского экспертного сообщества» [11].

Хотя, как отмечают эксперты, в республиках Северного Кавказа проводится определенная предупредительно-профилактическая работа. Так, «министерством молодежной политики Дагестана был разработан тренинговый курс «Мирный Дагестан», который ежегодно прослушивают тысячи человек из разных городов и поселков» [68]. В то же время, «в Ингушетии и Кабардино-Балкарии идеологическая работа проводится с несколько меньшей интенсивностью, что, вероятно, объясняется более низким градусом конфликтности в этих республиках». В Кабардино-Балкарии создана даже «министерская должность для координации профилактики радикализации» [68]. Судя по всему, методы профилактической работы уже не отвечают потребностям времени и механизму гибридных войн. Поэтому, несмотря на активную профилактическую работу, проблемы, по мнению экспертов, остаются. Ибо, «работу по профилактике власть доверяет прежде всего провластным, патриотическим организациям и традиционным религиозным лидерам, связанным с Духовными управлениями мусульман. Однако они не имеют влияния на значительную часть молодежи и не пользуются у них авторитетом. В большинстве республик актеры, вовлеченные в подобную деятельность, стараются не касаться сложной социальной и политической проблематики, спорных религиозных вопросов и обходят стороной тему Сирии, порой не имея убедительных аргументов, а порой опасаясь реакции спецслужб» [68].

На наш взгляд, в современном идеологическом противоборстве со структурами гибридных войн не используется исторический фактор.

Молодежь критически оценивает современные проблемы региона, связанные с последствиями государственного переворота в России 1991 года. Но молодежь не знает истории своих народов; не знает ничего о цивилизаторской миссии России на Кавказе.

Чтобы понять вклад России в развитие народов Кавказа, надо посмотреть, каким был Кавказ до вхождения в состав России.

Российская империя была многонациональной страной. Но такого количества племен и народов, какое встретила Россия на Кавказе, у нее еще не было. Как пишет М. Гаммер, «Кавказ, вероятно, – самое пестрое по этническому и языковому составу скопление народов на всей земле» [12, стр. 37].

О причинах, заставлявших народы Кавказа обращаться за помощью к России, исторически точно рассказал современный Кавказский поэт С. Рыбалко:

*Кавказ терзали
Турки и татары.
И видя гибель
Родины своей,
Князь Кабарды Темрюк, –
Воитель ярый,
Собрал совет
Старейшин – узденей.*

*«Султан турецкий
Вкупе с крымским ханом, –
Сказал Темрюк, –
Аулы жгут, сады
И угоняют в Порту
Полонянок,
И нагло грабят
Земли Кабарды».*

Князь увидел единственный выход из создавшегося положения: проситься в подданство Руси.

*«От этих алчных
И коварных сил
К спасению
Одна у нас дорога:
Проситься надо
В подданство Руси.*

*Она сильна,
Не алчна и могуча,*

К чужой беде отзывчива.

Всегда

Поможет нам

Врагов рассеять тучи,

Чтоб снова стала

Вольной Кабарда... [61, стр. 146-147]

В Таблице 1 представлен далеко не полный перечень инициативных обращений горских владетелей к руководству России за помощью и защитой.

Как отмечал известный современный политик Р.Г. Абдулатипов: «начиная с начала XVII века фактически самые активные связи с Россией были по всему периметру дагестанских владетелей: и аварского хана, и казикухумского хана, и шамхала Тарковского. Дагестанские владетели были в Москве в 1614 году и просили подданства России».

Во всех этих обращениях на начальном этапе была одна особенность: отсутствие общей границы между государственной территорией Руси-России и Северным Кавказом. Между ними лежала Великая Степь, заселенная неподвластными России кочевыми и полукочевыми племенами.

На Кавказе активно обсуждаются вопросы о праве первенства этносов на Кавказ. То есть, какие этносы являются коренными на Кавказе, а какие пришлыми? Этот вопрос в равной степени относится к появлению русских на Кавказе.

Было бы неверным рассматривать появление русских на Кавказе в новом летоисчислении. Необходимо задать вопрос: когда на Кавказе появились русские? В ряду с другими народами, каким «правом на Кавказ» обладают русские? Вопрос имеет не риторическое значение. Русских обвиняют в оккупации Кавказа, исходя из того, что они появились почти последними по сравнению с другими кавказскими народами. В настоящее время происходит активное «выдавливание» русских с Северного Кавказа.

Вопрос о появлении русских на Кавказе крайне сложный, ибо ответ на него уходит в глубины тысячелетий.

Среди ученых разных национальностей и времен идут споры о древности населения Кавказа. Отдельные исследователи пытаются утверждать, что «Кавказ является прародиной всего человечества». К примеру, Ф. Джамалов сделал сенсационный вывод, «все этносы, все

народы, существующие в настоящее время на нашей планете, имеют единые корни.... Кавказ является Прародиной человечества и первым – главным очагом мировой цивилизации.... Кавказские народы – это коренные, автохтонные этносы Прародины человечества. И генетические корни всех народов на земле восходят к древним автохтонным этносам Кавказа» [22].

С подобной точкой зрения, на наш взгляд, нельзя согласиться. Только в одном Дагестане проживает около 50 этносов, говорящих на 30 совершенно разных языках. Немецкий исследователь конца XVIII века, основатель физической антропологии, Иоганн Фридрих Блюменбах, разделил все человечество «по комплексу определенных наследственных признаков» на «пять рас: кавказская (белая), монголоидная (желтая), негроидная (черная), малайская (коричневая), американоидная (красная). Подобная классификация в различных вариантах продолжает существовать и сегодня» [51]. Кавказ, по словам Стробона – родина белой арийской расы. Кавказоиды – это белая раса. В одном месте одновременно не могли зародиться все пять рас. Следовательно, «генетические корни всех народов на земле» не могли восходить «к древним автохтонным этносам Кавказа» [22].

Известный генетик А. Клесов, исследовав ДНК-генеалогию славян, кавказцев и евреев, показал совершенно разные ДНК этих этносов. Которые не могли «зародиться» в одном генетическом источнике, и не могли возникнуть в результате мутации белой арийской расы [38].

Судя по всему, автор этой идеи не читал Библию и Коран, мифы Древней Греции, труды ученых Древней Греции и Древнего Рима, историю Кавказа, не интересовался ДНК-генеалогией и волновой генетикой. На самом Кавказе появился лишь один «народ», за вмешательство в судьбу которого Прометей распяли там же, на Кавказе. Чтобы он имел возможность наблюдать за последствиями своих непродуманных действий. Последствия непродуманных действий Прометей сказываются и на судьбе современного Кавказа и России.

В научных кругах по сей день бытует мнение, что европейская, белая раса, родом с Кавказа.

На основании проведенных исследований Блюменбах пришел к выводу, что кавказская, белая арийская раса, изначально появилась на Кавказе. Без объяснения, как она туда

Таблица № 1

Сведения об инициативных ходатайствах горских владетелей и руководителей вольных обществ с просьбой о принятии в подданство России [24].

Год обращения	инициатор обращения	адресат обращения (к кому обращались)
1492	царь Кахетии Александр	великий князь Иоанн III
1557	Тюменский шамхал	Астраханский воевода Иван Черемисин
1586	Царь Кахетии Александр II	царь Федор Иоаннович
1588	черкасский князь Мамстрюк	царь Федор Иоаннович
1588	племянник окоцкого мурзы Ших-Батай и посол кабардинского князя АлкасаАсламбека	царь Федор Иоаннович
1588-1589	Аварский нуцал	царь Федор – царь Иван IV
1589	князь Окуцкий-Бойтава и князь Алкас-Асламбек	царь и великий князь Иван IV
1589	черкасские князья Худенек мурза, кн. Мамстрюк и Кута мурза	царь и великий князь Иван IV
1603	кабардинский черкасский мурза СюнчалейЯнгличев	царь Борис
1604	карталинский царь Георгий	царь Борис
1614	Салтан-Махмуд Эндирейский	Боярская Дума
1627	Кумыкский владетель Айдемир	терские воеводы В.Щербатов и С. Татищев
1658	грузинский царь Теймураз Давидович	царь Алексей Михайлович
1711	кабардинский князь Александр	император Петр I
1720	Шамхал Тарковский Адиль-Гирей	Коллегия иностранных дел
1721	Андреевские владетели	император Петр I
1722	Ахмед-хан Катайский	император Петр I
1722	ШамхалАдиль-Гирей	император Петр I
1732	Кабардинские князья Ислям-бек, Мохомет-бек, Кайсим-бек, Касай-бек, Кара-Мурза-бек, Нитшах-бек	императрица Анна Иоанновна
1755	владельцы Малой КабардыКайжокиКилексанов и др.	императрица Елизавета Петровна
1769	Казанищенский владетель ТишсизБаMAT	кизлярский комендант Н.А. Потапов
1774	кабардинские князья Кайтуки и КелменАхловы	астраханский губернатор
1768	Чеченцы «при Сунже»	кизлярский комендант Потапов
1774	Осетинские старшины Куртатинского и Воллагирского уездов	Астраханский комендант П.Н. Кречетников
1781	чеченский владелец АрсланбекАйдемиров	кизлярский комендант Куроедов
1781	гребенчуковский старшины Казий, Ханбий, Юсуп, Канмамета, Мирзубекбей, Марзахан	Кизлярский комендант Куроедов
1781	старшины Качкалыковского общества	Кизлярский комендант Куроедов
1783	кабардинские князья Арслан-бек и другие	командующий кавказским корпусом П.С. Потемкин
1783	Фетали-хан Дербентский	командующий войсками на Кавказской линии П.С. Потемкин
1783	ШамхалМуртазали	наместник Астраханский и Азовский Г.А. Потемкин
1786	Уцмий Али бек	Кавказский генерал-губернатор П.С. Потемкин
1786	Ума-хан Аварский	Президент военной коллегии Г.А. Потемкин
1806	Союз сельских обществ Западного Дагестана	Телавский капитан-исправник
1806	Дигорские старшины	военное руководство
1809	старшины Союзов сельских обществ селений Ахты, Мискинджи и др.	Бакинский комендант В.А. Репин

попала. Следовательно, «древние народы Кавказа являются прародителями всех европейцев». Напомним, что европейцы, это белая арийская раса. Белая раса не могла, нарушив законы генетики, превратиться в серую, черную, красную, желтую расы. Следовательно, Кавказ был прародиной белой арийской расы. Остальные расы – пришлые [51].

Как утверждают отдельные эксперты, история Кавказа и русских корней на Кавказе тесно связана с Гипербореей*. В седьмом тысячелетии до современного летоисчисления произошел исход праславян-ариев из Гипербореи под руководством князя Яра, Ярия, Ария. Тогда славяно-арии прошли с Крайнего Севера на Южный Урал, а затем в «Край Иньский», где на территории нынешних Китая и Индии построили Арийское государство. В четвертом тысячелетии до современного летоисчисления начался второй исход славян-ариев, которые в это время получили уже название индо-ариев. Второй исход возглавил князь Яруна (Арджуна). «Он вывел предков славян из Индии (Пенджаба) в Переднюю Азию, на Кавказ» [63, стр. 433]. Именно здесь, на Кавказе в IV тысячелетии до современного летоисчисления была построена столица арийской славянской державы, Русколани, град Куар (Киев Таронский). «Об этом событии повествует древнеармянский манускрипт..., так называемая «Хроника Тарона» [63, стр. 418]. Русколани занимала территорию от Урала до Дуная, Малую Азию и Кавказ со столицей на Кавказе [20, стр. 134].

И гибель Русколани также началась на Кавказе.

В IV веке современного летоисчисления германский полководец Германарех направил на Кавказ значительные силы. Войсками русов командовал правитель Русколани Бус Белояр. В сражении Германарех был ранен и вскоре умер. На его место пришел Амал Винитарий, принадлежавший к германо-венедскому роду Амалов, имевший славянские корни. Готы, возглавляемые Амалом Винитарием, разбили войска русов. Бус Белояр и государственная элита Русколани были распяты на крестах.

Жена Буса Белояра на месте гибели супруга, в 30 километрах от Пятигорска, поставила ему памятник работы греческих мастеров. Этот памятник был обнаружен летом 1771 года немецким путешественником и естествоиспытателем

Иоахимом Гюльденштедтом. Описание и рисунок памятника были опубликованы в книге автора на немецком языке. На публикацию обратил внимание русский канцлер Николай Петрович Румянцев, известный исследователь древностей и основатель Румянцевской библиотеки (ныне Российская Государственная библиотека). В июне 1823 года он посетил место установки памятника в сопровождении конвоя из 50 казаков. Детальное описание памятника Буса сделал также просветитель кабардинского народа Шора Ногмов в своей книге «История адыгейского народа» [53]. Эти публикации привлекли внимание широких слоев общественности. «В 1849 году трудами члена Одесского общества любителей древностей Авраама Фирковича памятник с древнего кургана у реки Этоки был перенесен в Пятигорск и помещен у бульвара, ведущего на Елизаветинскую...аллею.... В 1850-х годах статуя князя Буса была перевезена в московский Исторический музей... Ныне этот монумент находится в Москве, в запасниках Исторического музея» [20, стр. 27, 154]. По непонятной причине этот памятник упрятан от взора посетителей музея.

Позволим себе высказать несколько «нестандартную» точку зрения на многочисленные зачистки населения Кавказа арабами, монголо-татарами, «тимуровцами» и др.

Коль скоро столица арийской славяно-русской сверхдержавы находилась на Кавказе, то и многочисленные набеги на Кавказ преследовали основную цель уничтожения именно арийцев. Вначале готы разгромили арийские войска и казнили последнего правителя Русколани Буса Белояра и 70 человек арийской элиты. Но рухнула держава, а люди остались, стали называться по-другому. Вполне естественно, что даже после гибели правителя Русколани и крушения славяно-русской сверхдержавы, славяно-русы не исчезли бесследно. Они ассимилировались, дав название другим народам. Т. Лапинский неоднократно говорил о том, что отдельные горские этносы принадлежат к индоевропейской, то есть славяно-арийской группе. «Жители Кавказа принадлежат к трем семьям народов, а именно: к индоевропейским – абазы», – писал он. В следующий раз он отмечал, что «абазы... принадлежат к индоевропейской расе и имеют племенное и языковое родство с жителями христианского княжества Абазии, со сванетами и осетинами...» [40, стр. 73].

К вопросу об осетинах. Мы уже приводили высказывание И. Бларамберга, что «произношение слов осетинского языка очень напоминает произношение нижненемецких и славянских диалектов» [8, стр. 240]. То есть арийские народы, проходя через Кавказ, оставили здесь следы своего пребывания. И многочисленные военные набеги на территорию Кавказа и демографические зачистки населения монголо-татарами, иранцами в основном были направлены на уничтожение арийцев.

Естественно, что не все русы ассимилировались и дали название другим этносам. Под своим настоящим этническим именем они еще долго встречались на Кавказе.

Сами кавказские ученые указывают, что «одним из самых ранних, если не самым ранним, дошедшим до нас известием о пребывании русов на территории современного Дагестана является сообщение Беланы о появлении русов в 643 году н.э. в районе к северу от Дербента» [25, стр. 379]. Из этих, а также других данных делаются выводы, что русы встречались с жителями Дагестана еще в VII веке. Как указывает М. Тебенков: «близкое знакомство закавказских и прикаспийских народностей с русскими славянами можно считать возникшим не позднее 7-го или начала 8-го века» [71, стр. 12]. Другой кавказский исследователь, Х.М. Хашаев, пишет, что: «Дагестанские народы, занимавшие территорию от западных берегов Каспийского моря до снеговых вершин Большого Кавказа, еще в VII в. н.э. встречались с «русами» южнорусских степей, проезжавшими в Закавказье по торговым делам через сухопутную и водную магистраль – Дагестан» [73, стр. 26].

В источниках более поздних веков упоминания о появлении русов на Кавказе встречаются все чаще. Известный арабский писатель Ибн-Хордадбе в своей «Книге путей и государств», написанной им около 846 года, отдельную главу посвятил русским купцам. Она так и называется: «Путь купцов русов». «Ибн-Хордадбех описывает маршрут водного пути из Восточной Европы к берегам Каспийского моря. «Что же касается русских купцов, – пишет он, – а они племя из славян, то они привозят меха бобров, меха черных лисиц и мечи из самых отдаленных (частей) страны славян к Румскому (Черному) морю» [36, стр. 106].

Купцы русов со своими товарами

свободно перемещались по обеим сторонам «моря Джурджана» (Каспийского моря) и увозили свои товары на верблюдах в Багдад. В последующие годы торговые связи русов с Кавказом развивались. В десятом веке расширился перечень товаров, привозимых русскими купцами. Сюда входили, кроме мехов, выделанные кожи, янтарь, моржовая кость, воск, лен, полотно, серебряные изделия, пользовавшиеся значительным спросом кольчуги, рыбий клей и др. [34, стр. 324-325]. Об интенсивности русской торговли, а следовательно, об активности русов говорит такой факт: Дербентский базар в X веке славился на Кавказе как «рынок русского льна» [14]. Как отмечает крупный современный историк Б.А. Рыбаков, «По берегам Каспия русы бывали в Дербенте, у устья Куры («Русский остров»), в «нефтяной стране» около Баку, в Табаристане и даже в самом отдаленном углу Каспия – в городе Абезуне. Каспийским путем русы проникали в крупнейший город Закавказья Бердаа и далее в такие торгово-промышленные центры, как Рей и Тавриз» [36, стр. 107]. Естественно, что столь широкие торговые связи должны были способствовать созданию славянской диаспоры в Прикаспии. Так оно и было. Как отмечает Ибн-Хаукаль, с городе Семендер, крупном торгово-ремесленном центре приморского Дагестана, наряду с мусульманскими мечетями и еврейскими синагогами действовали и христианские церкви [13, стр. 49].

В свою очередь, Кавказ активно торговал с Русью. Изделия Востока, оружие и ювелирные изделия Зирехгерана, ковры, паласы из Табасарана..., шелковые изделия из Ширвана активно поставлялись в Киевскую Русь.

Но не только торговые интересы связывали Русь и Кавказ. Русы часто оказывали военную помощь населению Дагестана, которое в тот момент еще не исповедовало исламскую религию. В 731 году на территорию современного Дагестана состоялось большое нашествие арабов, которые проводили политику геноцида местного населения. В этих условиях русы, потерявшие свою государственность, но сохранившие свою этническую роль среди местного населения, организовали сопротивление арабам. Мухаммед Рафи так описывает нашествие арабов на территорию Дагестана: «Когда обитатели Дагестана узнали об этом, то все их неверные собрались вместе, сопровождаемые войсками русов, которые всегда

поровну делили с ними добро и зло (выделено авт.). Они с целью отразить мусульман и причинить им бедствие и вред появились около города, называемого Чур» [70, стр. 172] (Дербент – Авт.). Здесь обращает на себя внимание одно высказывание о взаимоотношениях кавказцев и русов: они «всегда поровну делили с ними добро и зло». Это значит, что у жителей приморского Дагестана не наблюдалось никаких этнических разногласий и люди жили дружно.

В это же время крупные силы русов совместно с кавказцами, в частности, с дагестанцами регулярно совершали воинские походы в Закавказье. Исторические источники перечисляют походы русов и горцев в 864-884; 913-914 и 943-944 гг. Целый ряд источников дает описание внешних данных русов, их поведения в бою и в бытовой обстановке. Так, Ибн – Мискавейх пишет о русах: «Это великий народ, отличающийся крупным телосложением и большим мужеством, они не знают бегства и никто из них не убежит, повернувшись к врагу, пока он не убьет или будет убит...Я слышал от людей, видевших русов, удивительные рассказы об их мужестве» [31]. Войска русов были интернациональными по своему составу: в них были «аланы и лезги». Но сформировать совместные русо-горские воинские подразделения можно было только при хороших этнических взаимоотношениях, при обоюдном знании языков.

Несмотря на значительный военный опыт и силы, русы не использовали свою победу во вред местному населению. Так, вступив в город Бердаа, они, по словам Ибн-Мискавейха, объявили горожанам: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас хорошо повиноваться нам» [79, стр. 65].

Русы не только были хорошо вооружены. Они имели с собой строительные инструменты: топоры, пилы, молотки и другие, что давало возможность им активно включаться в различного рода созидательную деятельность.

И хотя русы после взятия Бердаа поступали с жителями очень хорошо, местный владетель Марзбан-Ибн-Мухаммед спровоцировал население на военный конфликт с русами. Естественно, он потерпел поражение. Но начавшаяся среди русов эпидемия заставила их покинуть Кавказ.

Анализ исторической источниковой базы

позволяет сделать вывод, что в рассматриваемый период между русскими князьями Тмутаракани и горскими владетелями существовали тесные дружеские связи. Это находило отражение и на бытовом уровне. Так, при княжеском дворе в Тмутаракани одним из доверенных слуг, ключником, служил горец. Правители Дагестана, в свою очередь, стремились формировать свои дружины русами. В X веке дружина эмира Дербента состояла из русов. О том, каким авторитетом пользовались русские дружинники у правителя Дербента можно судить из такого примера. В 989 году гялинский проповедник Муса Тузи направил требование эмиру Дербента: выдать ему русских дружинников, «чтобы обратить в ислам или убить». Эмир, которому грозило наказание за отказ выполнить указание исламского лидера, отказался выдать русских, оставил должность наместника Дербента и ушел вместе со своей русской дружиной в Табасаран.

В VII веке многие регионы Кавказа были оккупированы Хазарским каганатом. В VIII веке на Кавказ началось вторжение арабских завоевателей. Вполне естественно, что местные этносы оказывали активное противодействие захватчикам. Очень часто в таких сражениях принимали участие славяно-русы, оказывавшие существенное влияние на расстановку политических сил в регионе. Уже в IX веке славяно-русы совместно с горцами вели жестокие сражения с войсками Хазарского каганата. В 40-е годы X века дружины русов также часто проникали на Северный Кавказ и в Закавказье. В рассматриваемый период только славяно-русы обладали судами, с помощью которых они плавали по Каспийскому морю и высаживались на различные побережья Северного Кавказа и даже Закавказья. Причем, как отмечают восточные источники, в этих походах русские активно взаимодействовали с аланами, лезгинами, ингушами и дагестанцами. А это значит, что между ними и русами не было ни политических, ни этнических раздоров; они хорошо понимали друг друга. В 60-е годы X века русские войска под командованием князя Святослава разгромили Хазарский каганат. Ликвидация каганата позволила соединить земли Тмутаракани и Киевской Руси, что основательно укрепило русские позиции на Кавказе. «Из Тмутаракани распространяется на Северном Кавказе и русская культура. Об этом, в частности, свидетельствует найденная у села Преградного (Ставропольский

край) надпись русскими буквами на адыгском языке, датируемая 1041 г.» [24, стр. 14].

Как отмечают современные исследователи: «миграция русского населения на Кавказ берет начало еще с XI века» [46, стр. 15]. Хотя подобный тезис вызывает обоснованное сомнение, что видно из предшествующего материала, но пока отметим политические связи русских с горцами в этот период. В X и XI веках русские князья устанавливали тесные связи с Кавказом за счет создания брачных союзов между правящими родами. Например, сын Владимира Мономаха Ярополк женился на Елене, дочери осетинского князя Сварна. Брат Андрея Боголюбского Всеволод Георгиевич был женат на осетинке Марии. Сестра Марии в свою очередь в 1182 году вышла замуж за Мстислава, сына великого князя Киевского Святослава. Изяслав Мстиславович в 1154 году женился на дочери грузинского царя Димитрия [36, стр. 25]. Знаменитая грузинская правительница царица Тамара (1184-1212 гг.) была замужем за русским князем Георгием, сыном Андрея Боголюбского [36, стр. 20]. А это значит, что русские и кавказские правящие элиты находились в очень тесном общении и родстве. Естественно, что родственные связи представителей правящих слоев приводили и к выработке какой то единой русско-кавказской политики.

На основании изложенного можно утверждать, что русские являются наиболее древним населением Кавказа. И не случайно русские так активно устремились на Кавказ в XVI веке: их вела туда генетическая память народа.

В истории долгое время появление России на Кавказе считали колонизацией. Однако в последнее время даже среди историков Кавказа все чаще начали звучать высказывания о том, что «включение Северного Кавказа в состав России... имело прогрессивное значение. В целом оно создало благоприятные условия для безопасности, более ускоренного развития экономики и культуры народов края, для их сближения с русским народом» [35, стр. 55].

На начальном этапе проникновения России на Кавказ русские плохо разбирались в этнических характеристиках многообразных народов, населявших Кавказ. Как писал дореволюционный исследователь: «на территории Кавказа проживает громадное количество маленьких народностей. Некоторые из них представляют собой остатки азиатских орд, проходивших туда и

обратно через эти горы во время великого переселения народов, но большую часть составляют местные автохтонные племена. Каждое из этих племен сохранило свой собственный язык» [8, стр. 19]. В служебных документах и литературе горские народы вначале называли чаще всего или татарами, или черкесами. Между тем, из всех территорий Российской империи Кавказ был наиболее сложным по национальному составу. Так, Р.А. Фадеев, долгое время исследовавший Кавказ, писал, что: «Кавказский хребет заселен семью совершенно различными народами. Дагестан, покорный и непокорный, занимают три племени, которых русские окрестили общим названием лезгин, но которые рознятся коренным образом и языком, и наружным видом... На северном склоне горного хребта... живет чеченское племя, которое называет себя нохче. Средине Кавказского хребта, самая узкая и высокая, заселена осетинами..., племенем сравнительно новейшим... Вся западная группа Кавказа занята многочисленным народом адыгов, обыкновенно называемых черкесами» [72, стр. 43].

Но русским, волей-неволей, надо было изучать историю народов хотя бы для того, чтобы принимать решение о приеме их в подданство России. Вот почему сведения об истории горских народов встречаются в летописях и дипломатических документах уже XVI века. А в XVII веке был издан известный памятник географии и отчасти этнографии Кавказа – «Книга Большого Чертежа», на страницах которой рассказывалось о некоторых горских народах. В дальнейшем русские военно-политические деятели: наместники, командующие войсками и др. уделяли самое пристальное внимание изучению истории народов Кавказа. Например, в 1728 году на Кавказ был направлен русский чиновник немец Иоганн-Густав Гербер с заданием составить описание местности и населения. Во второй половине XVIII века известный русский военно-политический деятель Павел Сергеевич Потемкин составил «Краткое описание о кабардинских народах», которое получило распространение еще в рукописном виде. Особая ценность работы заключалась не только в диапазоне рассматриваемых вопросов. П.С. Потемкин описывал то, свидетелем чего был лично.

По поручению Академии наук в 1770 – 1773 гг. путешествие по Кавказу совершил немец на русской службе, врач и естествоиспытатель

Иоганн-Антон Гюльдентшедт. Он проехал по территории Кабарды, Осетии, Грузии, побывал в Кизляре, и, в результате оставил богатые записи об истории и быте черкес, абазов, ногайских татар, кистинах, ингушах, осетинах и др.

Два тома «Путешествия в Астраханские и Кавказские степи» были подготовлены Яном Потоцким, известным польским ученым, почетным членом Академии наук, который в 1798 году также совершил путешествие по Северному Кавказу. То есть Кавказ и горские народы, с появлением на Кавказе русских, стали объектом пристального внимания ученых.

В 1800-1801 гг. в Петербурге были изданы работы Петра-Симона Палласа, ученого-энциклопедиста, который по поручению Российской Академии наук в 1793-1794 также совершил путешествие по Кавказу. Его книга «Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах» содержит интересные сведения об осетинах, ингушах, чеченцах, сванах, кабардинцах и др.

Но не только гражданские ученые занимались исследованием истории и этнографии Кавказа. Самое пристальное внимание этому уделяли офицеры русской армии, прежде всего – военные разведчики. Для того, чтобы успешно воевать с горцами, надо было знать, кто они. «Царское командование не раз... практиковало посылку разведчиков и агентов в непокоренные районы Кавказа. В Абхазию, в частности, специально командировались офицеры Ф.Я. Скирневский (1807 г.) и Е.И. Энгольм (1817), а также Р. де Скасси (1818-1820), Поль Гибаль (1820), Тебу де Мариньи (20-е годы), Гамба (1820-1824)» [64, стр. 15]. В Вооруженных силах Российской империи служило много иностранцев. К примеру, крепость «Прочный Окоп» сами солдаты называли «Немецким окопом», из-за обилия немцев среди офицеров.

Русские офицеры часто ходили по тылам мятежных и немирных горцев. Например, в 1829 и 1830 гг. капитан-артиллерист Г.В. Новицкий конспиративно исследовал все Закубанье, Большую и Малую Кабарду, а также местности на восточном берегу Черного моря. Причем, он не знал горских языков, а в целях маскировки обрил голову, отпустил бороду, надел черкесскую одежду и притворился глухонемым. По результатам разведывательного поиска он выпустил ряд крупных работ, в том числе: «О черкесских

племенах», «Описание Кубанской кордонной линии от стока реки Кубани в Черное море до города Екатеринограда, в 1831 г.» и другие. Хорошие результаты, полученные Г.В. Новицким привели к тому, что в тыл стали направлять и других военных разведчиков. В 1830 году в Абхазию был направлен поручик Генерального штаба барон И.К. Аш. Среди других перед ним была поставлена задача собирать сведения «о племенах, населяющих пространство сие...», то есть территорию предстоящих военных действий. И.К. Аш выпустил ряд трудов, в том числе, «Сведения, составленные по расспросам о народах, населяющих пространство от развалин монастыря Гагры до р. Сочали и береговой дороги на сем расстоянии» и др. Великолепные материалы об образе жизни многих кавказских этносов собрал военный разведчик барон Ф.Ф. Торнау [64].

Много внимания исследованию этнических особенностей Кавказа посвятил русский ученый А. Берже. Он сделал обзор горских племен на Кавказе. «Разнообразие племен, населяющих Кавказ, – писал он, – ставило в неизбежное затруднение самых усердных изыскателей даже и в том случае, когда они касались вскользь этого предмета» [6, стр. 3].

Основные причины таких сложностей заключались в том, что, основная часть народов Кавказа не имела своей письменности и потому вся информация об их истории передавалась преимущественно устным путем. Как писал международный террорист, «полковник и командир польского отряда в стране независимых кавказцев, Теофил Лапинский, «как адыги не имеют письменности, так не имеют они и памятников. Кроме каменных и деревянных крестов, я не видел в горах ничего, что могло бы дать представление о прошлом этого народа» [40, стр. 98].

И сами народы и племена Кавказа не всегда могли идентифицировать себя по национальному принципу. Да и вообще, применительно к народам Кавказа вряд ли возможно вообще говорить о национальностях. Основная часть горских народов называлась по имени владельцев (ногайцы), населенных пунктов (чеченцы), участков местности и т.п. Как пишет И. Бларамберг: «ногайцы, пришедшие в эти места... сохранили старые названия своих племен, тогда как балкарцы, карачаевцы и чегемы изменяли свои первоначальные названия» [8, стр. 325]. А их именно

национальную принадлежность вряд ли вообще когда-либо удастся выяснить. «В течение многих веков своего существования различные племена много раз меняли свои названия и места поселения» [74, стр. 7], – отмечал дореволюционный исследователь. Естественно, появившимся на Кавказе русским пришлось довольно трудно в изучении горских народов. Тот же Берже делил Кавказские народы, «за исключением татарского племени», на семь основных групп, говорящих на сходных языка. 1) Картвельская; 2) Абхазская; 3) Черкесская; 4) Осетинская; 5) Убыхская; 6) Лезгинская и 7) Чеченская. Естественно, деление было довольно прогрессивным для середины XIX века.

Прежде чем рассматривать этническую характеристику Кавказа, надо посмотреть на механизм заселения Кавказа различными народами.

В исторической литературе не прекращается спор о том, были ли на Кавказе свои «коренные» народы, либо все проживавшие там народы были пришлыми – мигрантами. Современные авторы утверждают, что на Кавказе были свои коренные народы. Дореволюционные специалисты считали, что «Кавказ был центром расселения людей... Однако, вернее думать, что Кавказ служил убежищем для разных народов, отступавших в него с севера и юга. С какого времени стал заселяться Кавказ, неизвестно» [37, стр. 68]. А расселяясь на Кавказе, этносы стремились объединяться и держаться по этническому принципу. В свою очередь это вело к этнической замкнутости, отсутствию контактов с соседями. «Население гор, – писал Р.А. Фадеев, – особенно восточной половины Кавказа, оставалось целые тысячелетия недоступным постороннему влиянию. Замкнутые в своих неприступных ущельях, кавказские горцы сходили на равнину только для грабежа и убийства; дома дни их проходили в самой тупоумной праздности» [72, стр. 44].

И так, нам надо попытаться выяснить такие вопросы: какова национальная принадлежность этносов, населявших Кавказ на момент появления русской власти; как национальная принадлежность отражена в названии народа и каковы основные этнические особенности образа жизни народов.

На момент появления России на Кавказе население можно разделить по ряду регионально-этнических групп. Мы не будем разрабатывать собственной классификации племен и народов,

а возьмем за основу ту, которая отражена в литературе.

Почти через весь Кавказ проходил Главный Кавказский хребет. «Еще и по сие время главный Кавказский хребет, – писал Берже, – эта исполинская, недоступная твердыня на рубеже Европы и Азии, вмещает в себя самые разнородные племена и общества, о которых мы имеем очень поверхностные и весьма сбивчивые понятия» [6, стр. 3-4]. По обеим его сторонам проживали в основном осетины. Они делились на несколько обществ: Тагаурское, Алагирское, Дигорское, Куртатинское. Дореволюционные авторы подчеркивали особые качества осетинского языка, анализ которого позволял проследить их этнические корни. «Произношение слов осетинского языка очень напоминает произношение нижне-немецких и славянских диалектов» [8, стр. 249]. В первой половине XIX века значительное количество осетин при поддержке русского военного командования переселилось с гор на равнины, после чего соотношение обществ несколько изменилось. Как отмечали дореволюционные исследователи: «осетины так же как и большинство их соседей, склонны к грабежу. Молодые люди доказывают свою ловкость мелкой кражей, грабеж укрепляет их репутацию, а когда они совершают убийства – становятся знаменитыми героями. Осетин хвалится мошенничеством, он гордится, совершив убийство или кровную месть» [8, стр. 257].

В Северо-Восточной части Кавказа проживала большая группа ногайцев, которая делилась на две этнические подгруппы: терская и аксайско-сулакская. Название «ногайцы» не было обозначением национальности. Как отмечает дореволюционный исследователь: «ногайцы получили название свое от Нагая или Ногая, славного татарского полководца, который в 1262 году... отделившись от Большой Орды, некоторое время властвовал в Даште-Капчаг или в Золотой орде. Но по смерти Нагая, нагайцы составили особенное отделение» [10, стр. 206]. Ногайцы одними из первых окраинных этносов вступили в подданство России. Уже в 1552 году, спасаясь от разбойных нападений Астраханского «царя Ямгурчя», они обратились к русскому царю Ивану Грозному с просьбой о принятии в подданство. В свою очередь большое племя ногайцев разделялось на более мелкие объединения. К примеру, бештовские ногайцы подразделялись

на шесть родов: каспулатовцев, кипчаков, единцев, джембуйлукцев, мангутов и наврузовцев. «Кара-ногайцы» или «Черные ногайцы» разделились на пять родов (колен).

На Кубанской равнине, а также по рекам Лабе, Белой и Зеленчуков, куда ранее всего пришли русские войска и переселенцы, проживали бжедухи, адамиевцы, егерукаевцы, махошевцы, бесленевцы, темиргоевцы, ногайцы, богайцы, баракаевцы, тамовцы, башильбаевцы.

О количественных и качественных характеристиках некоторых из перечисленных этносов хорошо рассказал дореволюционный исследователь С. Броневский. «Бжедухи занимаются земледелием и отчасти скотоводством на правом берегу Кубани. Их числят не более 670 семей; между закубанцами, которые славятся разбоями, они не последние» [10, стр. 66]. Количество темиргоевцев было больше – до 5 тысяч семей. Как правило, их поселки укреплялись сторожевыми башнями. «Темиргойцы живут богаче и опрятнее своих соседей..., упражняются в хлебопашестве и скотоводстве... Неприятеля их абхазские колена, прилегающие к ним тубинцы и убыхи, с коими непрерывно происходят у них баранты, захваты и кровомщения» [10, стр. 68], – отмечал дореволюционный исследователь.

Высокогорные районы Приэльбрусья занимали балкарцы и карачаевцы. Это были в основном труднодоступные ущелья Баксана, Чегема, Черка, Урвани. Существует несколько версий появления слова «карачаевцы». Одна из них – «карачаевцы», переводится, как «черный ручей» и, видимо, связано с одной из территорий расселения. В свою очередь черкесы называли карачаевцев «каршагакуш-ха»; мингрелы и имеретинцы – «карачиоли»; татары – «кара-черкес», то есть «черный черкес». По оценке других исследователей, название «карачаевцы» было связано с именем их вождя Карачая, который привел их на берега Кубани [8, стр. 308]. Современные исследователи истории карачаево-балкарского народов объясняют это следующим образом: «Слово «кара» ...означает «большой», «великий», «могучий». Слово «чай»/«сай» – означает на общетюрском – «река», «русло». Таким образом, термин «Карачай» означает «Большая, Великая, Могучая река», то есть имя народа могло произойти от названия реки, как это часто бывает во всем тюркском мире, и означать «Речные люди» [49, стр. 32]. Как отмечал И. Бларамберг:

«доподлинно известно, в какой период три татарские племена пришли на занимаемые ими сейчас территории. Вероятно, это относится к периоду до 1552 года, то есть до того, как ногайские орды покорились России» [8, стр. 325].

Не менее сложные истоки прослеживаются горскими исследователями и в названии «балкарцы». Так, И.М. Мизиев считает, что «балкарцы» произошли от хазарского племени под названием «Баси» или «Бас». «От имени этого племени происходит имя другого легендарного героя балкарцев – Басият, что в свою очередь, дало название социальной, княжеской верхушке балкарии – басият. Вероятно, по имени тех же басов происходит и грузинское название балкарцев – басиани. Имя сами болгар является до сих пор одним из самоназваний современных балкарцев» [49, стр. 57].

На Черноморском побережье и на Северо-Западе Кавказа проживали адыгские народы: шапсуги, убыхи, натухайцы, абадзехи.

«Племя шапсугов, – писал И. Бларамберг, – самое могущественное среди всех черкесских племен; оно постоянно укрепляется за счет притока новых беженцев, которые здесь получают права гражданства и ассимилируются... Шапсуги... известные своей ненавистью к русским и упорным нежеланием подчиниться или жить в мире с Россией» [8, стр. 191]. Как видно из самого механизма формирования племени – «за счет притока новых беженцев» – племя было этнически неоднородным, многонациональным. Шапсуги пользовались большим авторитетом у окружающих народов, которые считали, что как только шапсуги добровольно либо принудительно подчинятся русским, то же самое сделают и многие другие племена. В свою очередь убыхи были известны как опытные пираты, нападавшие на суда даже далеко от берега. Племя абадзехи (абедзехи) получило свое название «по имени черкесской красавицы, некогда жившей среди них, поскольку по-черкесски «абазех-дах» означает «красавица» [8, стр. 125].

Здесь же, на Черноморском побережье и на Северо-Западе Кавказа проживали: гурийцы, мингрелы, грузины, а также более мелкие этнические группы, которые со временем растворились среди названных народов.

К числу одной из таких малых народностей можно отнести пшавов. Как писал русский исследователь Кавказа М. Ковалевский: «В Тионетском

уезде Тифлисской губернии живет небольшое и мало исследованное племя пшавы. Они окружены с разных сторон не менее их патриархальными народностями: хевсур, кистин и тушин» [39, стр. 62].

Как видно из приведенных названий местных этносов, сейчас практически никто не может объяснить, почему так или иначе называются местные этносы и что означают их наименования.

И здесь необходимо остановиться на влиянии географических территориальных особенностей местности на физическую, информационную, правовую и политическую изолированность горских племен. Многие горские племена жили в труднодоступных горных местах, совершенно изолированно от соседей, редко вступая с ними в контакт. Тем самым сохранялись этнические особенности тех народов, к которым ранее относились эти горцы на этапе начала изоляции в горах Кавказа..

Так, одним из наиболее изолированных племен на Северо-Западной части Кавказа являлись сванеты. «Во всей Европе нет племени, поселения которого были бы расположены так высоко над морем, как сванетские, – писал М. Ковалевский... – Сообщение с севером доступно лишь для немногих; с югом – в течение не более двух месяцев в году» [39, стр. 3].

После присоединения Кавказа к России русские ученые сделали много для изучения быта, обычаев горских народов. Благодаря этому информация о многих из них, исчезнувших ныне, дошла до сегодняшнего дня.

Многообразным в этническом отношении был Дагестан**. «На его территории проживают не менее 30 этническо-языковых групп» [12, стр. 37], – пишет современный израильский ученый. Но в рассматриваемый период этнические характеристики Дагестана были еще более разнообразными. В Прикаспийской низменности, которая тянулась от Терека и вдоль Каспия до реки Орасай-Булак, проживали кумыки. Эта территория так и называлась «Кумыкская равнина». Дореволюционный исследователь так характеризовал этнические корни кумыков: «Кумыки или Кумыхисуть старожилые татары, поселившиеся в Кавказе в отдаленные времена и под названием Кумыков и Кази-Кумыков составляли сильное колено, существовавшее до Тимура..., коему они покорились ... в 1405 г.» [10, стр. 190-191]. Взаимоотношения кумыков с Россией

строились несколько сложновато. В начале семнадцатого века кумыки уже находились в подданстве России. Однако, «в 1772 году, во время похода императора Петра Великого в Персию, опять дерзнули вооруженною рукою действовать против Российских войск; за что были наказаны разорением до основания деревни Андреевской... После сего неудачного покушения кумыки живут смиренно и в надлежащей подчиненности» [10, стр. 192]. Как характеризовал кумыков один из дореволюционных исследователей: «кумыки в целом более цивилизованны, нежели их соседи, и лишь тайком принимают участие в их грабежах» [8, стр. 374].

В предгорьях и нагорной части среднего Дагестана располагались даргинцы и кайтаги, кара-кайтаги, кубачинцы. Центр нагорного Дагестана занимали лаки. В нагорной части Северного и Западного Дагестана вдоль течения рек Аварского Койсу, Кара-Койсу, в низовьях реки Андийского Койсу, в верховьях реки Сулак жили аварцы, а также: андийцы, чамалал, хваршинцы, цези (дидойцы), капучины, гунзал, буюходы, ботлихцы. На Нагорной части, от южной части Кайтага и до Чирахской реки, находились табасаранцы. «Юго-восточную часть Дагестана населяли лезгины и родственные им агулы, цахуры, рутулы» [35, стр. 56].

В приморской части Южного Дагестана около Дербента обитали азербайджанцы, таты, горские евреи, терекемейцы.

Такое обилие племен и языков, с одной стороны, затрудняло работу с местным населением.

Наряду с перечисленными народностями, на Северном Кавказе в рассматриваемый период жили армяне и грузины. Армянское население в значительной мере пополнялось за счет армянской миграции из Турции, Ирана, Индии и других государств. С появлением русских армяне начали передвигаться вслед за русскими. Армянские диаспоры проживали почти во всех городах русской части Северного Кавказа. Миграционные потоки армян в начале XIX века устремились в бассейн реки Терек. Также мигрировало грузинское население. Кроме преимущественно Грузии, много грузин проживали в Кизляре, Моздоке, в Сарафанчикове, Новогладковском, Сосоплинской и других населенных пунктах. В этих же местах проживало много греков. Даже среди чеченских тейпов был один чисто греческий. Немалое число греков проживало на северо-западном

Черноморском побережье Кавказа.

Одним из наиболее агрессивных горских этносов дореволюционной России были чеченцы. В этой связи представляет интерес вопрос: кто они – чеченцы, какова история народа, чем объяснить высокий уровень его агрессивности?

Большое количество вайнахского населения занимало территории от западной части рек Камбилеевки и Армхи до Аксая. В число вайнахской общности входили чеченцы, ингуши, карабулаки. Большое количество чеченцев и ингушей проживали в высокогорных аулах. А. Берже разделял чеченцев на три группы: чеченцы Терекские, проживавшие по правому берегу реки Терек, чеченцы Сунженские и чеченцы Брагунские. Как отмечал А. Берже, «чеченцы более всех других горских племен далеки от гражданственности и близки к варварству: в жизни их преобладают зверские нравы полудикого народа, склонность к хищничеству и убийствам развита в них в сильной степени, а это исключает всякую возможность между ними промышленности и других мирных занятий» [6, стр. 41].

Естественно, такая характеристика целого народа вызывает определенное сомнение. Проживание в высокогорных условиях, необходимость выживания в условиях отсутствия сельского хозяйства не могли наложить отпечаток на образ жизни чеченцев. «Население гор, – писал Р.А. Фадеев, – несмотря на коренные различия между племенами по наружному типу и языку, всегда было проникнуто совершенно одинаковым характером в отношении к соседям, кто бы они ни были: характером людей, до того сроднившихся с хищничеством, что оно перешло к ним в кровь, образовало из них хищную породу, почти в зоологическом смысле слова. Кавказские горцы в течение тысячелетий не заимствовали от окружающих ничего, кроме усовершенствований в оружии...» [72, стр. 42].

«Чеченцы» – это русское название целой группы этносов, проживавших в определенном регионе Кавказа. «Впервые древние чеченские роды упоминаются в русских документах в 1587 году, когда посланцы, отправленные в Грузию, встретились в горах с тейпами (кланами) Мичкиз, Индили и Шубут. Первая фиксация слова «чеченец» в качестве этнонима относится к 1708 году; оно отмечено и на карте России 1719 г.» [75, стр. 23]. То есть названию «чеченцы» чеченцы

обязаны русским. «Чечня заселена преимущественно чеченцами (чеханцами), – писал М. Гаммер, – название которых происходит от аула Большой Чечан, где русские впервые с ними столкнулись» [12, стр. 37]. Получается, что слово «чеченец» выражает не национальную принадлежность, а территориальную характеристику населения. Не исключено, что если бы русские встретились с «чеченцами» около другого аула, то народ назывался бы по имени того аула. Изначально «чеченцы» имели совершенно иные названия. Так, тюрские народы Кавказа называли их «сасан». Кабардинцы звали «шашан», осетины «цацан», а лезгины «чачан» [77, стр. 66-68]. Сами чеченские исследователи так и не смогли дать объяснение смыслового значения этого слова. Одни считали, что слово «сасан» – Иранское, где «сасаны были кастой воинов-коневонов, которая дала свое название знаменитой династии»***. Другие отстаивают точку зрения, что слово «сысын» – монгольского происхождения. Этим словом обозначают «чем-то выдающихся людей» [77, стр. 66]. Как видно из современного «объяснения», в том и ином случае делается попытка подчеркнуть «величие» этноса вне зависимости от того, откуда пошло название. На наш взгляд, называть чеченцем единой нацией невозможно, эта общность объединяет представителей слишком многих национальностей. Видимо, надо согласиться с бытующей в литературе точкой зрения о том, что чеченцы – это условное наименование людей различных национальностей, проживающих на единой территории, выработавших единый язык внутриэтнического общения, имеющих сходный образ жизни. Достаточно ознакомиться с этническими характеристиками чеченских тейпов.

Тейп Белгатой. Национальная принадлежность неизвестна. Этимология названия составлена из двух слов: «бел» – умереть, «Гатто» – воскреснуть. Таким образом смысловое значение слова обозначает «умиравший, но воскресший народ». В этом обозначении отражена история этноса. Как гласят предания, «Белгатоевцы почти вымерли в результате некогда случившейся эпидемии, но потом снова размножились» [77, стр. 95].

Тейп Варандой. По мнению современных исследователей, тейп «пришлого, русского происхождения». Упоминается в исторических документах 1 тысячелетия. Отсюда можно сделать

вывод, что начало «варандою» могли положить дружинники Киевской Руси: ведя сражения с половцами и печенегами, они уходили на Кавказ, где и оседали.

Тейп Гендаргеной. Этническая принадлежность не выяснена.

Тейп Дешни. Этническая принадлежность не выяснена.

Тейп Зумсой (Дзумсой). Горный чеченский тейп. Название толкуется двояко: либо «зу»- еж, либо «зум» – горная арба. Этническая принадлежность не выяснена.

Тейп Гуной. Начальная этническая принадлежность не выяснена. В силу территориального соседства с русскими терскими казаками на протяжении длительного времени разбавлялся русскими за счет установления родственных связей.

Тейп Калхой (калой). Этническая принадлежность не выяснена.

Тейп Терлой. Этническая принадлежность не выяснена. Название связано с именем основателя тейпа, человека по имени Терлой.

Тейп Туркхой (Турки из Гашан- чу). Считается «турецким» тейпом.

Тейп Харачой. Этническая принадлежность не выяснена. Особенностью тейпа считается то, что «харачоевцы раньше других стали жениться на русских». Именно из-за родственных связей с русскими тейп считается наделенным «особым умом».

Тейп Чартой. «Еврейского происхождения» [77, стр. 95-99].

Таким образом, значительную часть чеченских тейпов составляют люди, потерявшие свою национальную идентификацию. Потерю национальных корней можно объяснить самим механизмом формирования «чеченских» тейпов. Основную часть их членов составляли те люди, которым на равнинных либо предгорных территориях объявлялось канлы, смертная казнь за совершенные преступления. Укрываясь от наказания за совершенные преступления, преступники уходили в горы, объединяясь при этом не по национальному, а по социально-криминальному принципу вокруг конкретных лиц: таким образом и возникали тейпы. Интересные сведения о механизме формирования «вольных обществ» оставил дореволюционный исследователь Кавказа А.И. Леонтович. «Нередко бывает так, – пишет он, – что убийца, не имея возможности укрыться в аулах одного с ним племени, уходит в аулы

другого племени и там отыскивает себе убежище» [41, стр. 140].

А как же звучало обобщенное название тейпов и этносов, охватывавшихся единым понятием «чеченцы», до появления русских?

«Сами чеченцы себя называют нохчий (во множественном числе), нохчо (в единственном числе)» [77, стр. 67]. Современные чеченские исследователи не пришли к единому толкованию, что означает это слово? Одни считают, что слово «нохчий» имеет смысл «плужники», «пахари». Другие утверждают, что корнем слова нохчий является «нох» – сыр, как признак горского гостеприимства. Исследователь XIX века А. Берже считал, что сами чеченцы называли себя словом «Нахче», то есть народ, и это относится до всего народа, говорящего на чеченском языке и его наречиях. Таким образом, и самоопределение «Нохче-Нохчий» также не несет национальной нагрузки, а лишь отражает профессиональную (плужники, пахари) либо этическую (гостеприимство) принадлежность человека. Есть и еще одна, дореволюционная версия происхождения слова «нохчий», которая почему то нигде не упоминается.

Великий знаток Кавказа генерал В.А. Потто отыскал старинную чеченскую песню, в которой имелись такие слова: «не хотите ли, добрые молодцы, храбрые потомки Турпала Нахчхуо, я спою вам народную песню.

Как от удара шашки о кремь сыплются искры, так и мы явились от Турпала Нахчхуо» [59, стр. 101]. Таким образом, появляется еще одна версия о возможности названия этноса – по имени лидера. Причем, на эту версию указывает и другой исследователь – А.И. Леонтович. «Чеченцы... имеют свои предания. Родоначальниками их считают Нашхо и Джахго. От Нашхо произошли три до сих пор существующие фамилии...» [41, стр. 189]. На наш взгляд, эта версия – названия племени по имени лидера заслуживает большего внимания: как мы уже видели, очень многие этносы берут свое название от имени лидера.

В последнее время среди чеченских ученых появились исследователи, которые считают, что «нохчи» являются самым древним народом на земле. «Чеченцы, – пишут отдельные авторы, – не собственно кавказцы, но этнически и лингвистически резко отделяются от прочих горских народов Кавказа. Они – перемещенный на Кавказ

отпрыск великого гиперборейско-палеоазиатского племени, которое простиралось от Турана через Северную Месопотамию в Ханаан» [54, стр. 27]. Чеченскими исследователями делаются «поистине сенсационные находки, доказывающие, что наши прапредки хурриты не только не стояли в стороне от зарождения великой религии монотеизма (единобожия), а являются тем самым... звеном, стоящим между шумерами и вавилонянами в процессе рождения подлинного Небесного писания – Ветхого Завета» [54, стр. 3].

Мы не беремся оспаривать древность «чеченцев». Возникает один лишь вопрос. Как мы уже выяснили, название «Чеченцы» – условное, по имени села Чечен. В состав чеченского общества входят тейпы, объединяющие людей различных национальностей: русских, турок, осетин, греков, грузин, лиц неустановленной национальной принадлежности. Когда говорят о древности «чеченцев», какую из перечисленных национальностей имеют ввиду? Кого можно отнести к хурритам – гиперборейско-палеоазиатскому племени? Русских, турок, осетин, греков, грузин, иных «лиц кавказской национальности»?

Одной из особенностей чеченцев было различие по языку и обычаям.

В районе Аргуна население, проживавшее в 200 аулах, разговаривало на чеченском языке. Однако, этот «общий» язык не был «национальным» языком тех народов, которые входили в чеченскую группу населения. Общество чаберлоевцев хотя и владело чеченским языком, но он был для его членов не родным, а усвоенным. Считалось, что чаберлоевцы русского, славянского происхождения и их этнические корни уходили во времена Древней Руси. «Начиная со времен удельной системы в древней России, Кавказ всегда служил приманкою не только для русской вольницы и авантюристов, живших на окраинах государства, но и целые дружины, отправляясь в этот край, не возвращались более назад» [28, стр. 4]. Сами чеченцы хорошо разбирались в этнических особенностях своих тейпов. «Так, фамилия Зумсой считает себя происхождения грузинского, Келой – тушинского, Ахшипай – фиренгеского, т.е. европейского; родоначальники фамилии Варандинской – выходцы из Хевсуретии. Многие фамилии считают себя происхождения греческого и т.д.». [28, стр. 4]. Что же объединяло представителей разных племен и народов в единые тейпы? В качестве

объединяющих факторов выступали: этническая однородность группы людей, общность веры, языка, «одинаковая историческая судьба и совершенно одинаковые интересы и убеждения». В условиях языкового многообразия русский язык объективно начинал играть роль интернационального языка для всех кавказских этносов.

Чеченцы Терекские одними из первых переселились на плоскости между реками Сунжею и Тереком. Практически они постоянно находились среди русского окружения и потому, как утверждал А. Берже, совершенно покорились русским и «отвыкли от хищничества и грабежа», успешно занимались хлебопашеством и скотоводством, справляли лес в Моздок и Кизляр. То есть изменение географических особенностей территории проживания и связанное с этим изменение трудовой деятельности привели к изменению образа жизни большого количества людей. Следовательно, нельзя говорить об этнической склонности чеченцев к разбоям.

Чеченцы Сунженские тоже вели мирный образ жизни, но хлебопашеством занимались мало, в основном засевали кукурузу.

Как отмечают исследователи, обе эти группы чеченцев, бывшие «мирными», во время мятежа следовали примеру горских чеченцев и принимали активное участие в мятежническом движении. На наш взгляд, причиной участия в мятеже равнинных, то есть мирных чеченцев надо искать не в их повышенной криминальной активности, а в насилии над ними со стороны горских чеченцев. Последние требовали от мирных принять участие в мятеже, если не путем личного участия в совершаемых криминальных деяниях, то хотя бы путем оказания материальной и финансовой поддержки.

Надо быть объективным, такие проблемы стояли не только между чеченцами. Это, скорее всего, была проблема не внутриэтническая, а этно-географическая. Она возникала между представителями одного народа живущими «внизу», у подножия гор, на плоскости, либо вверху в горах. Например, она была характерна и для абазов. Жители равнинной части не хотели воевать с русскими по ряду причин. Русские несли цивилизацию и «равнинные горцы» это сразу же ощутили на себе. Кроме того, карательные экспедиции русских в ответ на нападения горцев в первую очередь обрушивались на равнинных жителей. И потому равнинные кавказцы

стремились добровольно отказаться от криминальной деятельности и жить в мире с русскими. Но этому противодействовали горские единокровцы, Например, жители равнинной части Натухая на большом народном совете пожаловались присутствующим, что они больше не могут сопротивляться русским и потому вынуждены прекратить сопротивление. На что горные соплеменники заявили следующее: «Делайте что хотите, но если хотя бы десять человек из вашей местности пойдут к русским против нас, если вы свое оружие сложите или если в благоприятный момент вы не будете тотчас готовы действовать с нами заодно, то мы вас уьем, ваших жен и детей сделаем рабами, имущество ваше разграбим и ваши дворы сожжем...» [40, стр. 179].

Как видно из изложенного, уровень криминальной активности горских народов был во многом связан с территорией проживания. Там, где была возможность заниматься сельским хозяйством – люди не испытывали потребности в разбойных нападениях на соседей. Однако, чем выше в горы находились племена, тем больше им приходилось культивировать набеговое производство.

Ранее уже отмечалось, что появление русских на Кавказе позволило изменить территории расселения некоторых этносов. Условно говоря, русские позволили улучшить «жилищные условия» для некоторых горских народов, изменив территорию их проживания. Если раньше многие этносы вынуждены были прятаться высоко в горах от набегов более сильных соседей, то с появлением русских возросла их безопасность. Русские пресекали разбойные нападения сильных на слабых. А это дало возможность многим этносам спуститься с гор на равнину и заняться сельским хозяйством. Изменению криминального образа жизни немало способствовало строительство русских крепостей и расселение вокруг них горцев. Проживание вблизи русских крепостей и гарнизонов значительно повышало уровень безопасности этносов. Вот почему многие переселялись с гор на равнину. Так, после появления русских в 1810 году значительная часть ингушей переселилась из высокогорных аулов на равнину, в основном в район рек Терек и Сунжа, то есть к районам проживания русских.

В начале XIX века в районе Каспийского моря с правой стороны реки Кума обретались туркмены. Группа была относительно невелика и

проживала в 836 кибитках. Здесь же кочевали 9 улусов калмыков [35, стр. 56].

И. Бларамберг так характеризовал национальные характеристики населения Кавказа: «большая часть нынешних обитателей Кавказа – это лишь остатки народов, погибших или же рассеявшихся, которым некогда удалось спастись в этих горах...» [8, стр. 28].

Естественно, что особенностью Кавказа были этническое и языковое разнообразие. Так, И. Бларамберг употреблявшиеся на Кавказе языки условно делил на семь основных групп: «1) язык абхазский; 2) язык черкесский; 3) язык кистин, или мычкизов; 4) осетинский язык; 5) лезгинский язык; 6) татарский язык; 7) грузинский язык» [8, стр. 31]. Такое деление можно рассматривать действительно только как условное, и вот по каким причинам. Автор не упомянул армянского языка, хотя это язык древнего кавказского народа. Но он же правильно подчеркнул, что «каждый из языков еще подразделяется на несколько диалектов. Смешение такого количества языков и наречий в одном регионе создает трудноразрешимую проблему в отношении выяснения начальной истории народов Кавказа» [8, стр. 31-32].

Как отмечал в своих записках русский военный разведчик барон Ф.Ф. Торнау: «Между горцами существует такое множество различных наречий, что мне всегда было возможно выдавать себя за человека, принадлежащего к племени, которого языка не понимали жители того места, где я находился» [64, стр. 52]. Русские в период проникновения на Кавказ пытались создавать словари языков горских народов, но это плохо удавалось. И причина заключалась не в отсутствии грамотных филологов. Просто, многие звуки горских языков не находили адекватного отражения в имеющихся русском и латинском алфавитах. Как писал И. Бларамберг: «сначала следовало бы придумать дополнительные знаки для передачи гортанных, чирикающих и каркающих звуков, встречающихся в наречиях горцев. Никакие знаки наших алфавитов не могут внятно их передать» [8, стр. 32].

В 1833 году русским военным командованием была составлена «Ведомость о численности народонаселения Кавказа». Здесь характеристика местных народов выглядит несколько по-иному (Таблица 2).

Как видно даже из фрагмента дореволюционной ведомости, в то время этническая

Таблица 2.
Характеристика численности народонаселения Кавказа

Наименование племен и обществ	количество населения в них
Черкесы или Адыге:	
1. Шапсуги	200 000
2. Натухадж	60 000
3. Шегаки	
Бжедухи:	
4. Камашидзе	
5. Черченецы	2 000
6. Гатыкойцы	8 000
Кемюргой:	
7. Адемий	15 000
8. Жане	
9. Егерукаевцы	
10. Абедзех	160 000
11. Бесланеевцы	25 000
12. Мохош	5 000
13. Убых	7 000
14. Саша	5 000
15. Ардона	7 000
Итого	501 000
Абадза	
1. Бракийцы	7 000
2. Шейгрейцы	5 000
3. Беглые кабардинцы	15 000
4. Лацхадж	4 000
5. Бег	5 000
6. Казылбек – куадж	6 000
7. Башлыбаевцы	8 000
8. Босхох	10 000
9. Дудурхойцы	7 000
10. Карачаевцы	24 000
11. Бибердухадж	10 000
12. Аланеты или Медовой	8 000
Итого:	109 000
Ногайцы	
1. Наврузы	
2. Мансуры	16 000
итого:	16 000
Чеченцы:	
1. собственно чеченцы	86 000
2. Качкалыковцы	
3. Ауховцы	14 000
4. Ичкеринцы	15 000
5. Чабуртлы или чарбили	7 000
6. Кистинцы	27 000
7. Шубузы	5 000
8. Пшехойцы	4 000
9. Акинцы	6 000
10. Цоринцы	1 200
11. Галгаи	4 800
12. Галашевцы (ингуши)	2 000
13. Назрановцы	11 000
14. Карабулаки	15 000
Итого:	218 000

характеристика горских «племен и обществ» была совершенно иной и более разнообразной, нежели в современных условиях.

Естественно, что межэтнические взаимоотношения между перечисленными племенами и обществами были очень сложными, а часто просто криминальными. Как писал И. Бларамберг: «Трудно найти на земле, которую мы населяем, народы, которые защищали бы свою свободу и независимость с большим упорством и которые в то же самое время беспокоили бы еще больше своих соседей, чем жители Кавказа. Все эти народы имеют большую склонность к войне, которой они сначала стали заниматься в силу необходимости, чтобы добыть себе средства к существованию; позднее они полюбили войну, прельстясь добычей, и наконец, только и стали ею заниматься» [8, стр. 40-41]. Высокий уровень криминальной активности горского населения отмечали практически все исследователи. «В восьмидесятих годах (XVIII в. – Авт.) разбой в беззащитном подгорном крае был главным ремеслом горцев, – писал Р.А. Фадеев. – Какие договоры были возможны с подобными людьми, разделенными вдобавок на сотни независимых обществ?» [72, стр. 45].

Иоганн Бларамберг связывал криминальный образ жизни многих горских народов с особенностями территории проживания и производства продуктов питания. Так, в высокогорных районах нельзя было ни пахать, ни сеять. Единственное более или менее регулярное занятие – скотоводство. Но оно не требовало ни больших временных, ни физических затрат. «Скотина не требует особых забот, и таким образом, они (горцы – Авт.) могли предаваться праздности в свое удовольствие... Нужда породила склонность к разбою и вследствие – взаимную подозрительность, за которой следуют коварство, вероломство, лицемерие, злоба и мстительность» [8, стр. 29]. В результате на Кавказе до прихода русских горские народы находились в состоянии постоянно действующего криминального конфликта друг с другом: «Черкесы дерутся с абазинцами, кабардинцы – с осетинами и чеченцами, осетины – с кистинами; чеченцы воюют со всеми соседями, а лезгины – с грузинами и дагестанскими татарами» [8, стр. 41].

Например, на территории Грузии в районе рек Поце и большая Лиахва проживали осетины, руководство которыми осуществляли грузинские

князя. Незадолго до смерти царя Георгия Ираклиевича осетины «пришли в неповиновение и буйство,... одного из князей оных убили..., в последствии времени производили набеги на грузинские селения и похищали имущество обитателей и вовлекая их и самих в неволю, продавали иноязычным народам, горы кавказские населяющим» [24, стр. 428].

Кабардинцы нередко совершали нападения на дигойцев, убивая либо похищая в плен людей, грабя скот. «Между кабардинцами и дигорцами, яко народами смежными и между собою издавна неприязненными, происходили по притязаниям кабардинцев на их вольность взаимные насилия грабежи, захваты в плен, мщения за кровь и всякие другие коварные ссоры», – говорилось в отношении Главнокомандующего войсками на Кавказе генерал-майора Дельпоцо 7 октября 1815 г. Одновременно «между дигорским народом с тагаурцами, куртинцами и цумутцами происходили такие же распри и месть, как и с черкесами» [24, стр. 440-441]. Русскому военному командованию часто поступала информация о том, что жители некоторых осетинских селений занимаются воровством и грабежами соседей, захватом их в плен и продажей в рабство, уничтожением жилищ. «Все остальное население гор, – писал Р.А. Фадеев, – особенно восточной половины Кавказа, оставалось целые тысячелетия недоступным постороннему влиянию. Замкнутые в своих неприступных ущельях, кавказские горцы сходили на равнину только для грабежа и убийства» [72, стр. 44].

В жизни Кавказа этого периода была одна особенность: отсутствие установленных границ между аулами, владениями (шамхальством, ханствами, вольными аулами и пр.). Племена, появляясь на Кавказе, занимали свободные территории в предгорьях либо в горах. Право владения которыми обеспечивалось только силой. Более сильные племена могли изгнать слабые. Аулы могли стать объектом уничтожения соседей; персов, турок, либо русских войск. Часть племен в предгорьях вела кочевой либо полукочевой образ жизни. Русские, заключая договора с владельцами племен, не определяли и не закрепляли границы их проживания.

Проникновению России на территорию Кавказа в рассматриваемый период привело к изменению национальных характеристик региона, в первую очередь к появлению среди горцев

людей других национальностей: русских, украинцев, немцев, поляков и др. Кавказское население имело возможность сравнить национальные особенности поведения персов, турок и русских. Сравнение было столь неожиданным для местного населения, что горцы добровольно оказывали русским войскам всяческую помощь: прокладывали дороги, чинили мосты, выступали в роли проводников. Героические походы русских войск, разгром вооруженных сил Персии и Турции показали горскому населению совершенно иной менталитет русского солдата и русского человека. После того, как Паскевич разгромил Персидские войска, все население Грузии «почувствовали себя в полной безопасности, и в первый раз за долгие ужасные годы несчастный народ вздохнул свободно... Русские стали для него идолами. На нас, – писал современник, на наши обычаи, на нашу манеру жить чуть не молились Богу. Пределом честолюбия лучших грузинских семей было выдать дочь за русского офицера...» [52, стр. 502].

В принципе, для заключения браков между русскими и горцами не было никаких правовых ограничений. Чтобы ни говорили о Российской империи, но в ней не было правовых оснований для установления неравенства между русскими и иноверцами. И потому в жизни русских и горцев на Кавказе наблюдается два направления: стремление горцев выдавать своих дочерей за русских военнослужащих, и стремление русской администрации пропагандировать смешанные браки. Это приводило к востребованности русского языка среди горского населения, к распространению русских обычаев.

Для того, чтобы еще раз оценить сущность политики России на Кавказе – «колонизаторская» или «цивилизаторская», надо обратить внимание на взаимоотношения русских с местным населением. Англичане в Индии, не говоря уже об англичанах и других европейцах в колонизированных странах, не вступали в официальные браки с представителями местного населения. На Кавказе же стало обычным явлением женитьба русских военнослужащих и чиновников на местных женщинах. Сторонником и популяризатором смешанных браков был командующий войсками Воронцов. Он «поощрял смешанные браки. Русских, женившихся на туземках, он очень высоко ценил и выдвигал, как пионеров культуры, требовал от подчиненных, чтобы

они не ждали, пока туземцы заговорят по-русски, а сами учились местным языкам» [52, стр. 503]. А это говорит о том, что русские не демонстрировали своего этнического и цивилизационного превосходства перед местными «дикими» народами; что Россия изначально проводила политику установления равноправия с горцами.

О том, как нередко заключались смешанные браки, очень хорошо показал большой знаток истории и обычаев Кавказа, В. Немирович-Данченко.

Семнадцатилетний пацан из российской глубинки Степан Брызгалов был отправлен своим отцом в армию, едва ему исполнилось семнадцать лет. И сразу попал на Кавказ. Семь лет он тянул лямку рядового солдата и только в 24 года, имея за храбрость в сражениях два Георгиевских креста, он стал прапорщиком. Офицерские эполеты ко многому обязывали: Брызгалов выучился танцевать менуэт и польку, мог легко пройтись в полонезе, выучил несколько фраз по-французски и, в принципе, производил впечатление доблестного и воспитанного офицера.

На балу в Тифлисе, которые устраивались для местного населения и сотрудников русской военной администрации, молодой офицер обратил на себя внимание местной грузинской девицы из княжеского рода. Княжна так внимательно любовалась русским офицером, что ее братья схватились даже за кинжалы, заподозрив «неприличную» связь между сестрой и молодым «оккупантом», который, впрочем, не обращал внимания на носатую грузинку. На другой день домой к Брызгалову явилась сводня в лице старой армянки и сообщила, что в него влюбилась грузинская девица из древнего княжеского рода; что в приданое у грузинки есть две тысячи баранов в Закататах, виноградники в Душете и дом в Тифлисе, и если русский хочет всем этим владеть, то должен быстренько посвататься к девице.

Русский в силу предшествующего воспитания и длительного служения Отечеству на отрогах Кавказских гор совершенно не знал женщин. Все его познания женщин сводились к любованию дамами на картинках у ротного писаря. Но он рискнул отправиться к княжне, чтобы поближе рассмотреть ее, познакомиться, пообщаться, а там уже видно будет, что делать дальше. То есть поступил так, как поступают люди в России: познакомиться по-соседски.

Однако, кавказскими обычаями не предусмо-

трены визиты молодых людей в дома, где есть девы на выданье. И братья грузинки, которую так и не показали соискателю девичьей руки и отары баранов, откровенно поинтересовались, зачем пришел русский. Или он, как честный офицер, сделает предложение их сестре, либо он покинет дом, как последний подлец.

Русский не мог быть подлецом. Он успокоил грузин, что к сестре их питает «самую пламенную аттенцию». Что такое «аттенция» грузины не знали, но решили, что этим словом у русских называется предложение брака. Тут же появился поп с иконой, который как будто ждал в соседней комнате; следом за иконой старший брат невесты поднес офицеру оправленный в серебро турий рог с хахетинским вином и поздравил русского с женитьбой на грузинке. У которой, как выяснилось, не было ни дома, ни отары, ни виноградников. А единственным бараном в грузинской семье оказался русский.

Значительные особенности в социальном положении наблюдались по половому признаку. На Кавказе очень сложным было положение женщин. Как писал международный террорист Т. Лапинский, «Замужние женщины – несчастнейшие существа в Адыгее. Кроме того, что они должны помогать мужчинам в полевых работах, они делают сукно, полотно, одежду и обувь. Они должны натаскать в дом воды и дров, ухаживать за скотом, даже и за лошадьми, приготовить обед и вести все хозяйство. Зимой они очень страдают от холода из-за недостатка одежды; но самое тяжелое – это молоть муку...» [40, стр. 120]. У большинства кавказских народов наблюдалось дискриминационное отношение к женщине, что было закреплено нормами шариата либо адатами. Например, у сванетов женщинам запрещалось входить даже в церковь. Такое же правило существовало и в Пшавии, у горных грузин, «одичавших, правда, в своих горах» [39, стр. 49]. В обеих местностях церковь считалась оскверненной, если в нее войдет женщина.

Об отношении к женщине у некоторых народов Дагестана можно судить по тому требованию к «качеству» невесты, которое предъявлялось к девушкам при выходе замуж. Как указывает М. Ковалевский, «заклучение брака с девственницами... специально рекомендуется шариатом. В полном соответствии с ним действующий в Дагестане обычай предоставляет мужу прогнать из дому жену, которая оказалась бы лишенной

девственности до брака» [39, стр. 174]. После первой брачной ночи жених должен был «доложить» обществу о качественных характеристиках молодой жены. В Даргинском округе, в шамхальстве Тарковском, ханстве Мехтулинском жених утром стрелял в воздух, если жена оказалась не девственницей. В Закатальском округе, наоборот, утренний выстрел молодого мужа означал, что жена – девственница. Наличие девственности имело не только моральные, но и правовые последствия. «Раз будет доказано, что новобрачная потеряла целомудрие до перехода в жилище мужа, последний приобретает право прогнать ее без всякого вознаграждения и с удержанием принесенного ею приданого» [39, стр. 175]. Но, как указывает далее М.Ковалевский, в горных аулах Дагестана физическим признакам девственности придавалось значительно меньшее значение. При этом горцы основывались на том, что девственность может быть потеряна в результате тяжелой физической работы, лазании по скалам либо при перепрыгивании через пропасти.

О степени бесправия женщин у многих кавказских народов можно судить по тому, что на Кавказе была развита торговля женщинами. Торговля осуществлялась в двух видах: продажа мужу и продажа «в дальнее зарубежье». Особенно много горянок продавалось в Турцию. «Торговля женщинами была для черкесов почти необходима, а для турецких купцов составляла источник самого скорого обогащения... В три четыре рейса турок при некотором счастье делался богатым человеком и мог покойно доживать свой век, зато надо было видеть их жадность на этот живой, красивый товар» [64, стр. 231-232].

Сами горянки, нередко, стремились уехать в Турцию, чтобы улучшить свое жизненное положение. Как писал «польский полковник Тэфикбей», «мысль попасть в Стамбул – золотой город, где пребывает падишах, властитель мира, преследует молодых девушек с детских лет. Часто случается между свободными, что брат и сестра входят в соглашение и последняя продается. Это дает возможность брату увеличить свое хозяйство, богато украсить свое оружием, обеспечить себя запасом пороха или купить себе жену» [40, стр. 108].

Бесправное положение женщин было закреплено и нормами шариата. По шариату муж имел права убить жену, если уличил ее в измене;

мог избивать и сажать ее под замок, если она не повинуется ему. Полным хозяином юной горянки являлся ее муж или опекун: любой из них мог выдать девушку замуж по своему усмотрению.

Естественно, что русская администрация пыталась изменить социальное положение горянок. На баллах в Тифлисе, которые проводил наместник князь Воронцов, впервые появились женщины-горянки, что было крайне неожиданным для местного населения. В изменении положения женщин, в приобщении их к общественной жизни принимали участие жена Воронцова и жены русских офицеров. «Повсюду организуются до тех пор неизвестные, благотворительные общества, куда впервые получает доступ теремная затворница – местная женщина. Ее не только вывели из гарема, для нее открыли училище святой Нины, и несколько спустя в местном обществе уже появляются образованные по тому времени девушки, учреждаются множество школ, гимназий, институтов...» [52, стр. 505].

Появление русских позволило многим горским этносам возродить национальные традиции, национальную культуру, уничтожавшиеся персами. Наиболее ярко это проявилось в православной Грузии. «Картавелы вспомнили старые песни. Предки говорили: «Когда смеется грузин – чертям в аду делается тошно, а когда запоет грузинка – ангелы в раю радуются». И смех, и песни вернулись в сердца народа, и теперь в прохладные вечера на плоских кровлях города тысячи женщин и девушек плясали под пение и хлопанье в ладоши своих подруг, а с улиц доносились громкие и бесшабашные, хотя для европейского уха нестройные, звуки... веселой зурны!» [52, стр. 506-507].

Естественно, что проживание большого количества народов на Кавказе объективно сопровождалось какими то верованиями: язычеством, фетишизмом, исламом, христианством и др. Причем, религиозные верования имели не только чисто этническое либо конфессиональное значение: оно нередко имело значение политическое как для народов Кавказа, так и для тех государств, которые предъявляли свои права на Кавказ. Так, на самом Кавказе уровень подчиненности народа своему владельцу нередко зависел от того, кто какую религию исповедует. Так, где и владелец, и народ исповедовали одну религию, уровень подчиненности народы был значительно выше. В этой связи, к примеру,

напряженная обстановка была в Абхазии, владелец которой исповедовал совершенно иную веру, нежели его «народ». «Различия в религии, – писал И. Бларамберг, – ... являются причиной того, что большая часть жителей Абхазии не подчиняется своему владыке...». [8, стр. 100]. Внешнеполитическую роль вероисповедальные характеристики народов играли во взаимоотношениях между Россией и Турцией. В условиях отсутствия государственности на Кавказе «притязания на различные земли зачастую высказывались на основании общности религии. Представители России всегда выражали готовность предъявить права на западную Грузию, так как это была христианская страна. К подобной аргументации прибегали и турки, которые утверждали, что черкесы и кумыки были подданными Османской империи на том основании, что они были мусульманами» [75, стр. 27].

В вероисповедальном плане Кавказ обладал особенностью, характерной только для этого региона. Она состояла в том, что здесь можно было встретить представителей едва ли не всех мировых религий, сект, язычников и др.

Иоганн Бларамберг, исследовавший Кавказ, подчеркнул, что «на Кавказе исповедуют три основные религии: 1) христианскую (две секты: греческая и армянская); 2) ислам (две секты: Омара, или суннитов, и Али, или шиитов); 3) идолопоклонство, или язычество» [8, стр. 39].

Наверное, есть необходимость рассматривать вероисповедальные характеристики Кавказа в хронологической последовательности: древние верования, идолопоклонство и язычество, христианство, ислам.

Первоначальной формой верования была магия. Можно ли относить магию к древним верованиям. На наш взгляд – можно и вот почему. Любая форма веры – это обращение с молитвой к каким то внешним, «потусторонним» силам. Магия же – это непосредственное обращение к силам природы с целью использования их для собственной защиты либо нанесения вреда недругу. Горцы активно использовали магию для лечения от болезней; вызывания дождя; порчи скота и пр. [49, стр. 108-111].

У многих кавказских народов, в частности у карачаевцев и балкарцев, был развит тотемизм, то есть почитание животных. Люди верили, что существует родственная связь между определенными группами людей и животными, птицами и

даже растениями. Эти животные, птицы и растения были священными для определенных племен и родов и почитались членами рода. Например, у балкарцев и карачаевцев священной считалась змея. Змею, поселившуюся во дворе дома, нельзя было убивать или даже изгонять – она считалась охранительницей дома. Считалось, что в пасти змеи есть «змеиная бусина». Обладание ею и правильное применение не только излечивало человека от тяжелых болезней, но и давало возможность понимать язык зверей, разговаривать с ними. Но самым почитаемым животным у карачаевцев и балкарцев считался волк. Шкуры и кости волка использовались при лечении, использовались в ритуалах защиты от злых духов. Существовали запреты на убийство ласок и ежей. Почитаемым животным у балкарцев и карачаевцев была свинья. «Поэтому над притолокой держали 4 или 8 свиных ножек... Перед первой пахотой бросали в огонь кусочек свиной кожи» [49, стр. 119].

Естественным этапом развития этносов является такая первоначальная форма поклонения неизвестному, как фетишизм. Фетишизм присущ ранней стадии развития этносов, когда народы не владеют какой либо информацией об особенностях мироустройства и находятся на низкой ступени развития. И сохранение фетишизма на Кавказе еще раз подтверждает высказывания дореволюционных исследователей, что многие народы Кавказа сохранили свои первобытные (наверное точнее – первоначальные) верования. Чаще всего в роли фетиша выступал какой то неодушевленный предмет: камень, гора, дерево. К примеру, фетишизм был достаточно заметно развит у чеченцев. У отдельных чеченских тейпов, равно как и у других племен, священными считались горы; «им приносились жертвы, особенно во время похорон. У ингушей были небольшие серебряные идолы абстрактной формы, называемые «цув»..., к которым они обращались с молитвами о дожде, плодородии и других милостей» [26, стр. 41]. У черкесов было божество «Сеозерес», которое олицетворялось в молодом грушевом деревце. Черкесы срубали в лесу грушу, обрубали ветви и в таком виде заносили «божество» в дом. «Его с большими церемониями вносят внутрь дома под шум различных инструментов и радостные крики обитателей дома, которые приветствуют его по случаю счастливого прибытия. Оно украшено маленькими

свечами, а сверху насажена головка сыра; сидя вокруг него, люди пьют бузу, едят, поют...» [8, стр. 151].

Вот как, по словам В. Немировича-Данченко, оценивает лезгин вероисповедательные особенности чеченцев. Суть ситуации такова. Лезгин Гасан вместе с русским пленным солдатом Степаном Груздевым подъезжают к чеченскому аулу. В отличие от лезгинских саклей, построенных из камня, у чеченцев были рубленные деревянные дома. «Дома эти были даже обмазаны глиною и выбелены, к окнам оказывались ставни...

- Умный народ, говорю! – воскликнул Груздев: – Не по-вашему, не по-лезгински живет!...

- Каждому свое! – Коротко ответил Гасан, которому жутко было здесь. – Каждому свое. Мы Аллаха знаем, а они, чеченцы, деревянным столбам молятся. И Богу, и идолу служат!

Гассан намекал на то, что ночью на вершинах гор ставили деревянные столбы и по ночам приходили к ним и, плотно прижимаясь головой к вырубленным в бревнах местам, молились разным второстепенным богам, которые в их сознании уживались вместе с Аллахом» [52, стр. 268].

На Кавказе достаточно сильные позиции у многих этносов занимало язычество. Многие племена имели своих «функциональных» богов. Это значит, что каждый из них был богом определенного круга лиц либо «курировал» определенные функции. Например, у черкесов был бог «Глиебсе» – покровитель кузнецов. В день его праздника черкесы совершали возлияния на лемех и топор. Богом огня считался «Плер»; богом лесов – «Мезитха»; богом наездников – «Зекутха». В пантеоне черкесских языческих богов был даже бог молнии – «Шибле». Дело в том, что молния находилась в большом почитании у черкесов. Они верили, что молния – это небесный ангел; и если молния кого то благополучно убила, то это не смерть, а божья благодать». В этом случае убиенного укладывали на специальный помост и народ на поминках веселился неделю [8, стр. 151].

Язычество было развито у чеченцев. Чеченцы поклонялись «целому пантеону различных богов... Наиболее популярным божеством в вайнахском пантеоне был одноглазый Елта – покровитель диких зверей, бог охоты. Также почитались Этер – бог мертвых и восстания из мертвых,

правитель времени, и Села – бог огня. Последний занимал особое место как покровитель домашнего очага... Высшим божеством в пантеоне вайнахов был Дела, отец всех остальных богов, имя которого использовалось для обозначения Аллаха после принятия ислама» [26, стр. 41].

Таким образом, Россия получила на Кавказе значительное количество этносов, находившихся на разных уровнях цивилизационного развития. Каждый, со своим языком, традициями, вероисповеданиям. Подобного рода изолированности кавказских этносов в немалой степени способствовало законодательное закрепление за ними территорий проживания.

Военные теоретики и наместники России на Кавказе рассматривали его, как мощную крепость, укрепленную самой природой. Тем не менее, Россия завоевала Кавказ, с его многочисленными этносами, находившимися на разных ступенях развития. Россия вложила громадные деньги в развитие Кавказа. Но, Кавказ не достался русским....

Зарубежные политики и европейские офицеры, воевавшие на Кавказе против России, высоко оценивали цивилизаторскую политику России среди многочисленных этносов Кавказа. Так, Теофил Лапинский, подстрекавший горские этносы Западного Кавказа к войне с русскими, сделал весьма интересный прогноз о будущем горских народов. При этом, он исходил из «колониальной политики России на Кавказе».

«Очень часто, особенно во Франции, сравнивают покорение Кавказа с завоеванием Алжира, – писал он. – Это слишком смешная параллель для того, чтобы против нее можно было серьезно возражать. Кавказ для России то же, что Пиренеи для Франции, Тироль и Швейцария для Германии, и даже больше, потому что занятие Кавказа делает Россию единственным властелином Каспийского моря и является главным ключом к покорению Малой Азии».

По мнению Т. Лапинского, «все, что Англия завоевала в Азии – это колонии и только колонии. Между территорией Англии и территориями колонизированных народов не было общих границ. Несколько несчастливых морских сражений, и обладание этими колониями поставлено под сомнение. Алжир, хотя он и лежит перед воротами Франции, – в случае войны с Англией может быть удержан только с величайшими жертвами... Напротив, оккупированные русскими

страны в Восточной Азии с момента их захвата как бы приросли к России. Никакая заслуживающая внимания держава не может затруднить ей обладание ими: оккупированная страна не является уже больше колонией – она называется и вскоре делается русской» [40, стр. 432].

Международный террорист подробно останавливается на вопросе о том, каким образом русские проводят процесс ассимиляции иных народов? Почему присоединенные территории становятся неожиданно «русскими», невзирая на то, что проживают на них аварцы, лезгины, киргизы, казахи, чеченцы, адыги?

«Наиболее значение здесь имеет единство расы между туранскими племенами Восточной Азии и их новыми господами – москвитами, – считал Т. Лапинский. – Индокитаец никогда не станет англичанином, араб – французом, даже если он перенимает язык и религию победителя, что, впрочем, и не часто случается. ...Напротив того, тунгус, киргиз, калмык, монгол, татарин, маньчжур, японец и китаец в несколько десятков лет станет москвитом и примет русский язык и восточную религию... Обычно русификация легко проходит при помощи коррупции и благодаря самому положению вещей на месте. Во Франции житель колонии на родине рассматривается почти как иностранец, даже если он сам там родился. В России, не имеющей колоний, житель оккупированной страны немедленно считается русским и становится по своему положению и религии полноправным русским. Хан киргизов, башкир или калмыков, уздень черкесов, мандарин маньчжуров получает соответственно своему рангу и пользе, которую из его положения может извлечь правительство, титул князя, графа или дворянина. Большинство нынешних русских аристократов подобного происхождения. Хан, ага, уздень, мандарин и т.д., ставший благодаря указу русским боярином, усердно работает над тем, чтобы сделать и простой народ русским» [40, стр. 432-433].

Заканчивая свое пребывание на Кавказе, Лапинский делает вывод, что «через десять лет или раньше Россия будет действительным владыкой Кавказа, хозяином единственной границы между Европой и Азией, господином, созданного самой природой неприступного лагеря размером в 8 000 квадратных миль. Важность завоеваний этой горной долины сама Россия понимает лучше всех, и поэтому для того, чтобы овладеть этой позицией, она в течение столетия пожертвовала

миллионы солдат и миллиарды рублей; по всей вероятности, эти долгие усилия скоро увенчаются полным успехом» [40, стр. 429]. Напомним еще раз, что это слова не сторонника или поклонника России. Это слова врага России, человека, воевавшего против России на Кавказе. И потому он не кривил душой, говоря о России и ее колонизаторской, а вернее – цивилизаторской политике.

Судьбу Кавказа и горских народов поэтически точно предсказал командир «четной сотни», отряда особого назначения, поручик М.Ю. Лермонтов.

Он признавал право России на Кавказ. В этом он видел великую цивилизаторскую роль России.

Какие степи, горы и моря

Оружью славян сопротивлялись?

И где велению русского царя

Измена и вражда не покорялись?

Смирись, черкес! И запад, и восток,

Быть может, скоро твой разделят рок.

Настанет час – и скажешь сам

надменно:

Пусть я раб, но раб царя вселенной!

Настанет час – и новый грозный Рим

Украшит Север Августом другим! [42, стр. 118].

Большевики называли Российскую империю «тюрьмой народом». Но, по уровню политического, экономического, культурного и иного бесправия единственным бесправным народом этой «тюрьмы» были русские. Наиболее ярко это показал известный дореволюционный публицист М.О. Меньшиков.

Как писал М.О. Меньшиков, «Кавказ... был присоединен к России после пятидесятилетней сокрушительной войны. Каждая скала там, что называется, облита русской кровью, и недаром далось нам это чудное царство снеговых гор и райских долин! Казалось бы, завоевав наконец опустошенный край, сказочно богатый, следовало отдать его в награду победителю, именно народу русскому, и никакому иному. Дорогой ценой был окуплено это право – тяжкими трудами, жестокими увечьями и страданиями, мучительной смертью сотен тысяч русских людей» [47].

В конечном счете, «завоеванный русскими Кавказ отдали другим народностям, а для русского переселения Кавказ закрыт», – писал М.О. Меньшиков незадолго до начала Первой

мировой войны.

Начало колонизации Кавказа положили немцы. Уже в 1819 году на Кавказ переселились 500 семейств вюртембергских немцев. Которые появились в Тифлисе без денег, без имущества, и которых пришлось обустроить на новом месте за счет Русской казны. На территориях Тифлисской и Елисаветпольской губерний «колонистам были отведены лучшие казенные земли и даны всевозможные льготы». После окончания очередной, русско-персидской войны (1826-1828), началось массовое заселение освобожденных территорий. В течение двух лет в Закавказье было направлено «свыше 40 000 душ персидских и свыше 84 000 турецких армян». Переселенцам «были отданы лучшие земли в Елисаветпольской и Эриванской губерниях», и «в трех уездах Тифлисской губернии». Для обеспечения землей армян «было отведено 200 000 десятин казенных земель и куплено более чем на 2 000 000 рублей земли у мусульман».

После подавления мятежнического движения Шамиля значительное количество местного населения Западного Кавказа бежали в Турцию. Освободившиеся земля были отданы под заселение армян. «На казенный счет привозили из Малой Азии тех же армян и греков... Для заселения завоеванного благодатного края выписывали также эстов, латышей, чехов, и всем им отводились лучшие земли»

Победа России в войне с Турцией 1877-1878 годов не только «увеличила Закавказье двумя новыми областями», но и «вызвала новый приток переселенцев. В одну лишь Карскую область выселилось тогда около 50 000 армян и до 40 000 греков, кроме того, генерал Тергукасов (армянин) вывез... в Сурмалинский уезд 35 000 зарубежных армянских семей».

В это же время началась нерегулируемая миграция армян из Турции на Кавказ. «Армяне потянулись из Турции... непрерывной струей. Во время восстания турецких армян (1893-1894)... установилось сплошное бегство этого племени в наши края». Попытка Кавказского главноначальствующего графа Шереметева организовать депортацию турецких армян натолкнулись на сопротивление Турции. «Турки, знакомые с армянами в течение веков, не принимали их обратно, и русское правительство добродушно махнуло на них рукой». К 1897 году на Кавказ «переместилось» «около 100 000 самовольно вторгшихся

армян». «Естественно, – пишет М.О. Меньшиков, – что и у турецких, и у персидских армян разгорелись глаза на казенные русские земли. За армянами потянулись сейсоры и мусульмане. Этим путем... было влито в Закавказье до миллиона армянских переселенцев, и приток их все растет. После Шереметева за 13 лет в Закавказье прибавилось еще свыше 300 000 армян» [47].

Наряду с армянами, на Кавказ к 1897 году «вселились... более 17 тысяч поляков, 82 тысячи греков, 31 тысяча евреев и по несколько тысяч других всевозможных национальностей. Таким образом, и к без того разноплеменному кавказскому населению было влито до 25 процентов инородчины, враждебной России». Что создавало угрозу национальной безопасности России. Член Правящего Дома Романовых – Голштейн-Готторпов, «Великий князь Михаил Николаевич (наместник Кавказа и превосходный знаток его, родной брат Государя), настаивал на необходимости переселения в Карскую область 100 000 русских поселенцев из внутренних губерний. Но тогдашний министр внутренних дел Лорис-Меликов (армянин) настоял на отказе в этом ходатайстве...

Переселение русских не было допущено, а тем временем 100 000 армян и греков хлынули в Карскую область и захватили все, что могли» [47].

Россия, принимая в свой состав горские племена, не фиксировала и не закрепляла законодательно за ними территорию, не устанавливала границы проживания. Находясь в подданстве России, многие племена значительно улучшали свое территориальное положение и захватывали земли, окультуренные другими народами. Так, в 1783 году чеченские тейпы, «жившие до того в вассальной зависимости от кумыкских князей, сбросив с себя это иго, просили позволения поселиться на плоскости между реками Сунжой и Тереком, обещая составить передовые посты

для терской линии». Русское военное командование легкомысленно разрешило переселиться чеченцам на правый берег Терека, издавна принадлежащий русским терским казакам. «Таким образом явилось это особое сословие мирных чеченцев, самых злых и опасных соседей прилежного жителя. Мирные аулы служили приютом для разбойников всех кавказских племен; в них укрывались партии перед тем, чтобы сделать набег на линию; здесь находились радушный прием все преступники...» [60, стр. 223].

Присоединяя последовательно территории Кавказа, Россия вводила на них государственное управление и определяла административные границы. Так, управление Грузией было вверено командиру отдельного Кавказского корпуса. К примеру, Восточная Грузия была разделена на 5 уездов без четкого определения территорий и границ. После присоединения Северного Азербайджана его территория была разделена на несколько провинций. Которые, в свою очередь, делились на магалы, управлявшимися магалными наибами из числа местных феодалов. Аналогичным образом формировались органы управления Арменией, созданной на территориях Эриванского и Нахичеванского ханств, где была создана Армянская область. Границы между этническими территориями носили административный характер и нередко не имели четкого определения и законодательного закрепления [32, стр. 197-199].

Крушение Российской империи вызвало волну криминальных территориальных конфликтов. Которые сопровождались силовым пересмотром административных границ; изгнанием проживавшего на спорных территориях населения, его физическим уничтожением и депортацией.

В годы Советской власти правительство весьма условно формировало территории и границы между республиками. Соединяя в

Таблица 3.

Производство и потребление валового внутреннего продукта на душу населения (в тысячах долларов США) (в числителе – производство, в знаменателе – потребление) [58, стр. 284]

Наименование республики	1987	1989	1990
Российская Федерация	15,8 / 13,3	17,5 / 12,8	17,5 / 11,8
Грузия	12,8 / 30,3	11,9 / 35,5	10,6 / 41,9
Армения	12,4 / 30,1	10,9 / 30,0	9,5 / 29,5
Азербайджан	10,8 / 12,0	9,9 / 14,0	8,3 / 16,7

республиках этносы, ранее постоянно конфликтовали между собой. Так, в границах Карачаево-Черкесской республики были соединены карачаевцы и черкесы. Хотя карачаевцам по крови и духу ближе балкарцы. В то же время в границах Кабардино-Балкарской Республики были соединены далеко не дружественные этносы кабардинцев и балкарцев.

В советское время Россия, РСФСР, продолжала содержать присоединенные народы окраин, в том числе и Кавказа. Вот как, к примеру, Россия содержала республики Закавказья в последние годы Советской власти (Таблица 3).

Как видно из приведенных цифр, население Азербайджана, Армении и Грузии, потребляло продукции в 2 – 4 раза больше, чем производило. Парадокс же распада СССР состоял в том, что почти по всему Закавказью был начат геноцид русского населения.

К примеру, Армения потребляла в три раза больше продукции, чем производила. На этапе демократических реформ ведущие политики Армении стали проводить ярко выраженную антироссийскую, и протурецкую политику [65].

На этапе завершающей стадии реализации Гарвардского проекта, программы США по разрушению СССР, начался слом государственных и межреспубликанских границ СССР, передел территорий между бывшими Союзными республиками и РСФСР. Прежде всего, в сентябре 1991 г. начался «Парад суверенитетов». Возникли национально-территориальные приграничные конфликты: карабахский конфликт; грузино-абхазский конфликт; грузино-осетинский конфликты и др. [1; 3; 55; 80]

Мировая глобализация [30; 62; 66] и целенаправленная политика США на развал СССР изнутри [7; 18; 19] привела к его ликвидации и межнациональным конфликтам [29].

На основании изложенного можно сделать ряд выводов.

Кавказская национальная политика России заслуживает самого внимательного изучения. Империя создавала условия для эволюционного развития горских этносов, включая их в политико-экономические, социальные, культурно-образовательные и иные государственные процессы.

Советское правительство, создавая союзные республики в Закавказье и на Северном Кавказе, не учитывало территорий прежнего проживания

этносов; межэтнических симпатий. В результате искусственной ломки искусственно созданного в государстве территориального устройства возникли мощные территориальные конфликты между республиками Закавказья и Северного Кавказа.

Ставшие суверенными Азербайджан, Армения, Грузия, своей политикой несут угрозу Северному Кавказу и России. Руководство этих республик забыло, что образовательный, промышленный, научный потенциалы, дороги, города республик создали Россия и русские. К примеру, последний царь Грузии Георгий, понимая неспособность грузин и своего царского клана организовать управление страной, 18 декабря 1800 года передал Грузию, в вечное владение России. Тем самым он спас грузинский народ от полного уничтожения турками и соседними племенами. Сейчас, стараниями руководства Грузии и НАТО, православная Грузия превращена в международный центр развития терроризма на основе радикального ислама; в государство агрессор, угрожающее стабильности всего Кавказа. В период с 11 по 25 мая 2016 года на территории Грузии были проведены первые совместные учения войск Грузии, США и Англии. «По сведениям Минобороны Грузии, в маневрах приняли участие 650 военнослужащих США, 150 военных из Великобритании и 500 грузинских» [43, стр. 83].

Как отмечают информированные источники, «по итогам американо-грузинских военных учений «Достойный партнер – 2016», которые происходили на военной базе Вазияни под Тбилиси, Грузия приступила к созданию грузинских рот НАТО [16]. В формировании рот НАТО на территории Грузии есть одна отличительная особенность: в них могут принимать и молодежь из республик Северного Кавказа. А это вербовка граждан России спецслужбами США и Великобритании, подготовка террористов.

По мнению экспертов, Грузия за счет сближения с Мировым Океаном, НАТО, стремится к формированию «нового, устраивающего только, ее баланса сил в Закавказье, на основе расширения НАТО и двухсторонних военных связей Грузии с США, западноевропейскими странами, Израилем и некоторыми государствами СНГ – участниками созданной несколько лет назад региональной военно-политической системы ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан,

Молдавия)» [48].

Грузия активно вмешивается и в политико-криминальные процессы на Северном Кавказе. В Грузии активно действует «Черкесский Культурный Центр», созданный американским Фондом Джеймстауна, «The Jamestown Foundation». Перед фондом поставлена задача: «...Возвращение Грузии в геополитическое пространство Северного Кавказа». При этом Грузия «берет на себя важнейшую геополитическую функцию: сохранить демократическому Западу и США проходящие через Кавказ все виды связей со Средней Азией, Казахстаном, странами Центральной Азии» [76].

Руководство Грузии стремится превратить Грузию в организационно-политический центр контроля над всем Кавказом. По словам профессора Тбилисского госуниверситета Мераба Чухуа: «Грузинское государство должно выступить с новой инициативой, начать непосредственный диалог с народами Северного Кавказа о новой парадигме общего будущего и совместного проживания в едином пространстве. Грузия должна выступить с программой единого мирного Кавказа: Грузия плюс народы Северного Кавказа». То есть представитель интеллектуальной элиты Грузии предлагает народам Северного Кавказа признать верховенство Грузии, под ее патронажем «задействовать уже готовый проект будущего Кавказа – «Единый и мирный Кавказ». В состав «территории «Единого и мирного Кавказа» должны перейти «все северокавказские республики, Грузия, русско-казацкие и кавказские общины Краснодар, Астрахани, Ставрополя, Ростова» [76]. А затем, Азербайджан, Армения, северо-восточная часть Республики Турция, северо-западная часть Исламской Республики Иран. По сути дела, это политика восстановления «Грузинской империи» периода царицы Тамары. А это значит, что для достижения своих политических, экономических, иных интересов, Грузия превращается в Кавказский центр провоцирования нестабильности; развития терроризма и военной агрессии.

И это при том, что после царицы Тамары Грузия потеряла свои позиции на Кавказе. В XVII веке Грузия вообще находилась на стадии исчезновения с карты Кавказа. И только передача царем Георгием остатков грузинского населения в состав России спасло Грузию от исчезновения [57].

Современные исследователи говорят о том, что последние 500 лет Грузия вела паразитический образ жизни [15]. В середине XVI века территория нынешней Грузии была поделена между Турцией и Ираном. Грузинские княжества Имеретия, Мегрелия, Абхазия отошли Турции, а Картли и Кахетия – Ирану. В составе Иранского государства картвельские княжества являлись частью персидского государства, как и коренные ираноязычные регионы Хорасан, Балх или Фарс. Омусульманенные грузинские князья и дворяне находились на службе у шаха, получали жалование, им дарились дорогие подарки и имения, как в Персии, так и в Грузии [33]. Аналогичная ситуация была и в грузинских княжествах, отошедших к Турции. Как писал знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби Имеретинское царство «до сегодняшнего времени» свободно от хараджа и урфа (так называемых обычных налогов), «только ежегодно они посылают в Стамбул (в качестве подарков) невольников, соколов, ястребов, мулов, а также грузинских женщин редкой красоты» [21, стр. 70; 57].

В современных условиях самостоятельно Грузия не способна на решение глобальных задач. За спиной Грузии стоит НАТО. Как предупреждают эксперты, «вступление Тбилиси в атлантический блок разделит Кавказ» [78]. Вот почему «генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг назвал отношения НАТО с Грузией уникальными, «Вы одни из самых важных действующих партнеров альянса и доверенный друг», заявил он на совместной пресс-конференции с президентом Грузии Георгием Маргвелашвили», – летом 2018 г. Судя по-всему, Йенс Столтенберг не знает историю Грузии. Она всегда предает своих покровителей [33].

Угрозу Северному Кавказу несут Азербайджан и Армения.

У нынешнего Кавказа нет иных путей решения территориально-пограничных вопросов, кроме интеллектуально-дипломатического. При активном участии России.

Напомним, что Армении на Кавказе создала Россия. О том, что армянская политика России была стратегической ошибкой руководства империи, заявил патриарх Кирилл. «Создание католической Армении на Кавказе была величайшей ошибкой Российской государства» [67]- заявил он. «Мы с момента образования армянского государства защищаем этот народ, который даже не

исповедует православие. Мы всегда считали Армению частью русского государства и хранили малочисленных армян-католиков как зеницу ока. В такой сложной географии без России она бы не просуществовала никогда. Теперь обратите внимание, как все меняется резко и добро так жестоко и нагло забывается... Когда они страдали в Османской империи католический мир даже не вспомнил о них. Теперь армяне играют под дудку тех стран, которые когда то их бросили на произвол судьбы» [67].

По данным информационных агентств, когда в Армению с деловым визитом прибыли американские и английские военные эксперты, то министр обороны Сейран Оганян предоставил им возможность изучить Российское вооружение. «Американские и британские эксперты прямо на месте ознакомились с ЗРК С-300 и ракетными установками класса «Земля-Земля». Произошедшее... вызвало ярость официальной Москвы» [50]. Бывший высокопоставленный сотрудник Службы национальной безопасности Армении Вардан Егиазарян, выйдя на пенсию, уехал на ПМЖ в США. Где сдал агентуру Армении, «начиная от простых агентов и вплоть до шпионов в иностранных государствах» [50]. В том числе, была «разоблачена целая сеть российских агентов».

Одна из угроз России – стремление Армении принимать армян из Сирии. Уже 1918 году в Сирии проживали около 142 тысячи армян. С началом войны в Сирии армяне стали возвращаться в Армению. Руководство Армении заявило о своей готовности принять всех Сирийских армян, обеспечить их жильем. Среди армянских

мигрантов из Сирии могут оказаться и боевики. Между Россией и Арменией действует безвизовый режим. Получив армянские паспорта, «новые граждане Армении» могут спокойно въезжать в Россию [17].

В настоящее время на территории субъектов федерации Северного Кавказа резко увеличивается количество армян. Между тем, многочисленные эксперты заявляют о том, что Армения проводит ярко выраженную антироссийскую политику, и ориентируется на США [65; 81].

Между тем, армяно-григорианская церковь не имеет никакого отношения к христианству. Ее ритуалы ведения службы противоречат канонам христианства. В 1903 г. армянская партия Дашнакцутюн создала на территории Кавказа мощнейшую террористическую сеть, где были: разведка, контрразведка, террористы-федаи, армия зинворов количестве 100 тысяч человек [2; 4; 56]. Армянские боевики организовали элитный адресный террор против высших должностных лиц Российской империи, изгоняли азербайджанцев с нефтеносных земель и т.д. Никто не даст гарантию, что на территории Кавказа вновь не начнется «армянский террор».

Таким образом, приграничные территории, государства несут неприкрытую угрозу Северному Кавказу. Азербайджан, Армения и Грузия проводят ярко выраженную антироссийскую политику. Грузия превращается в структуру Мирового Океана на Кавказе. Там концентрируются силы НАТО и международного террора.

Все это остро ставит вопрос о необходимости защиты Государственной границы России на Кавказе.

Примечания

- * В современной литературе уже доказана точка зрения о том, что резкое изменение климата на планете земля и наступление ледникового периода произошло в результате войны между Гипербореей и Адлантидой. Территория Гипербореи стала покрываться ледниками. Начался исход гиперборейцев – славян из Гипербореи в другие места.
- ** Как отмечают исследователи, название «Дагестан» – происходит из персидского языка. «Даг» означает «гора», «истан» – земля. Таким образом «Дагестан» означает «гористая земля».
- *** Сасаниды – правящая династия Персидской (Сасанидской) империи, столица которой находилась в г. Медине. Династия Сасанидов управляла Персией с 226 года [23, стр. 72-366]

Список литературы

1. Алексей Зверев. Этнические конфликты на Кавказе (1988-1994 г.) // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Коппитекса Б. – М.: Весь мир, 1996. – С. 10-76. – в кн. 228 с.
2. Армения вставит палку в интересы России на Кавказе? // <http://kolokolrussia.ru/evraziya/armeniya-vstavit-palku-v-interes-rossii-na-kavkaze/>;
3. Армения: уличные бои в Ереване // Коммерсантъ. – 1990. – 4 июня.
4. Армянский феодаизм и терроризм // <http://armenianissue.info/ru/2018/05/12>
5. Байрамуков А.И. Геополитический фактор внутривосточного процесса современной России в контексте обеспечения национальной безопасности (на примере Северного Кавказа): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2012. – 26 с.
6. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. – 22 с.
7. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2010. – 256 с.
8. Бларамберг И. Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 404 с.
9. Блог «Кавказского узла» // <https://echo.msk.ru/blog/cknot/734621-echo/>
10. Броневский С. Кавказцы. 1750 – 1820. – М.: типография С. Селивановского, 1823.
11. В Абхазии идут споры вокруг истории российско-абхазских отношений // <https://regnum.ru/news/1359409.html>
12. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 510 с.: ил., карты.
13. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в). – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1870. – VIII, 308 с.
14. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1950. – 505 с.
15. Грузия 500 лет паразитизма: политическая модель выживания грузинского государства // <http://новости-мира.ru-an.info>
16. Гумашвили З. Первая грузинская рота НАТО появится на Кавказе по итогам американских учений в Грузии // <https://onkavkaz.com/news/983-pervaja-gruzinskaja-rot-a-nato-pojavitsja-na-kavkaze-po-itogam-amerikanskih-uchenii-v-gruzii.html>
17. Давидян В. Армения примет всех сирийских армян // <http://onkavkaz.com/news/280-armenija-primet-vseh-siriiskih-armjan.html>
18. Даллес А. Доктрина: Россию надо поставить на место! / Пер. с англ.; предисловие Р. Горев. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2011. – 224 с. – (Русский отдел).
19. Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа / Пер. с нем. В.Г. Чернявского, Ю.Д. Чупрова. – М.: Центрполиграф, 2020. – 428 с.
20. Демин В.М. От ариев к русичам. – М.-Омск: Русская Правда, 2007. – 382 с. : портр.
21. Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Кн. II. – Тбилиси, 1948. (на груз. языке).
22. Джамалов Ф. Кавказ – прародина человечества // <https://proza.ru/2009/10/03/441>
23. Доктор Рахман. Краткая история ислама. – М.: УММА, 2002. – 303 с.
24. Документальная история образования многонационального государства Российского : В 4 кн. / Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, Акад. соц. наук ; редкол.: Г.Л. Бондаревский, Г.Н. Колбая. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках / Авт. и сост. Г.В. Осипов и др.. – М.: Норма: Merissa trading and development, 1998. – 723 с.
25. Дорн Б.А. Каспий. – СПб.: Тип. Академии наук, 1875. – [2], IV, LVI, 718 с., 2 л. ил., карт.
26. Зелькина А. Ислам в Чечне до Российского завоевания // Чечня и Россия, общества и государства / Ред.-сост. Фурман Д.Е.; Фонд Андрея Сахарова – М.: Полиформ-Талбури, 1999 – 429 с.
27. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
28. Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. – Тифлис. 1868. – 864 с.
29. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с. – Серия: «Юридическая конфликтология: прошлое, настоящее, будущее».

30. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И. Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 193-197. Ивашов Л. Г. Мир на изломе истории: Хроники геополитических сражений. – М.: Книжный мир, 2019. – 606 с.
31. История Азербайджана с древнейших времен до начала XX в. – Баку: Элм, 1995 – 432 с.
32. История государства и права СССР. / Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. Ч. 1 М.: Московский ун-т 1985. – 278, [1] с.
33. История Грузии. В 3-х т. Т. I. (С древнейших времён до 60-х годов XIX века): Учебное пособие / Авториз. перевод; ред. кол. Н. А. Бердзенишвили (гл. ред.), В.Д. Дондуа, Г.А. Меликишвили. – Тбилиси: Цодна, 1962.
34. История культуры Руси. Т. 1: Домонгольский период: Материальная культура / Под ред. Н.Н. Воронина и др. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1948. – 484 с.; 8 л. ил., карт. : ил., карт.
35. История народов Северного Кавказа. – Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – 125 с.
36. Кавказ в сердце России: На вопросы современности ответы ищем в истории / Сост. В.И. Десятерик, Вад.В. Дементьев; Авт. предисл. помощник Президента Рос. Федерации С.В. Ястржембский. – М : Пашков дом: Фонд им. И. Д. Сытина, 2000. – 333, [1] с. : ил.
37. Кавказ. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 13-е издание. Т. 23. – М., Б.г.
38. Клесов А.А. Славяне, кавказцы, евреи с точки зрения ДНК-генеалогии. – М.: Книжный мир, 2015. – 351 с.: ил., табл.
39. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1890. – IX, [3], 304, [3] с.
40. Лапинский Теофил (Тэфик–бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Перевод В.К. Гарданова. – Нальчик: Эль-Фа. 1995. – 454, [9] с. : ил.
41. Леонтович А.И. Адамы Кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса : тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – [2], VI, 439 с.
42. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1946. – 328 с.
43. Литвинов Н.Д., Овчинников В.В., Сальников М.В., Петров П.А. Кавказский террор в России как форма гибридной войны: детерминация и прогноз развития // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 74-111.
44. Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Экстримизация исторической памяти народов Северного Кавказа в механизме развития антигосударственного терроризма // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 152-164.
45. Малашенко А. В кавказское бандподполье уходят дети чиновников: эксперт // <http://www.regnum.ru/news/polit/1456610.html#ixzz1cG71s9Yw>
46. Мансуров М.Х. Русское население Дагестана в конце XIX – начале XX вв. (К проблеме проникновения и развития капиталистических отношений в Дагестане): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Махачкала. 1995. – 39 с.
47. Меньшиков М.О. Для кого воевала Россия // <https://hullam-del-ray.livejournal.com/1451742.html>
48. Место и роль Грузии в стратегии НАТО на Кавказе // https://xstud.ru/105391/politologiya/mesto_rol_gruzii_strategii_nato_kavkaze
49. Мизиев И.М. Джуртубаев М.Ч. История и духовная культура Карачаево- Балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 216 стр., илл.
50. Минобороны Армении ознакомило американцев со своими ракетными установками? // www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1332318.html
51. На Кавказе находится прародина человечества: почему так считал немецкий ученый // <https://cyrillitsa.ru/nagody/136316-na-kavkaze-nakhoditsya-prarodina-chelov.html>
52. Немирович-Данченко В.И. Горе забытой крепости: роман // В.И. Немирович-Данченко. Избранные произведения: в 2 томах. Том. 2. / Сост. Г.М. Емыкова. – Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 551 с.: ил.. – (Серия «КЛИО» («Кавказский литературно-исторический Олимп»). Раздел «Литература»).
53. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа: Сост. по преданиям кабардинцев / Вступ. ст. [с. 7-43] и подгот. текста Т. Х. Кумыкова; примеч. Б. А. Гарданова, Т. Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 231, [1] с.: портр.
54. Нунуев С-Х. Нахи и священная история / Фонд развития экономических и культурных связей «Ярославль-Ичкерия». – Ярославль, 1998; М. : Московская типография № 11, 1998. – 556 с. : ил., карт., портр., факс.
55. Окунев Д. 30 лет назад СССР отказался от «доктрины Брежнева», приняв «доктрину Сенатры» // Газета.Ru.
56. Олег Кузнецов: «Армянский терроризм напоминает мне бубонную чуму, о существовании которой вирусологи знают, но искоренить ее не могут» // <https://wowavostok.livejournal.com/9677728.html>

57. Очерки истории Грузии. / АН ГССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили. Том 2. Грузия в IV–X веках: ред.: М. Лордкипанидзе, Д. Мухелишвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1988. – 579,[1] с., [12] л. ил.
58. Платонов О.А. Государственная измена.- М.: Алгоритм, 2004. – 574, [1] с. – (Заговор против России).
59. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. – М.: Центрполиграф, 2006.
60. Присоединение Кавказа к России. XIX век. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 415 с.: ил.
61. Рыбалко С. Легенды и предания Кавказа. Стихи: Избранное. – Ставрополь: МИЛ, 2000. – 283, [4] с. : ил., портр.
62. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
63. Свято-Русские Веды. Книга Велеса. – М.: Фаир-Пресс, 2001. – 576 с.
64. Секретная миссия в Черкессию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау / Подгот. Б.М. Кереев и Р.У. Туганов. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 507 с.: ил., портр.
65. Сергей Степанянц: «Россия – враг» – Армения меняет внешнеполитические ориентиры//<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1313584.html#ixzz0zyHQim1G>;
66. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик, Ю.И. Дук, А.И. Коробеев. – СПб.: Юридический центр – Академия, 2019. – 344 с.
67. Создание католической Армении на Кавказе была величайшей ошибкой Российской государства // <https://newsland.com/community/politic/content/sozdanie-katolicheskoi-armenii-na-kavkaze-byla-velichaishei-oshibkoi-rossiiskogo-gosudarstva/3546132>
68. Сокирянская Е. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? // https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalizazii/
69. Суд приговорил экс-начальников колонии Калмыкии с организованной школой боевиков // <https://lenta.ru/news/2021/03/10/kalm>
70. Тарихи – Дербент-наме. – Тифлис, 1898.
71. Тебенков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. – Тифлис: Типография канцел. Главннач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. – 78 с.
72. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 634, [2] с.
73. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. – М.: Академия наук СССР, 1961. – 262 с.
74. Хвжого Шаукат Муфти. Герои и императоры в Черкесской истории. – Нальчик: Эль-Фа, 1994. – 317 с.
75. Ходорковский М. В королевстве кривых зеркал // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. – С. 19-39. – в кн. 427 с.
76. ЦРУ готовится открыть антироссийский «кавказский фронт» в Грузии // <http://kolokolrussia.ru/sovetuem-rochitat/cru-gotovitsya-otkrt-antirossiyskiy-kavkazskiy-front-v-gruzii>
77. Чеснов Ян. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. – С. 66-68. – в кн. 427 с.
78. Юсупов Т. НАТО уже приняло решение о принятии Грузии. Вступление Тбилиси в атлантический блок разделит Кавказ // <https://onkavkaz.com/news/2353-nato-uzhe-prinjalo-reshenie-o-prinjatii-gruzii-vstuplenie-tbilisi-v-atlanticheskii-blok-razdeli.html>
79. Якубовский А.Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. (943-4 г.): Доклад, прочит. в Подкомиссии для изучения связей древней Руси с Византией и Востоком, 17 февр. 1926 г. – Б.м.: б. и., 1926.
80. Contested Borders in the Caucasus, ed. Bruno Coppieters ISBN 90 5487 1172 NUGI 654. VUB University Press (1996).
81. Forbes: Мадагаскар, Армения, Киргизия – худшие экономики мира//<http://www.regnum.ru/news/polit/1422530.html#ixzz1RQX3Nzmm>

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор Санкт–Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, академик РАЕН (г. Санкт–Петербург, Россия)

E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

ЛУЦЕНКО Виктор Викторович,
адъюнкт факультета по подготовке кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт–Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Санкт–Петербург, Россия)

E-mail: dotsentcom@yandex.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

***Аннотация.** В настоящее время состояние глобальной безопасности постоянно находится под воздействием деструктивных кризисов создаваемых террористическими организациями. Военно-политическая обстановка в стране также не является стабильной, в связи с чем от государства требуется постоянное использование правовых средств, непосредственно направленных на помощь в процессе противодействия терроризму, который представляет реальную угрозу интересам национальной безопасности.*

Изучение проблемы терроризма в современной науке имеет разнообразные подходы, которые выражают различные точки зрения.

Эмпирический материал, имеющийся по изучению данной проблемы огромен. Что касается состояния теоретического анализа, то эта проблема изучена не до конца. Данная ситуация и явилась выбором темы настоящей публикации.

Представлены теоретические закономерности, имеющие непосредственное отношение к правовому режиму контртеррористической операции; проведен правовой анализ контртеррористической операции как одного из основных правовых средств, применяемых в процессе противодействия террористической угрозе.

***Ключевые слова:** режим контртеррористической операции; экстраординарное правовое регулирование; террористический акт; тип; методы; способы; войска национальной гвардии РФ.*

**ZAKHARTSEV S.I.
LUTSENKO V.V.**

THEORETICAL AND LEGAL ASPECT LEGAL REGIME OF THE COUNTER-TERRORIST OPERATION

***The summary.** At present, the state of global security is constantly under the influence of destructive crises created by terrorist organizations. The military-political situation in the country is also not stable, in connection with which the state is required to constantly use legal means directly aimed at helping in the process of countering terrorism, which poses a real threat to national security*

interests.

The study of the problem of terrorism, in modern science, has a variety of approaches that express different points of view.

The empirical material available for the study of this problem is enormous. As for the study in a theoretical aspect, this problem has not been fully studied. This was the choice of the topic of a scientific article in the course of a comprehensive analysis, with overcoming the disciplinary disunity of scientific research.

The paper presents theoretical patterns that are directly related to the legal regime of the counter-terrorist operation; a legal analysis of the counter-terrorist operation as one of the main legal means used in the process of countering the terrorist threat is carried out.

Key words: *regime of counter-terrorist operation, extraordinary legal regulation, terrorist act, type, methods, means.*

В настоящее время связующим звеном террористических организаций является разнообразие мотивов осуществления преступной деятельности [7; 8; 9; 12; 21; 31; 32], идеология зла, финансирование деятельности как за счет денежных средств, привлекаемых благодаря незаконным деяниям [5; 11], так и в виде «спонсорской» помощи [15, стр. 407-416; 20]. До середины XX века террористическая угроза не была выделена в отдельный вид преступлений, хотя и требовала отдельного правового регулирования. В этот период государству было предоставлено право применять чрезвычайные меры правового регулирования, которые были необходимы для разрешения ситуаций, имеющих отношение к террористическим угрозам, но при этом они использовались с некоторыми ограничениями в виде запретов и дозволений, которые нашли отражение в нормах права действующего законодательства. В связи с этим весьма вероятно, что чем жестче будет ответственность за нарушение норм права, тем более возрастет степень ответственности за их несоблюдение [4, стр. 12-20], в том числе в условиях проведения контртеррористической операции.

Отсюда следует, что вместе с определением предметных дозволений и общих запретов на конкретное поведение в экстраординарном законодательстве применяются четкие дозволения, легитимирующие использование власти и принуждений. В традиционном разрешительном праворегулировании определенные дозволения относят к лимитирующим правам в деятельности государства. Современное отечественное законодательство воздержалось от представления

общего дозволения на чрезвычайные меры в условиях террористической опасности и указало в действующих нормах права конкретно определенные полномочия органов государственной власти [17, стр. 371-374].

Изучение правового регулирования в области противодействия терроризму в современной науке свидетельствует о разнообразных подходах, которые демонстрируют различные точки зрения. В процессуальном плане экстраординарное правовое регулирование имеет следующие стадии:

- принятие правовых норм чрезвычайного характера, рассчитанных на экстраординарные правоотношения, возникающие на фоне террористической угрозы;
- выполнение обязанностей и реализация прав всех лиц, участвующих в данных правоотношениях.

Современные исследователи, рассматривая чрезвычайное законодательство в области борьбы с терроризмом, показывают отличительные особенности данного режима от обычного правового регулирования, его стадии и присущие ему элементы [10; 13; 16; 23; 25; 26; 30]. Актуальность работы заключается в том, что чрезвычайное правовое регулирование по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с террористической деятельностью, в современных условиях приобретает особое значение в качестве средства охраны общества и государства, поддержания уровня национальной безопасности на должном уровне [17, стр. 56-60].

С.В. Лебедь в своих работах имеет мнение что: «...если международное право прямо

определило запреты на ограничение конкретных прав и свобод в экстраординарных условиях, в том числе и в условиях режима контртеррористической операции, вне зависимости от тяжести ситуации и соображений целесообразности, и отдают на откуп национального законодателя ограничение других прав, то законодательство Российской Федерации закрепило только недопустимые ограничения и не затрагивает недопустимые права. В связи с этим, в рамках международного права, касательно прав и свобод человека в условиях режима контртеррористической операции, применяется принцип «разрешено все, что не запрещено». И как указано в Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» применительно к сходным вопросам, подразумевается принцип «запрещено все, что не разрешено» [15, стр. 10-18].

Под методом правового регулирования следует понимать определенные правовые «технологии», определяющие порядок применения правовых средств в процессе правового регулирования. В юриспруденции выделяют диспозитивный и императивный методы правового регулирования.

В ходе проведения контртеррористической операции и обеспечения правового режима, применяется метод правового регулирования, имеющих императивные начала. Анализируя позицию С.С. Алексеева, который при определении характеристики метода правового регулирования считает, что это необходимо делать, применяя анализ элементов, имеющих четыре главные стороны:

- а) определенное положение субъектов общественных отношений, которые имеют прямое или косвенное отношение к правовому режиму контртеррористической операции;
- б) внешние условия их движений;
- в) содержание данных правоотношений;
- г) меры их юридического обеспечения [6, стр. 135-137].

Императивность метода экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции воплощается в следующих моментах:

Во-первых, исходя из правового положения, которое определяется для субъектов правоотношений, в ходе введения режима контртеррористической операции видно, что они находятся в неравноправном соотношении друг с другом. Примером могут служить полномочия войск

национальной гвардии по обеспечению правового режима контртеррористической операции [19, стр. 24-29], где согласно Федеральному закону «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» сказано что: «Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии вправе временно запрещать или ограничивать движение транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, плавучих средств (судов) и пловцов на акватории, осуществлять их досмотр в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан» [3]. Вследствие этого можно сказать, что специально уполномоченные органы в лице Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации являются властной стороной, которая согласно законодательству подчиняет и принуждает к действиям другие субъекты правоотношений, в частности – отдельных граждан и организаций. В итоге возникают отношения власти и подчинения, но не юридического равенства [28; 29; 34].

Во-вторых, правовым основанием возникновения, развития и прекращения экстраординарных правоотношений противодействия терроризму является вступление в жизнь определенного рода обстоятельств:

- чрезвычайные обстоятельства, наступившие в результате террористических действий, которые не зависят от воли и сознания субъектов правоотношений, прямо или косвенно принимающих участие в противодействии терроризму. Хотя следует сказать, что акт терроризма можно отнести к действиям, которые могут привести к непредвиденным последствиям, и, как следствие, частично будут стремиться в некоторой степени к определенным событиям;
- властные административно-распорядительные акты руководителя контртеррористической операции, направленные на ликвидацию и (или) минимизацию последствий террористического акта. Примером, может служить обязанность руководителя контртеррористической операции, которая определена статьей 13 Федерального закона «О противодействии терроризму», где сказано, что он: «...определяет территорию (объекты), в пределах которой (на которых) вводится правовой режим контртеррористической операции, и устанавливает комплекс мер и временных ограничений,

предусмотренных настоящим Федеральным законом» [2].

Таким образом, возникновение и развитие отношений, возникающих при совершении или угрозе совершения актов терроризма, изначально носит неупорядоченный характер, но потом претерпевает влияние в результате организующей деятельности государства в лице руководителя контртеррористической операции по налаживанию возникших хаотичных общественных отношений.

В-третьих, с точки зрения структуры, правоотношения в условиях противодействия терроризму характеризуются тем, что:

- происходит реализация установленных в законе запретов и обязываний для подвластных лиц;
- координирующий и руководящий орган контртеррористической операцией делегируется правами на нормативное урегулирование отношений и подчинение себе подвластных лиц.

В большей мере чрезвычайные правоотношения, возникающие в ходе проведения контртеррористической операции – это правоотношения в виде пассивного поведения со стороны подвластных лиц, так как требуют от граждан и организаций воздержания от определенных активных действий. Для примера, к таким действиям можно отнести приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества.

Государство в лице компетентных органов, уполномоченных для проведения контртеррористической операции, должно вести активные действия по реализации своих полномочий, которые должны помочь мобилизовать ресурсы для преодоления террористической угрозы и ликвидации последствий террористического акта. Таким образом, государство проявляет активность и требует от граждан таких действий, которые не создадут препятствий в деятельности силовых структур в ходе проведения специальной операции.

Основными элементами в механизме правового регулирования являются следующие элементы:

- норма права;
- правоотношения между субъектами права;
- действия субъектов в форме соблюдения,

исполнения, использования и применения права.

Для анализа специфических правовых средств, используемых для противодействия терроризму, может быть использовано понятие «механизм». В данном контексте термин «механизм» не должен рассматриваться только как механическая категория, которая дает представление лишь о статических элементах [19]. Авторы, отмечая, что в юридическом процессе упорядочивание экстраординарных обстоятельств, выражающихся в противоправной деятельности террористических элементов, напрямую зависит от качества механизма правового регулирования режима контртеррористической операции, который содержит в себе устойчивые и закономерные элементы.

Использование экстраординарных и специфических правовых средств в механизме правового регулирования режима контртеррористической операции является отличительной особенностью от ординарного механизма правового регулирования. К особым правовым средствам, по мнению авторов, можно отнести:

- правоограничивающие нормы права;
- запрещающие нормы права.

За правоограничением следует необходимость субъектов права, в контексте заранее ограниченных субъективных прав, выбирать вариант своего поведения, который не представляет опасности для общества в условиях террористической угрозы. Так, например, ограничение движения транспортных средств и пешеходов в районе проведения контртеррористической операции, не лишает граждан на свободное перемещение, но в тоже время не позволяет перемещаться в районе специальной операции, так как это может представлять угрозу для их жизни и здоровья.

В тоже время, обстоятельства, обусловленные запретом на какие-либо действия в районе контртеррористической операции, необходимы для обеспечения оперативной деятельности привлекаемых к проведению контртеррористической операции органов государственной власти и учреждений.

Возможность государства действовать в ординарных условиях по своему усмотрению весьма ограничена, а в определенных случаях полностью запрещена. Что касается чрезвычайных ситуаций, имеющих социальную природу, то здесь государство предусмотрело особое правовое регулирование, которое не должно приводить

к злоупотреблению властными полномочиями. В таких ситуациях правовое регулирование в виде дозволения и отличает деятельность компетентных органов в период введения режима контртеррористической операции [14, стр. 31-32].

Экстраординарным правоотношениям присущи следующие черты:

1. В специальные правоотношения вступают уполномоченные государственные органы, в том числе правоохранительные органы, и иные органы государственной власти, граждане и организации, привлекаемые по решению руководителя контртеррористической операции.
2. Подчинение одной стороны другой, выражающееся в отношении власти и повиновения, соблюдения субординации.
3. Наполнение обязанностями и дискреционными полномочиями органов государственной власти.
4. Возникновение пассивных и активных обязанностей у подвластных органов, граждан и организаций.
5. Особые правоотношения возникают на основе определенного юридического факта – пресечение и (или) раскрытия террористического акта.

Рассматривая режим контртеррористической операции с позиции процедуры, процесса, порядка правового воздействия на критические отношения, можно выделить следующие стадии правового регулирования:

- правотворчество;
- возникновение правоотношений на основе юридических фактов;
- волевые нормы поведения участников правоотношений, выражающиеся в реализации своих прав и обязанностей.

Такой порядок построения правового регулирования характерен и для стадии правоотношений в нормальных условиях обстановки. Но, при этом, авторы хотели отметить, что для стадий правового регулирования в условиях экстраординарных событий имеется ряд особенностей.

Во-первых, создание правовой основы регулирования противодействия терроризму основано не на существовании реально нуждающегося в законодательном регулировании предмета воздействия. Предмет воздействия в том виде, как он существует, предполагается на основе существующего опыта пресечения и (или) раскрытия

преступлений, предусмотренного статьями Уголовного Кодекса РФ в сфере противодействия терроризму. Отсюда следует, что при всех возможных ситуациях развития обстановки, которые могут возникнуть в ходе проведения контртеррористической операции, все предусмотреть заранее невозможно.

Так, примером может служить то, что ранее в области борьбы с терроризмом не предусматривалось участие Вооруженных Сил в борьбе с ним. Однако акты терроризма и экстремизма на территории Кавказских республик вызвали необходимость применения данного силового органа для восстановления конституционного порядка в этих субъектах. Фактически, глава государства применял Вооруженные Силы без разрешения на то законодательства Российской Федерации. Дальнейшее развитие регулирования данного вопроса получило в Федеральном законе № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» от 03.07.1998 г. и, пришедшего ему на смену, Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г., где конкретно определены субъекты, привлекаемые для противодействия терроризму [4].

Во-вторых, в ходе поиска эффективных и оптимальных каналов решения экстренных ситуаций появляется необходимость наличия постоянных норм поведения, которые составляют содержание законодательной базы стабильного периода существования общества. Все это обусловлено тем, что чрезвычайное правовое регулирование через каналы юридического воздействия, которые могут быть индивидуальными или коллективными, восполняет пробелы в виде исключительных ситуаций, которым необходима правовая охрана.

Рассматривая процесс правового регулирования режима контртеррористической операции, его стадии можно представить в следующем порядке:

В первую очередь разрабатываются юридические нормы в виде законодательных актов, содержание которых включает основания введения режима контртеррористической операции, его проведения и отмены, правовые и организационные положения, в том числе основы применения Вооруженных Сил РФ привлекаемых к борьбе с терроризмом.

На второй стадии дается правовая оценка при возникновении обстоятельств в экстраординарной

ситуации, квалифицирующая их как террористическую угрозу. Необходимой стороной данных правоотношений является наличие специальных субъектов, в лице должностных лиц, деятельность которых направлена на пресечение и (или) ликвидацию террористических угроз.

На третьей стадии правового регулирования противодействия терроризму осуществляется реализация экстраординарного законодательства в актах определяющих возможные пределы действий всех субъектов права.

Также стоит отметить, что на данной стадии, которая является основной, в ситуации чрезвычайного характера акцент с нормативного регулирования переносится на индивидуальное правовое регулирование, основанное на решении руководителя федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, либо иного субъекта, действующего по указанию должностного лица имеющего право отдавать такого рода распоряжения.

Подводя итог, можно прийти к заключению, что механизм экстраординарного регулирования противодействия терроризму, имеет следующую конструкцию:

- специальные экстраординарные правоотношения;
- акты реализации прав и обязанностей;
- неординарные юридические факты чрезвычайного характера, имеющие террористическую природу.

Что касается способов экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции, то выделяют методы обязывания и запрета. Запреты позволяют обеспечить пассивное поведение субъектов права в целях недопущения возникновения препятствий, которые могут помешать оперативным действиям подразделениям, принимающим участие в контртеррористической операции. Так, ФЗ «О противодействии терроризму» позволяет вводить ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и объектах, так как это может помешать проведению специальной операции, а также создать угрозу безопасности жизни и здоровью самих граждан.

Что касается метода обязывания, то он применяется в тех случаях, когда необходимы действия со стороны граждан и организаций в оказании активной помощи при

противодействию терроризму. Так, в Федеральном Конституционном законе «О чрезвычайном положении» сказано, что имеется право мобилизовать ресурсы организаций независимо от организационно-правовых форм собственности, переориентировать указанные организации на производство необходимой в условиях чрезвычайного положения продукции и иные, необходимые в условиях чрезвычайного положения, в том числе террористической угрозы, изменения производственно-хозяйственной деятельности [1].

В юриспруденции обсуждается вопрос о наличии особого способа правового регулирования как правового ограничения, который широко применяется в специальных административно-правовых режимах.

Правовые ограничения состоят не только в возложении обязанностей и запретов, но и в сужении правового статуса личности, изъятии или ограничении отдельных возможностей по их осуществлению [22].

При экстраординарном правовом режиме контртеррористической операции, действительно, вводятся определенные ограничения конкретных конституционных прав и свобод граждан и организаций. К примеру, согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму», допускается ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем в целях предупреждения совершения террористических актов [2].

В условиях экстраординарного правового регулирования режима контртеррористической операции ограничения каких-либо прав и свобод граждан и организаций применяются для своевременного и беспрепятственного выполнения компетентными органами государственной власти своих полномочий по ликвидации и (или) минимизации последствий террористических актов. Так, продажа оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств, в установленном законом порядке, не является правонарушением, но в условиях террористической угрозы становится возможным препятствием для осуществления специальных действий при противодействии терроризму.

Также следует отметить, что правоограничения при введении режима контртеррористической операции направлены в том числе на

предупреждение вероятного социально опасного поведения субъектов общественных отношений в процессе использования своих субъективных прав. В данном контексте о правонарушении говорить рано, так оно еще не совершено. Так, недопущение граждан в целях защиты их жизни, здоровья и имущества на отдельные участки местности и объекты, имеет целью не на сдерживание правонарушений, а на предотвращение предполагаемых последствий – создание

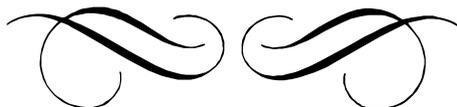
угрозы для жизни людей находящихся в районе проведения контртеррористической операции [3].

Делая выводы, можно отметить то, что в российском законодательстве существует необходимость о внесении уточнений в области правового регулирования режима контртеррористической операции в части перехода на дозволильный тип правового регулирования, в котором будут конкретно определены полномочия, не входящие в компетенцию органов государственной власти.

Список литературы

1. Федеральный Конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
2. Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
4. Указ Президента Российской Федерации от 27 июля 1993 г. № 1149 «О введении чрезвычайного положения на территориях Моздокского района, Пригородного района и прилегающих к нему местностях Северо-Осетинской ССР и Малгобекского и Назрановского районов Ингушской Республики» (утратил силу) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 31. – Ст. 2842.
5. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат Е.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
6. Алексеев С.С. Теория государства и права. – 3-е изд., переб. и доп. – М.: Проспект, 2005.
7. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Михеев В.Л., Мусиенко Т.В., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. Международный терроризм: вызовы и противодействия: в 3-х т. Т 1: История и современность / Глав. ред. В.Л. Михеев. – СПб.: Архей, 2011. – 383 с.
8. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Михеев В.Л., Мусиенко Т.В., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. Международный терроризм: вызовы и противодействия: в 3-х т. Т 2: Противодействие международному терроризму: поиск новой парадигмы / Глав. ред. В.Л. Михеев. – СПб.: Архей, 2011. – 482 с.
9. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Михеев В.Л., Мусиенко Т.В., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. Международный терроризм: вызовы и противодействия: в 3-х т. Т 3: Библиография / Глав. ред. В.Л. Михеев. – СПб.: Архей, 2011. – 310 с.
10. Баstryкин А.И. Лекция: О средствах обеспечения безопасности и противодействия терроризму // Юридическая мысль. – 2021. – № 4(124). – С. 170-184.
11. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
12. Волеводз А.Г. Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1. – С. 70-93.
13. Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 359 с.
14. Захарцев С.И. Правовой нигилизм в России // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 2(15). – С. 12-20.
15. Лебедь С.В. Международно-правовые основы обеспечения прав человека в условиях чрезвычайного положения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2003. – 28 с.
16. Лукичев О.В., Шарая О.С. Международный терроризм (историко-правовой и криминологический анализ): Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 272 с.
17. Луценко В. В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт // Военное право. – 2021. – № 4(68). – С. 56-60.
18. Луценко В.В. Теория и практика терроризма: социально-философский аспект // Вопросы устойчивого

- развития общества. – 2021. – № 5. – С. 407-416.
19. Луценко В.В. Тип, методы и способы правового режима контртеррористической операции // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 4(37). – С. 371-374.
 20. Мурадян С.В. Проблемы квалификации финансирования терроризма по международному праву // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 92-97.
 21. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
 22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2008. – 1200 с.
 23. Пиджаков А.Ю., Бодунова О.Г. Государственные меры борьбы с терроризмом: отечественный и зарубежный опыт. – СПб.: СПб ГУГА, 2007. – 285 с.
 24. Ромашов Р.А. Теория государства и права. Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 168 с.
 25. Сальников В.П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4. – С. 4-5.
 26. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
 27. Сальников В.П., Захарцев С.И. Войска национальной гвардии Российской Федерации должны стать органом, самостоятельно осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 2(19). – С. 24-29.
 28. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
 29. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 144-161.
 30. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
 31. Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.
 32. Федоров А.В. Противодействие терроризму: правовое регулирование // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – 2001. – № 5. – С. 84-96.
 33. Фомин А.А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве (теоретико-правовое исследование): Дис.... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Саратов., 2001. – 180 с.
 34. Шеншин В.М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административной юрисдикционной деятельности: Монография. – Белгород: Эпицентр, 2022. – 202 с.

ОСИПОВ Алексей Алексеевич,
факультет подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,
доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: axel_b@mail.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

БОРЬБА НКВД С УКРАИНСКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация.** Описывается и анализируется история борьбы НКВД с вооруженными отрядами националистов в годы Великой Отечественной войны на территории Западной Украины. Целью данного исследования является выявление особенностей и характера этапов этой борьбы в период с марта 1944 г. и до окончания Великой Отечественной войны. Верхние хронологические рамки были обусловлены этапами освобождения Правобережной Украины от немецких захватчиков. В работе проведен историографический анализ состояния проблемы в настоящее время. Материал подготовлен на основе анализа донесений наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия членам ГКО во главе с И.В. Сталиным о ходе чекистско-войсковых операций, направленных на ликвидацию националистических бандформирований.*

***Ключевые слова.** НКВД; УПА; ОУН; внутренние войска; террор; борьба; националисты; Западная Украина; СССР; Отечественная война; наркомат.*

OSIPOV A.A.
BREDIKHIN A.L.

THE STRUGGLE OF THE NKVD AGAINST UKRAINIAN NATIONALISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

***The summary.** The article is devoted to the description and analysis of the history of the struggle of the NKVD against the armed detachments of nationalists during the Great Patriotic War on the territory of Western Ukraine. The purpose of this study was to identify the features and nature of the stages of this struggle in the period from March 1944 until the end of the Great Patriotic War. The upper chronological framework was due to the stages of the liberation of the Right-Bank Ukraine from the German invaders. The paper provides a historiographic analysis of the state of the problem at the present time. The article was written on the basis of the analysis of the reports of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR L.P. Beria to the GKO members headed by I.V. Stalin on the course of Chekist-troop operations aimed at the elimination of nationalist bandit formations.*

***Key words:** NKVD; UPA; OUN; internal troops; terror; struggle; nationalists; Western Ukraine; USSR; World War II; People's Commissariat.*

Основная нагрузка в борьбе с националистическими бандформированиями ложилась на украинское отделение НКВД. Потому в помощь местным товарищам из Москвы были командированы заместители наркома внутренних дел С.Н. Круглов и И.А. Серов, а также по 250 опытных оперативных работников в каждое отделение. На их основе было создано семь оперативных войсковых групп [15, стр. 157]. Кроме того, как следует из доклада Л.П. Берия [7, стр. 24-30; 12, стр. 96-97; 14, стр. 434-443] И.В. Сталину от 6 марта, в Ровенскую и Волинскую область направили «2 дивизии, 4 бригады, 1 кавалерийский полк и 1 танковый батальон Войск НКВД, общей численностью 28000 человек» [15, стр. 157].

Они незамедлительно приступили к выявлению и ликвидации бандформирований. Руководство планировало бороться с оуновцами разными методами. Основным упор делало на чекистско-войсковые операции: прочесывание лесов, зачистку населенных пунктов, проведение агентурно-оперативных мероприятий. Однако, учитывая, что отряды УПА пополнялись за счет людей призывного возраста, то руководство НКВД обратило особое внимание на работу с той категорией граждан. Военкоматы были усилены сотрудниками внутренних войск с целью подавления попыток оуновцев противодействовать призыву и оказывать влияние на призывников. Второй немаловажной задачей было выявить и взять под полный контроль членов семьи участников бандформирований и националистического подполья. Жителей населенных пунктов, где большинство мужского населения находилось в бандформированиях, а их родственники оказывали им активную поддержку, предполагалось выслать в восточные регионы страны. Кроме репрессивных методов планировалось силами личного состава войск НКВД проводить политико-разъяснительную работу среди населения, оказывать содействия в укреплении сельсоветов [15, стр. 159]. Таким образом предполагалось предпринять комплексные меры по борьбе с отрядами вооруженных националистов: чекистско-войсковые, агентурно-розыскные, политико-разъяснительные, миграционные, профилактические.

Реализация данных планов началась в марте 1944 г. 28 марта Л.П. Берия доложил членам Государственного Комитета Обороны об

успешном проведении в Ровенской, Волинской и Тернопольской областях УССР в период с 7 по 27 марта 65 чекистско-войсковых операций, в ходе которых было уничтожено 1129 бандитов, ранено 61, задержано 2101 человека. В этот же период было выявлено и арестовано 734 активных членов подпольных организаций ОУН [15, стр. 159].

На основе агентурно-разведывательных данных руководство НКВД установило, что больше всего бандформирований было сосредоточено на юге Тернопольской области. Кременецкие леса являлись для них базой. Туда отходили потрепанные в боях с войсками НКВД отряды националистов из центральных районов Ровенской области и северной части Тернопольской [15, стр. 161]. Поэтому для успеха операции по ликвидации бандформирований на всей территории Западной Украины необходимо было уничтожить эти базы. С этой целью в период с 21 по 27 апреля 1944 г. на юге Тернопольской области развернулась большая войсковая операция с применением танков и артиллерии. Интенсивность боевых действий была достаточно велика, так как в указанный период произошло 26 боевых столкновений. Со стороны боевиков применялись минометы, пулеметы и ручное вооружение и даже самолет У-2, который был захвачен в ходе этих войсковых операций. В результате боестолкновений было уничтожено 2018 бандитов и захвачено в плен 1570 человек [15, стр. 162].

Летом 1944 г. В результате Львовско-Сандомирской операции (с 13 июля по 29 августа 1944 года) советские войска завершили освобождение от немецкой оккупации всей территории Украинской ССР в границах 1941 года. Отходящие части немцев оставили оружие отрядам УПА. В эти части также вливались члены отряда «Галичина», действовавшая ранее в составе СС [19, стр. 178].

По мере освобождения Украины от немецких захватчиков перед войсками НКВД задачи усложнялись, так как расширялась территория, на которой было необходимо бороться с националистами. В августе 1944 г. руководство НКВД приступило к планированию операций по ликвидации вооруженных формирований в Львовской области, в которой бандформирования больше всего концентрировались в Лопатинском, Подкаменском, Золочевском

районах [15, стр. 172].

Действовать предполагалось тем же образом, что и весной, и летом в Ровенском и Тернопольских районах. Львовские войска НКВД были усилены и доукомплектованы тяжёлым вооружением. Из Центра в львовское НКВД были направлены 230 оперативных работников, которые должны были организовать оперативно-чекистские операции по борьбе с подпольем. Войсковые гарнизоны совместно с внутренними войсками НКВД должны были проводить чекистско-войсковые операции по прочесыванию лесов. Усиленные вооруженные милицейские отряды численность 50-70 человек должны были обеспечить порядок на улицах населенных пунктов Львовской области. В их задачу входило проверка документов и выявление подозрительных личностей, которые могли бы быть связаны с подпольем. Пограничную линию с Польшей должны были прочесывать отряды пограничников. К реализации намеченного плана приступили 10 августа. Операция длилась два дня в трех районах. За это время убито 82 и захвачено живыми 56 бандитов, арестовано 109 человек. Затем войска НКВД продолжили операции по прочесыванию лесов, в ходе которой отряды боевиков блокировались и уничтожались при сопротивлении [15, стр. 173].

По мере дальнейшего продвижения советских войск к границе борьба НКВД против бандформирований принимала все больший размах, о масштабе которого можно судить по следующим цифрам. Как следует из доклада Л.П. Берия членам ГКО от 30 сентября 1944 г., в период с 5 по 20 сентября 1944 г. было проведено 596 чекистско-войсковых операций, в ходе которых было «убито 6092 и захвачено живыми 3467 бандитов»; <> «задержано 178 дезертиров и 3018 уклоняющихся от призыва в Красную Армию» [15, стр. 182].

У разгромленных националистических вооруженных отрядов изымали бронемашину, пушки, минометы, гранатометы, огнеметы, станковые и ручные пулеметы, автоматы и винтовки в очень значительных количествах [15, стр. 182]. В ходе чекистско-войсковых операций были задержаны руководители и активные участники подпольных организаций ОУН. В сентябре 1944 г. органы НКВД выявили и арестовали командира сотни УПА – Б.Т. Киюк; заместителя командира куреня «Гамалий» по войсковой части – Адама

Шабаровского; полковника УПА – Е.М. Васюка, бывшего секретаря окружного комитета УЦК – Кузняка [15, стр. 182].

Реакция на наступления войск НКВД у членов УПА и ОУН было различным. Одни, видя наступления и очевидное преимущество внутренних войск, приходили с повинной. Как следует из уже упомянутого доклада от 30 сентября, в сентябре сдалось 1694 человека. Многие из них оказались в националистических отрядах, так как уклонялись от службы в Красной Армии [15, стр. 182].

Другая часть УПА и ОУН, наоборот, активизировала свою деятельность. Они стали почти ежедневно устраивать разбойные налеты на села с целью грабежа. Например, 3 сентября было совершено нападение на села Великий и Малый Желихов, Ново-Милятинского района, 6 сентября на мельницу Гай, 10 сентября на село Гжейда, Львовского района, 11 сентября, на село Стрептов, Ново-Милятинского района и так далее. В ходе нападения бандиты грабили сельчан, убивали неукраинские семьи. Об этом говорит тот факт, что при налете на села Великий и Малый Желихов, Ново-Милятинского района было убито 7 польских семей.

Оуновцы продолжали принуждать жителей западноукраинских сел вступать в УПА. Нередки были случаи, когда во время налетов бандиты уводили насильно мужчин призывного возраста. Например, 11 сентября пятьдесят оуновцев осуществляли налет, и увели 14 мужчин призывного возраста, а в лесу ими же были перехвачены 18 человек, которые следовали в военкомат.

Члены подпольных организаций ОУН усилили агитационную работу, разбрасывая листовки, содержащие призыва борьбы с Красной Армией и советской властью. Все чаще они нападали на обозы Красной Армии и на ее штабы. Они нападали из засад на оперативные группы НКВД, на командный состав Красной Армии разного уровня, совершали нападения на работников райисполкома, директоров МТС, председателей колхозов, который убивали с особой жестокостью. Налеты бандеровцев были зафиксированы во всех областях Западной Украины [15, стр. 182].

Активизация действий бандформирований происходила в условиях, когда советские войска в октябре 1944 г. вышли к государственной границе. Поэтому после окончательного освобождения Украины от гитлеровских войск борьба с националистскими бандформированиями

вышла на новый уровень. Необходимо было полностью зачистить Западную Украину от всех отрядов вооруженных нацистов. Для реализации данной задачи в октябре 1944 г. была создана система органов НКВД – НКГБ, в которую, по данным исследователя А. В. Руденко, вошли: «управление по борьбе с бандитизмом НКВД Украинской ССР; областные управления НКВД (Волынское, Дрогобычское, Львовское, Ровенское, Станиславское, Тернопольское); городские отделы НКВД; районные отделы НКВД (61 отдел); местечковые (поселковые) отделения и участки НКВД» [20, стр. 87].

Произошли изменения в руководящем составе. По сведениям исследователя А. В. Руденко, «общее руководство работой УНКВД – УНКГБ Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Черновицкой областей УССР по борьбе с оуновским подпольем и вооруженными бандами поручалась наркому внутренних дел Украинской ССР комиссару государственной безопасности 3-го ранга В.С. Рясному. Работу УНКВД – УНКГБ Ровенской, Волинской и Тернопольской областей возглавил заместитель наркома внутренних дел – начальник Управления по борьбе с бандитизмом НКВД УССР генерал-лейтенант Т.А. Строкач» [20, стр. 87].

Интенсивность войсковых операций против УПА возросла. 26 октября Л.П. Берия рапортовал И.В. Сталину о том, что за две недели, с 1 по 15 октября 1944 г. «было проведено 688 чекистско-войсковых операций, в ходе которых убито 2946 и захвачено живыми 2723 бандита» [15, стр. 197]. 15 ноября нарком внутренних дел СССР докладывал, что «с 15 по 31 октября 1944 г. проведено 623 чекистско-войсковых операции, в результате которых убито 3112 и захвачено живыми 2646 бандитов» [15, стр. 204].

Таким образом, мы видим, что осенью произошло кратное усиление интенсивности проведения войсковых операций против вооруженных формирований националистов, что привело к тому, что количество уничтожаемых боевиков и взятых в плен тоже увеличилось. Это дало свои результаты. Многие члены бандформирований оказались деморализованы и предпочли сами сложить оружие. В период с 1 по 15 октября «явилось с повинной 465 бандитов и 104 уклоняющихся от службы в Красной Армии» [15, стр. 193]; в период с 15 по 30 октября было «задержано 165 дезертиров и 1 467 уклоняющихся от службы в

Красной армии»; «явилось с повинной 82 бандита и 96 уклоняющихся от службы в Красной армии» [15, стр. 204]. Приведённые цифры говорят о том, что росло количество боевиков, которые приняли решение о прекращении сопротивления в силу его очевидного проигрыша. Это говорит о том, что в борьбе с националистами произошел перелом.

В начале 1945 г. войска НКВД перешли к операциям по уничтожению руководящего состава подразделений УПА. 26 января 1945 г. был захвачен в плен командующий западной группой УПА Ю. Стельманчук (он же Рудый); 9 февраля 1945 г. был ликвидирован главнокомандующий УПА Д. Клячковский (он же Клим Савур, он же Охрим) [5] 12 февраля 1945 г. подразделениями 203-го отдельного стрелкового батальона войск НКВД был разгромлен штаб командира бригады УПА – «Запад» Ярмо [3, стр. 654-655].

В этот период изменился характер методов НКВД, которые применялись в борьбе с националистами. В конце войны войска НКВД акцент делали на использования групп специального назначения, которые действовали под видом националистических формирований ОУН и УПА. Они размещались в районных центрах и других населенных пунктах, где были зафиксированы действия отрядов ОУН–УПА, входили в доверие, выявляли базы, связи, а затем, используя полученную информацию, зачищали остатки реальных оуновцев [20, стр. 88].

Таким образом, подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что НКВД имело дело с масштабной националистической организацией, которая формировалась много лет, имела свои периоды в развитии и на момент начала освобождения Западной Украины от немецких захватчиков превратилась в повстанческую армию, численность которой колебалась от ста до ста пятидесяти тысяч человек. Она действовала в Ровенской, Волинской, Тернопольской, Львовской, Винницкой и других областях Правобережной Украины. Националистические вооружённые формирования имели четкую структуру, схожую с армейской, свои подпольные базы, службу собственной безопасности. Взрывной рост их численности к моменту прихода Красной Армии объясняется тем, что ее ряды активно пополняли уклонисты призывного возраста, спасавшиеся таким образом от призыва в Красную Армию, дезертиры, а также те,

кого оуновцы принудили вступить в ряды УПА. Националистические вооруженные отряды терроризировали местное население, занимались грабежом, этническими чистками, убийствами представителей советской власти, нападением на обозы Красной Армии и его командного состава, агитацией идей ОУН. Советское правительство и руководство НКВД СССР поручило Украинскому НКВД организовать борьбу с вооруженными отрядами националистов. Для этого отделения Украинского НКВД были усилены как оперативными работниками, так и войсковыми подразделениями. Было принято решение бороться с УПА путем чекистско-войсковых операций, которые включали бы в себя блокирование мест концентрации вооруженных отрядов и прочесывание лесов; агентурно-розыскных мероприятий по выявлению членов оуновского подполья и их семей, проведение разъяснительной работы в широких слоях населения западноукраинского региона, поддержку органов советского правительства.

Широкомасштабная борьба с УПА началась в начале марта 1944 г. с освобождением части Тернопольской, Ровенской, Волынской областей. По мере продолжения освобождения все новых территорий Западной Украины, борьба НКВД против вооруженных отрядов националистов расширялась и проводилась более интенсивно.

Своего апогея она достигла осенью 1944 г., когда проводились самые масштабные и многочисленные чекистско-войсковые операции. Результатом их было физическое уничтожение боевиков, их пленение, внесение в их ряды сомнений, следствием чего становился отказ от сопротивления многочисленных групп членов УПА.

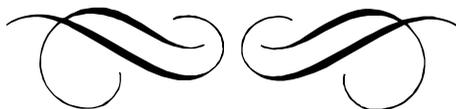
В начале 1945 г. НКВД перешло к специальным операциям по уничтожению руководящего состава УПА и ОУН. Несмотря на масштабность специальных и войсковых операций против вооруженных формирований националистов полностью их уничтожить не удалось. Борьба с антисоветскими националистическими группами на территории Западной Украины продолжалась и в послевоенные годы.

Приведенная выше деятельность по борьбе с украинскими националистами в годы Великой Отечественной войны дополняла ту многогранную работу органов внутренних дел на всей территории Советского Союза, в тылу и на фронте [1; 2; 4; 6; 9; 10; 11; 13; 16; 17; 22; 23; 26; 27; 28], по обеспечению Великой Победы нашего многонационального народа над немецко-фашистскими захватчиками. Мы должны всегда помнить эту героическую страницу в истории отечественных правоохранительных органов и использовать ее в деле патриотического воспитания российской молодежи [8; 18; 21; 24; 25].

Список литературы

1. Алимов Х.Р. Административная деятельность органов милиции Узбекистана (1941-1945): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1985 – 23 с.
2. Бастрыкин А.И. Следствие и уголовный розыск в годы Великой Отечественной войны: Лекция. – СПб., 2019. – 31 с.
3. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Документы и материалы. – М.: Юрид. лит., 1975. – 725 с.
4. Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976.
5. ГАРФ. – Ф. Р-9401. – Оп. 2. – Д. 93. – Л. 16.
6. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Руководители милиции Ленинграда и Ленинградской области в период Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). В 2-х частях. Часть 1: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28-29 апреля 2020 года / Под ред. Н.С. Нижник; сост. Н.С. Нижник, С.А. Никифорова. – Электронные данные (23, 3 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2020. – С. 727-736. – в кн. 1932 с.
7. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Народные комиссары/министры внутренних дел СССР (июль 1934 – декабрь 1960) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 11-45.
8. Жизнь и победа Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика: Страницы биографии / Сост.

- В.А. Семенов. – СПб.: б.и., 2016. – 275 с.
9. Лахутина В.Т., Незвигин Г.В. Развитие органов внутренних дел Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Караганда: Караганд. ВШ МВД СССР, 1982. – 96 с.
 10. Ленинградская милиция в годы войны 1941-1945 гг. Ощущение времени». Том 1 / Изд. 2-е, доп. и перераб. – СПб.: Коста, 2020. – 616 с., ил.
 11. Ленинградская милиция в годы войны 1941-1945 гг. Ощущение времени». Том 2 / Изд. 2-е, доп. и перераб. – СПб.: Коста, 2020. – 680 с., ил.
 12. Министры внутренних дел России (1802-2018): Биографический справочник / Сост.: Ч.Н. Ахмедов, С.Е. Байкеева, И.В. Романова, С.В. Ремнева, Т.Г. Лясович, А.А. Удальцов. – СПб.: Р-КОПИ, 2018. – 140 с., ил.
 13. Мухаммадиев И.С. Деятельность прокуратуры Таджикистана в условиях военного времени (историко-правовое исследование на примере Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). 12.00.01: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2019. – 56 с.
 14. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 15. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике, (1939-1956): Сборник документов / Составители: Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2008.- 640 с.
 16. Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 427-439. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 17. Порфирьев Ю.Б. Органы внутренних дел Кировской области в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 2000.
 18. Потапов Ю.А. МВД России в лицах: Профессор Яков Михайлович Бельсон. К 100-летию со дня рождения // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 11-37.
 19. Рокоссовский К.К. Воспоминания без цензуры. – М.: АСТ, 2019. – 448 с.
 20. Руденко А.В. Применение войск НКВД на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в третьем периоде Великой Отечественной войны // Научно-информационный журнал «Армия и общество» – 2015 – № 2. – С. 86-89.
 21. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
 22. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
 23. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
 24. Семенов В.А. МВД России в лицах: Последний герой Петербурга. Страницы биографии Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 11-35.
 25. Силкин Н.Н., Шелепова М.А. Воспитание патриотизма на примере героев Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 151-158.
 26. Тимченко А.П. Организация и деятельность милиции Советской Украины в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 г.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1981. – 169 с.
 27. Филатов В.П. Ленинградская милиция в период обороны города. – Л.: ВШ МВД СССР, 1965. – 55 с.
 28. Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект). – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 203 с.

ВЕСЕЛОВА Анастасия Олеговна,
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Саранск, Россия)
E-mail: veselova20020@bk.ru

РУСЯЕВА Мария Михайловна,
доцент кафедры теории, истории государства и права и философии Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат филологических наук (г. Саранск, Россия)

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

СОЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ КАК ВАЖНАЯ ВЕХА ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** Рассматривается история становления Министерства юстиции Российской империи, начало которому положил Манифест Александра I «Об учреждении министерств». Показывается, что в рамках вышеописанной реформы юстиции можно наблюдать некоторые из современных принципов правового государства, такие как принцип личной ответственности, разделение властей, выборность и наличия стабильной системы законодательства.*

Печатается в порядке участия во Всероссийском конкурсе научных работ «Россия – моя история. История государства и права России. Министерство юстиции России в лицах» в связи с 220-летием образования Министерства юстиции в России, организуемом Фондом поддержки и развития исторического наследия А.Ф. Кони, Фондом содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», Северо-Западным институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербургским отделением Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» при поддержке Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

***Ключевые слова:** Российская империя; Министерство юстиции; Александр I; Манифест «Об учреждении министерств»; правовое государство.*

**VESELOVA A.O.
RUSYAEVA M.M.**

THE CREATION OF THE MINISTRY OF JUSTICE AS AN IMPORTANT MILESTONE IN THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN LEGAL STATE

***The summary.** The history of the formation of the Ministry of Justice of the Russian Empire, which was initiated by the Manifesto of Alexander I "On the establishment of ministries", is considered. It is shown that within the framework of the justice reform described above, some of the modern principles of the rule of law can be observed, such as the principle of personal responsibility, separation of powers, electivity and the presence of a stable system of legislation.*

Published in order to participate in the All-Russian competition of scientific works "Russia is my history. History of the state and law of Russia. Persons of the Ministry of Justice of Russia"

in connection with the 220th anniversary of the establishment of the Ministry of Justice in Russia, organized by the A.F. Koni, the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement «Universitet», the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia, the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, the St. Petersburg Branch of the All-Russian Public Organization «Russian Association judges» with the support of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Key words: *Russian Empire; Ministry of Justice; Alexander I; Manifesto "On the establishment of ministries"; constitutional state;*

Любой орган государственной власти имеет свою уникальную историю становления и Министерство юстиции не исключение. Начало его существованию положил Манифест Александра I «Об учреждении министерств» от 8 (20) сентября 1802 г. Нормативной основой деятельности Министерства юстиции кроме того стал также Манифест от 25 июня 1811 г. «Об общем учреждении министерств» [23].

В нашей статье мы хотим проанализировать, как именно данный манифест соотносится с понятием «правовое государство».

Следует сказать, что в те времена идея правового государства была достаточно популярна особенно – в работах немецких ученых. Характерный для Германии первой трети и середины XIX в. юридический позитивизм с его «юридизацией» государства на основе правовых норм нашел отчетливое выражение в трудах фон Моля, Велькера и других [20]. В России данные тенденции также остаются не чужды. Александр I начал свое правление как приверженец либеральных идей, исполненный воли к реформам: он хотел создать парламент, дать стране конституцию и даже отменить крепостное право.

В 1802-1811 гг. была проведена вышеупомянутая министерская реформа. Вместо коллегий было введено 11 министерств. В отличие от коллегий в министерстве дела решались единолично министром, ответственным только перед императором. Для совместного обсуждения министрами общих вопросов был учрежден Комитет министров. Сенат был наделен правом контроля за созданными министерствами и стал высшим судебным органом страны.

Таким образом, произошел переход от коллегиальной к единоличной форме управления, получил развитие принцип персональной

ответственности должностных лиц, включая министров [26]. Если же мы обратимся к определению правового государства [5; 6; 7; 9; 11; 15; 16; 17; 18; 19], то обнаружим непосредственное указание на принцип ответственности: «правовое государство – это особая организация государственной власти, при которой государство, общество и индивиды взаимно ответственны друг перед другом и находятся в равном положении перед законом, правом и судом» [2]. Исходя из этого, можно констатировать, что личная ответственность министров является одним из признаков правового государства, появившаяся еще в XIX веке и не утратившая свою силу по сей день.

Манифест Александра I «Об учреждении министерств» возлагал на министерство юстиции обязанности по подготовке законодательных актов и управления деятельностью судов и прокуратуры, то есть работу судебных органов: порядок формирования состава судебного корпуса, их уровень образования и, естественно, судебную процедуру [22]. Первым Министром юстиции России был назначен Г.Р. Державин [1; 3; 4; 8; 14; 21; 29]. Вводилась выборность в судебные и исполнительные органы четырех ступеней – на уровне волости, уезда, губернии, империи. Принцип «выборности» также признается элементом правового государства. Так А.А. Кондрашов, в частности, отмечает, что правовое государство – это организация публичной власти, формируемая обществом на основе принципов свободных выборов, разделения власти, независимости судебной власти в целях реализации и защиты прав и свобод каждого гражданина, подконтрольная институтам гражданского общества [12]. Несомненно, что под «свободными выборами» в данном случае понимается гораздо более широкое понятие, чем в

упомянутом нами принципе «выборности» судебных чиновников XIX века. Однако, сам факт наличия выбора свидетельствует о положительном сдвиге в сторону создания «правового государства» в том его понимании, что главенствовал в те времена.

Также манифест определял задачи правового регулирования, которые состояли в указании на принадлежность Министерства юстиции к аппарату государства, обособлении его от иных субъектов власти и закреплении порядка его формирования. Таким образом, мы наблюдаем попытку разграничить ветви власти, что, несомненно, также признаётся одним из важных принципов правового государства. Так, с точки зрения известного немецкого юриста Е. Шмидта-Асмана, «правовым в формальном смысле является такое государство, которое признает в качестве непрременных своих особенностей и институтов разделение властей...» [24, стр. 57].

Чтобы воплотить данный принцип в жизнь, были осуществлены ряд преобразований:

Во-первых, официальное наименование органа (Министерство юстиции), в котором выражалась принадлежность учреждения к управленческому аппарату, его организационная обособленность, единичность, неповторимость. Этим же целям соответствовали такие атрибуты министерства как государственные (герб Российской империи), ведомственные (награды и знаки отличия) и собственные символы (эмблема министерства, гербовая печать, униформа служащих).

Во-вторых, формирование органа как субъекта управления подразумевало определенный порядок его учреждения и комплектования личным составом.

В-третьих, его формирование включало придание ему определенной структуры, распределение управленческих функций. Кроме этого, существовал ряд учреждений, подчиненных Министерству юстиции по ряду вопросов, и подведомственных, главным образом, Правительствующему Сенату: Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, Вотчинный департамент, Межевая канцелярия и ее контора. Кроме постоянно действующих органов в Министерстве неоднократно образовывались различные комиссии и комитеты для выполнения специальных задач. Например, указом от 21 октября 1803 г. к Министерству юстиции была присоединена Комиссия составления законов,

уточняет О.Н. Яковлева [27].

Министр юстиции одновременно был генерал-прокурором Сената. В его подчинении находились все органы прокуратуры. С 1882 г. на министерство было также возложено рассмотрение всех предложений по вопросам государственного управления и законодательства, разработанных другими ведомствами, а с 1895 г. – управление местами заключения [25]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о еще одном признаке правового государства, а именно, принципе «наличия стабильной системы законодательства» [12].

Манифест обозначил лишь начальный этап министерской реформы. Более четко компетенция министров определилась в Манифесте «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. Согласно этому документу, министры обладали правом законодательной инициативы, издания предписаний, личного доклада императору, а также властью над подчиненными им чиновниками. Министры получали исключительные полномочия при чрезвычайных обстоятельствах, когда они могли принимать те меры, для которых в другое время необходимо было разрешение императора. Главной привилегией и атрибутом министерской власти были регулярные личные доклады императору. В зависимости от значения министерства и роли, которую играл тот или иной министр, эти доклады были ежедневными или более редкими, но не реже, чем раз в неделю. Во время доклада министр представлял императору проекты высочайших указов и повелений. Практика личных докладов сохранялась вплоть до 1917 г.

Манифест «Об учреждении министерств» определял не только пределы власти министров, но и их отношения с императором, Сенатом и Государственным советом [28]. Юридически оформилась система единоличного управления, начавшая складываться уже ко второй половине XVIII в., выражавшая тенденцию государственного управления к усилению централизации и концентрации в руках абсолютного монарха [25]. Так называемые особенные установления – архивное, статистическое, распорядительное, счетное – выполняли вспомогательные функции, так или иначе связанные с организацией деятельности местных судебных учреждений, входивших в ведомство Министерства юстиции [10].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать

следующие выводы. Манифест Александра I «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. был одной из вех истории построения Российского правового государства. Некоторые из современных принципов правового государства мы можем наблюдать в рамках вышеописанной реформы юстиции. Принцип личной ответственности, разделение властей, выборность и наличия стабильной системы законодательства являются несомненными элементами любого правового государства. Конечно, мы не можем их рассматривать с современных позиций об основах «правового государства». Однако же, для того времени это были достаточно прогрессивные идеи. В целом можно сказать, что министерство

юстиции в XIX веке было передовым органом исполнительной власти и успешно справлялось с возложенными на него обязанностями. И в завершении хочется привести цитату из философской статьи на тему мифологизации самого понятия «правовое государство»: «идея правового государства является в строгом смысле ненаучной, поскольку она либо утопична (связана с предположением идеального, наилучшего состояния как реального), либо тавтологична (когда признается, что любое государство – правовое). Если государство правовое по природе, тогда правовое государство – «масло масляное», если государство не является по природе правовым, тогда правовое государство – утопия» [13].

Список литературы

1. Ахметшин Ш.К. Гаврила Романович Державин / Министерство культуры Республики Татарстан, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. – СПб.: Славия, 2010. – 551 с.: ил. – (Татары на службе Отечеству).
2. Бабаджанян К.А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации взаимоотношений между ними (теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2013. – 183 с.
3. Бастрыкин А.И. Гавриил Романович Державин. Первый министр юстиции // Правда и закон. – 2017. – № 2. – С. 3-8.
4. Бастрыкин А.И. Гавриил Романович Державин. Первый министр юстиции в России / Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). – М.: Артифо, 2017. – 36 с.: ил., портр., цв. ил., портр.
5. Боев В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетей, 1999. – 256 с.
6. Брылева Е.А., Сальников М.В. Проблемные вопросы развития правового государства в Российской Федерации // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.). В 2-х ч. Ч. 1. / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. – С. 139-144. – в сб. 256 с.
7. Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2(36). – С. 52-58.
8. Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П. К 220-летию министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры дореформенной России (1802-1861 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 11-58.
9. Доктрины правового государства и верховенство права в современном мире / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. – М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. – 556 с.
10. Ефремова Н.Н. Развитие органов юстиции в период административных реформ первой четверти XIX в // Журнал российского права. – 2008. – № 8 (140). – С. 128-138.
11. Захарцев С.И., Лежнева О.Ю., Сальников В.П., Чабукиани О.А. Справедливая судебная власть как гарант правового государства // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 26-34.
12. Кондрашев А.А. Идея правового государства в России: конституционная мифология и правовая реальность // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 3. – С. 74-88.
13. Нарькова С.П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о правовом государстве) // Философские науки. – 2013. – № 5. – С. 92-96.
14. Раджабова Т.Р., Изудинова Р.С. Роль Г.Р. Державина в становлении Министерства юстиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 6. – С. 36-40.

15. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.
16. Сальников В.П. От права к правовому государству // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1(51). – С. 12-15.
17. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
18. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
19. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
20. Тихомиров Ю.А. Правовое государство: проблемы формирования и развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – № 5.
21. Третинников А.А., Крижановская Г.Н. Первый министр юстиции – Гавриил Романович Державин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 56-60.
22. Царьков И. И. История Российской юстиции XVIII–XIX вв. // Вестник ВУиТ. – 2020. – № 2 (95). – С. 59-66.
23. Шишкина Н.Б. Основные направления деятельности министерства юстиции РФ // Инновационная наука. – 2017. – № 5. – С. 199-202.
24. Шмидт-Асман Е. Правовое государство // Государственное право Германии. Т. 1. – М.: ИГПАН, 1994. – 311 с.
25. Яковлева О.Н. Принципы деятельности Министерства юстиции Российской империи по манифесту об учреждении министерств 1802 г. // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 4 (20). – С. 95-98.
26. Яковлева О.Н. Ответственность как элемент правового статуса министерства юстиции Российской империи // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – № 2 (26). – С. 84-88.
27. Яковлева О.Н. Правовой статус Министерства юстиции Российской империи // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 2 (30). – С.106-109.
28. Яковлева О.Н. Статус министра юстиции в Российской империи (1802-1917 гг.) // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 2 (22). – С. 98-101.
29. Ярошик В.В., Бакшеева Е.Б. Г.Р. Державин и его роль в становлении министерства юстиции // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 4. – С. 45-49.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЮЛДАШБАЕВА Альбина Шамиловна,
аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия)
E-mail: albina9876@mail.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

КОНСЕРВАТИВНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация. Рассмотрены документы и проекты документов стратегического планирования Российской Федерации, целиком или отчасти определяющих государственную культурную политику. Исходя из обозначенных в стратегических документах гуманитарных угроз и постулирования необходимости защиты традиционных ценностей, выяснена идеологическая ориентация культурной политики России – «ситуативный консерватизм». Определены социокультурные основания консервативной культурной политики России: патернализм, этатизм и стремление к «стабильности» большинства российского общества.

Ключевые слова: государство; право; государственная политика; культурная политика; консерватизм; ситуативный консерватизм; патернализм; этатизм; социокультурный подход.

YULDASHBAEVA A.Sh.

CONSERVATIVE ORIENTATION AND SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF THE STATE CULTURAL POLICY OF RUSSIA

The summary. In the article is foreseen the documents and projects of documents of strategic planning of Russian Federation, wholly or partly defined the state cultural policy. Based on outlining in the strategic documents the humanitarian fears and postulating the necessary of protecting the traditional values, found out the ideological orientation of Russia's cultural policy – "situational conservatism". The author defined the sociocultural basis of the Russia's conservative cultural policy: paternalism, statism and desire for "stability" by majority of Russian society.

Key words: state; right; public policy; cultural policy; conservatism; situational conservatism; paternalism; statism; sociocultural approach.

Введение. Российское государство выполняет большую роль в культурной жизни страны не только путём поддержания разветвлённой сети

бюджетных учреждений культуры, но и проводя планомерную культурную политику. Цели и направления государственной культурной

политики определены в различных стратегических документах и проектах документов Российской Федерации, которые рассматриваются в данной публикации. Важными вопросами реализации государственной культурной политики являются её идеологическая ориентация и социокультурные основания, то есть запросы общества на тот или иной политический курс государства.

Обзор историографии. Стратегические документы Российской Федерации становились темами научных исследований, хотя таких публикаций довольно немного в связи с тем, что подобные документы стали регулярно разрабатываться в последние годы и подлежат пересмотрам раз в несколько лет. Поэтому между выходом документа и исследовательской работой присутствует минимальная временная дистанция, что усложняет проведение фундаментальных исследований в сфере социально-гуманитарных наук. Так, на сегодняшний день действует «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утверждённая только в 2021 году [2], а потому ещё не успели увидеть свет научные публикации о ней. Отметим статьи Дениса Ирошникова, Сергея Гайдукова и Никиты Пономарёва, посвящённые прошлой редакции стратегического документа – «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [21; 32].

Для определения идеологической ориентации российского государства мы обратимся к важной статье американского политолога Самюэля Хантингтона о «ситуативном консерватизме» – теоретической «рамке» для понимания современных консервативных, «правых» политических движений во многих странах мира [42]. Современному консерватизму и консерватизму в российской идеологии начала XXI в. посвящены ряд политологических работ. Так, консерватизм нашего времени стал темой статьи политолога Камалетдина Гаджиева [8]. Утверждение консерватизма среди российского руководства в начале 2000-х гг. рассмотрено Дмитрием Мюллером [30]. Поиски идеологических ориентаций Российского государства в 2000–2010-е гг. и приход российской власти к консерватизму проанализированы французским политологом Марлен Ларюэль [26].

Поиск социокультурных оснований государственной культурной политики исходит

из социокультурного подхода в социально-гуманитарных науках, согласно которому общественные и культурные трансформации взаимосвязаны. В русле социокультурного подхода находится научный проект социолога Юрия Левады, продолженный его последователями, по изучению «советского человека», а в настоящее время – «постсоветского человека», как «социологического портрета» типичного российского гражданина, ценности которого были во многом сформированы советскими практиками контроля над обществом со стороны партии и государства, – и эти ценности продолжают сохраняться даже в постсоветский период [9, стр. 4-7, 11-12; 40, стр. 6-7]. Так, для «советского» и ныне «постсоветского человека» характерна патерналистская установка по отношению к государству, распространена убеждённость в том, что Россия имеет собственный исторический путь, и ещё шире распространено «желание жить в великой державе» [9, стр. 15-25; 13; 40, стр. 13-16, 21-22]. По нашему мнению, эти ориентации проявляются в том, что общественной нормой считается доминирование государства в культурной жизни России и консерватизм государственной власти, отстаивающей цивилизационную самобытность России.

Для определения социокультурной «картины» российского общества ценна научно-популярная книга экономиста Владислава Иноземцева «Несовременная страна» о России и её месте в мире [20]. Слово «несовременный» в названии работы используется автором не как оценочное суждение, а как концепт, обозначающий данность того, что в России государство и общество руководствуются нормами и правилами, следуют модели развития, отличными от тех, которые приняты на условном «Западе» начала XXI в. [20, стр. 20-23]. В частности, для настоящей работы важен тезис учёного, что российское общество стремится к «стабильности» и избеганию рисков, неизбежных при социально-экономических трансформациях, подобных становлению рыночной экономики в России в 1990-е гг. [20, стр. 173-175]. Конечно, стремление к «стабильности» создаёт запрос на консервативную политику, то есть ценящую устои и скептически настроенную по отношению к новациям. Вместе с тем данная тенденция не исключает необходимости исследования существующих рисков для отечественного суверенитета [14;

15; 16; 33; 39].

Для характеристики социокультурных предпосылок государственной культурной политики мы также обратимся к теории постматериализма и результатам, всемирного исследовательского проекта «Обзор мировых ценностей» (Word Values Survey), охватившего и Россию [43; 44; 45]. Теория постматериализма позволяет понять связь между социально-экономическими и социокультурными факторами в их динамике.

Результаты исследования. Документами стратегического планирования Российского государства, задающими курс государственной культурной политики, являются:

- а) «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»;
- б) «Основы государственной культурной политики» [4];
- в) «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» [1].

Важным документом являются «Основы государственной культурной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3], на сегодняшний день находящиеся в стадии проекта.

«Стратегия национальной безопасности РФ» состоит из 106 положений. Вопросы культурной и информационной политики освещаются в десяти из них – с 84 по 93-й пункты, между положениями на экологическую и внешнеполитическую тематику. Подобная структура логична и свидетельствует о значимости сферы культуры для российского государства. Теме культуры предшествует рассмотрение экологической проблематики, поскольку защита окружающей среды и рациональное природопользование – базовые для обеспечения физического выживания человечества и улучшения качества жизни людей. А за вопросами культуры следует формулирование целей и задач внешней политики, ведь культурная и информационная сфера определяют, чем является современная Россия, в том числе и как субъект международной политики, и какие цели ставят перед собой российское государство и общество.

В положениях «Стратегии национальной безопасности РФ», относящихся к сфере культурной и информационной политики, в начале констатируется, что социально-экономические и технологические изменения в современном мире приводят к возникновению перед человечеством угроз

«утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов» (п. 84); затем выдвигаются задачи по противодействию этим угрозам путём сохранения и развития имеющегося культурного достояния: единства народов России, преданности общегражданской идентичности и российскому культурному наследию, защите морально-нравственных и культурно-исторических ценностей, отстаивания исторической правды и исторической памяти (п. 90–93).

«Основы государственной культурной политики,» конкретизирующие общую линию «Стратегии национальной безопасности РФ», являются подробным концептуальным текстом, в котором обозначены не только приоритеты культурной политики, но и утверждается значимость культурной политики для государства в целом. Показательна фраза из вступительной части документа, стилистически нетипичная для нормативно-правовых актов: «Культура России – такое же её достояние, как и природные богатства» [4, стр. 4]. Предлагаем понимать это высказывание в духе того, что государственные власти и государственные служащие должны подходить к культурной политике с той же серьёзностью, что и к экономическим вопросам.

Культурная политика понимается в «Основах...» предельно широко, как охватывающая всю культурную деятельность, образование и просвещение, а также формирование информационного пространства [4, стр. 6]. Целями культурной политики названы:

- 1) укрепление гражданской идентичности;
- 2) создание условий для воспитания граждан;
- 3) сохранение исторического и культурного наследия и его использование с целью воспитания и образования;
- 4) передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций и обычаев, образцов поведения;
- 5) создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала;
- 6) обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам [4, стр. 10].

«Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» призвана наметить конкретные меры реализации «Основ государственной культурной политики». Если

«Основы...» содержат теоретические положения, то в «Стратегии...» цели культурной политики изложены в сжатом виде, как и в «Стратегии национальной безопасности РФ». Зато подробно перечислены конкретные задачи, относящиеся к различным областям культуры и приоритетным направлениям культурной политики. В частности, акцентируется внимание на развитии системы учреждений культуры и презентации их в сети Интернет [1, стр. 5–6].

Проект «Основ государственной культурной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является продолжением «Основ государственной культурной политики». В проекте сформулированы гуманитарные риски, как производные от внешнеполитических угроз, и названы традиционные ценности, к числу которых относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [3].

В рассмотренных документах, взаимосвязанных между собой по назначению и содержанию, большое внимание уделяется угрозам гуманитарной сферы, из осмысления которых проистекают задачи культурной политики. Такой подход указывает на консервативную ориентацию культурной политики, поскольку защита исторических устоев от современных губительных влияний – явный признак консерватизма. Тем более, современных консерваторов отличает интерес к культуре в целом, в частности – к общественному значению религии и церкви, что близко и современному российскому консерватизму [8, стр. 66–67].

Для характеристики современного консерватизма, исходящего не столько из каких-либо определённых идей, сколько из защиты привычных норм и правил, стр. Хантингтон ввёл понятие «ситуативный консерватизм», который является одной из «позиционных идеологий» – идеологических установок, существующих в конкретной исторической ситуации отношений

между социальными группами и/или политическими силами [42, стр. 245]. Отметим, что такой подход к идеологии отличается от привычного для российской интеллектуальной традиции марксистского понимания «идеологии» как мировоззрения определённого общественного класса (см., напр.: [18, стр. 230-231; 27, стр. 24-25; 31, стр. 34-35]). В октябре 2021 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай» Президент России В. В. Путин выступил в поддержку «умеренного консерватизма», чем подтвердил оценки исследователей [11].

Социокультурной предпосылкой консервативной культурной политики являются консервативные настроения, доминирующие в российском обществе. К таким установкам относятся патернализм (отношение к государству как к покровителю граждан), этатизм («государственничество») и стремление к «стабильности». Это подтверждают и результаты проведённых в России социологических исследований в рамках глобального проекта «Обзор мировых ценностей» [45], свидетельствующие о преимущественной ориентации россиян на материалистические ценности «выживания», а не постматериалистические ценности «самовыражения», предполагающие минимизацию роли государства [43, р. 68; 44, р. 25].

Таким образом, Российская Федерация выступает в сфере культуры носителем идеологии «ситуативного консерватизма», что определяет специфику государственной культурной политики как противодействия угрозам размывания традиционных ценностей и культурного единства народов России. Социокультурными основаниями такой культурной политики являются консервативные настроения, преобладающие в российском обществе, стремящемся к стабильной жизни в сильном государстве.

Будет правильным здесь обратить внимание на то обстоятельство, что в крайние годы инициативные отечественные исследователи обосновывают доктрину о развитии у нас суверенной российской государственно-правовой идеологии [7; 12; 17; 29; 36; 38], базирующейся на суверенной русской философии права [5; 6; 10; 19; 22; 23; 24; 25; 28; 34; 35; 37; 41]. Данная позиция вряд ли может остаться незамеченной при становлении государственной культурной политики в России.

Список литературы

1. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года // Правительство России. // URL : <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
3. Основы государственной культурной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проект // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967>
4. Основы государственной культурной политики. – М.: Министерство культуры Российской Федерации, 2015. – 72 с.
5. Алиев Я.Л., Воронков К.И., Числов А.И. Идея добра в интерпретации Ф.М. Достоевского и в контексте философии права: презентация-рецензия монографии А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права» – СПб.: Фонд «Университет». 2021. – 380 с. – (Серия: «Наука и общество») // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 1. – С. 186-193.
6. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия: «Наука и общество»).
7. Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23-32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
8. Гаджиев К. Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение? // Власть. – 2013. – № 1. – С. 63–67.
9. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 96 с.
10. Денисова А.В., Гутман М.Ю., Игнатъева С.В. Принципиальное влияние идейного содержания произведений Ф.М. Достоевского на философию права. рецензия-презентация монографии А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 10 (214). – С. 24-27.
11. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
14. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
15. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
16. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
17. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
18. Игитханян М., Келле В., Ковальзон М. Идеология // Философская энциклопедия. Т. II: Дизъюнкция–Космическое / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – С. 229–233.
19. Игнатъева С.В., Кузнецов Э.В., Советов Д.И. Философские взгляды и вклад Ф.М. Достоевского в развитие политико-правовой мысли России: прошлое и настоящее. // Рецензия на книгу Бастрыкина А.И., Исмагилова Р.Ф., Сальникова В.П. «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия: «Наука и общество») // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 188-195.

20. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 404 с.
21. Ирошников Д.В., Гайдуков С.Л. Теоретико-правовой анализ новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Юридическая наука. – 2016. – Вып. 2. – С. 18–23.
22. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
23. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
24. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д. В. Масленников. – СПб: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
25. Кийко А.Ю., Крижановская Г.Н., Хабибулин А.Г. Философия права Ф.М. Достоевского. Рецензия на монографию А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова и В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)» / Вступ. статья А. Александрова. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 388 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 2. – С. 187-194.
26. Ларюэль М. Россия как антилиберальная европейская цивилизация / Пер. с фр. // Контрапункт. – 2015. – № 2. – С. 1–11.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. 2. / Пер. с нем. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 7–544.
28. Масленников Д.В., Жданов Ю.Н. Достоевский и философия права в России: идея Бога и идея свободы в Царстве Абсолютного Добра. Размышления над одной книгой // Русская философия. – 2022. – Выпуск 1(3). – С. 83-93.
29. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
30. Мюллер Д.Г. «Новый консерватизм» в современной России (реальность и перспективы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2004. – № 1. – С. 290–295.
31. Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 568 с.
32. Пономарёв Н.Н. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – Вып. 1 (31). – С. 26–30.
33. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
34. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 182-194.
35. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176.-187. – в сб. 243 с.
36. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
37. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
38. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9.

- С. 170-178.
39. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
40. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под общ. ред. Ю.А. Левады. – М.: Мир; Океан, 1993. – 300 с.
41. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.
42. Хантингтон С. Консерватизм как идеология / Пер. с англ. А.А. Закутина под ред. Л.В. Полякова // Тетради по консерватизму. – 2017. – № 6. – С. 231–250.
43. Dulmer H., Inglehart R., Welzel Ch. Testing the Revised Theory of Modernization: Measurement and Explanatory Aspects // World Values Research. 2015. Vol. 8, No. 2. P. 68–100.
44. Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. X+333 p.
45. World Values Survey Wave 7 (2017–2020). Russian Federation. Study # WVS-2017v3.0 // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

СЕСЬКИНА Ольга Евгеньевна,

кафедра теории, истории государства и права и философии юридического факультета Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Саранск, Россия)

E-mail: seskina.o.200212@gmail.com

ЛАЗАРЕВА Оксана Владимировна,

доцент кафедры теории, истории государства и права и философии юридического факультета Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат исторических наук, доцент (г. Саранск, Россия)

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки;

5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ НА НИХ МАНИФЕСТА АЛЕКСАНДРА I

***Аннотация.** Анализируются вопросы реформ систем государственного управления, проведенных в ходе правления Александра I. Отмечается, что подписанный им Манифест «Об учреждении министерств» привел к огромным изменениям и положительным результатам, затрагивающим вопросы всех сфер общественной и правовой жизни Российской империи.*

Печатается в порядке участия во Всероссийском конкурсе научных работ «Россия – моя история. История государства и права России. Министерство юстиции России в лицах» в связи с 220-летием образования Министерства юстиции в России, организуемом Фондом поддержки и развития исторического наследия А.Ф. Кони, Фондом содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», Северо-Западным институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербургским отделением Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» при поддержке Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

***Ключевые слова:** Российская империя; Александр I; Манифест; государственное устройство; право; реформы; либеральные предпосылки; Совецательная комиссия; «молодые друзья», «Негласный комитет»; Непременный совет.*

**SESKINA O.E.
LAZAREVA O.V.**

THE STRUCTURE OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA IN TERMS OF THE INFLUENCE OF THE MANIFESTO OF ALEXANDER I ON THEM

***The summary.** The issues of reforms of public administration systems carried out during the reign of Alexander I are analyzed. It is noted that the Manifesto “On the establishment of ministries” signed by him led to huge changes and positive results affecting all spheres of public and legal life of the Russian Empire.*

Published in order to participate in the All-Russian competition of scientific works "Russia is my history. History of the state and law of Russia. Persons of the Ministry of Justice of Russia" in connection with the 220th anniversary of the establishment of the Ministry of Justice in Russia, organized by the Foundation for the Support and Development of the Historical Heritage of A.F. Koni, the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement "University", the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia, the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, the St. Petersburg Branch of the All-Russian Public Organization "Russian Association judges" with the support of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Key words: *Russian Empire; Alexander I; Manifesto; state structure; right; reforms; liberal background; Advisory Commission; "young friends", "Unspoken Committee"; Essential advice.*

Россия, как и любая другая страна, способна к развитию и совершенствованию как систем государственного управления, так и устройства страны в целом.

Как правило, обращаясь к историческим периодам развития государства и права, сложившихся на территории России, особое внимание уделяется модернизации уже имеющихся властных структур, а так же принципам, на основе которых осуществляется все государственное управление.

Для того чтобы наиболее точно проследить хронологию и эффективность всех методов развития государства и права России, необходимо проанализировать получившиеся в процессе преобразования страны реформы.

В связи с этим, стоит отметить большое значение по отношению к России, всех реформ, возникших в ходе правления Александра I.

В первую очередь, это связано с тем, что именно Александр I провел ряд наиболее важных либеральных мероприятий, которые привнесли огромные изменения и положительные результаты, затрагивающие вопросы всех сфер общественной и правовой жизни на территории государства.

Стоит отметить, что Александр I придавал огромное значение управлению государством, и не допускал того, чтобы негативные последствия, возникшие в ходе правления Павла I, имели влияние над ним.

Именно ликвидация данных последствий и была первой целью Александра I, а соответственно, являлась наиболее важной предпосылкой к созданию либеральных реформ. В

предисловии к Историческим очеркам в 2 томах. Посвященных 200-летию Министерства внутренних дел России, читаем: «8 сентября 1802 года в ходе всероссийской реформы государственного управления Российской империи были учреждены министерства, существенно изменившие всю ее политическую систему...

Под влиянием либеральной доктрины Александра I и представители наиболее передовой и образованной части российского общества задумали реформирование государственного аппарата не только в целях структурной модернизации системы управления, но и создания инструмента для проведения существенной корректировки всей внутренней политики империи.

Суть нововведений была достаточно скромной – движение к правовому не по форме, а по своим целям государству. Важнейшим элементом такой политики являлось создание условий для обеспечения защиты индивидуальных свобод человека от угнетения его со стороны других членов общества» [16, стр. 305].

Для того чтобы процесс создания данных реформ и мероприятий по отношению к управлению государством прошел наиболее точно и безошибочно, Александром I была создана совещательная комиссия, которая имела название Негласный комитет, и представляла собой группу лиц, которая находилась рядом с императором и имела своей целью создание определенного плана, который в дальнейшем способен осуществить задуманные Александром I цели и задачи [2, стр. 2]. Уже в упоминаемом двухтомном Историческом очерке по этому поводу

содержится следующая информация: «Александр I, вступивший на престол в результате военного переворота, но формально как законный наследник, был воспитан в духе идей Просвещения об “истинной”, “законной” монархии...»

Еще в середине 90-х годов вокруг Александра I сложился небольшой кружок единомышленников. Это был граф В.П. Кочубей, племянник екатерининского сподвижника А.А. Безбородко, князь А. Чартырийский, богатый польский вельможа на русской службе, граф А.С. Строганов, сын одного из самых богатых и знатных людей того времени и, наконец, двоюродный брат Строганова – Н.Н. Новосильцев. В этом кружке “молодых друзей», которые впоследствии стали называться “Негласным комитетом”, обсуждались пороки существующего строя и строились планы на будущее.

Жизненный опыт Александра I и членов его кружка был различен. Так, Строганову и Кочубею пришлось наблюдать за событиями в революционной Франции. Строганов находился там в самом начале революции, посещал заседания Национального собрания, стал якобинцем и был возвращен домой в 1790 г. Кочубей попал во Францию уже в 1791-1792 гг., после нескольких лет жизни за границей. К тому же, будучи в Англии, он изучал английскую государственную систему. В Англии побывал и Чарторыйский, у которого был опыт и иного рода: он сражался против России во время второго раздела Польши (1793-1794 гг.). Самым старшим из участников кружка был Новосильцев: в 1801 г. ему уже исполнилось 40 лет.

Что касается Александра I, то его жизненный опыт ограничивался лишь петербургским двором. Он очень плохо представлял себе жизнь страны за пределами столицы» [16, стр. 22-23].

Уже в начале своего правления император предпринимает шаги, связанные в реформами внутреннего устройства. 30 марта 1801 г. он учреждает Непременный, т.е. постоянный совет при государе, включающий знатных вельмож, похожий на Верховный тайный совет, для рассмотрения законопроектов и анализа значимых проблем государственного управления.

Члены Совета, обладая существенными полномочиями, имели право по существу опротестовывать уже принятые Императором нормативно-правовые акты. В то время в состав Совета входили преданные Александру I лица,

осуществляющие руководство главными государственными учреждениями Империи. Вместе с тем, молодой царь опирался при разработке широких реформ в первую очередь на своих «молодых друзей». Он видел основную цель своих преобразований в формировании конституции, которая бы гарантировала его подданным «права гражданина».

Александр I делает первые шаги по отмене крепостного права. Уже в мае 1801 года вносит на рассмотрение Непременного совета проект Указа о запрещении продажи крепостных крестьян без земли. Члены Непременного совета в принципе не отклонили, но в то же время не одобрили проект указа. Они убедительно и твердо доказали Императору опасность принятие предложенного проекта указа: брожение среди крестьян и серьезное недовольство дворян. С высказанными опасениями согласились и «молодые друзья» императора. В конечном счете было решено отменить принятие указа на неопределенный срок, а предлагаемая в проекте указа мера должна входить в систему законов о правах владельцев имений, которые следует формулировать постепенно и последовательно.

Указанная выше ситуация с проектом указа была расценена Александром I как неудача, и он переносит подготовку реформ в кружок «молодых друзей». Кружок стал называться «Негласным комитетом», но уже в начале своей работы он показал расхождение в представлениях о задачах комитета между царем и его друзьями. В частности, вопреки мнению императора его друзья полагали необходимым первоначально изучить ситуацию внутри государства, его положение обществе, реформировать администрацию, и лишь решив эти задачи, заняться созданием конституции.

В это же время «Непременный совет» подготовил Проект «Всемиловнейшей грамоты, Российскому народу жалуемой». Здесь подтверждались привилегии дворянства, мещанства и купечества, права и гарантии частной собственности, личной безопасности, свободы слова, печати и совести. Это касалось всех жителей страны. Что же касается положения крепостных, то грамота этих вопросов не касалась.

Следует упомянуть и о предложении П.А. Зубова по крестьянскому вопросу. Он полагал невозможным продажу крестьян без земли и необходимым установление порядка, в

соответствии с которым государство обязывалось выкупать крестьян у помещиков, если в этом была необходимость. Предлагалось ввести также порядок выкупа крестьян у своих помещиков.

Что касается третьего проекта, то он был связан с реорганизацией Сената. Последний предполагался как верховный орган руководства страной. На него предполагалось возложить исполнительные, законодательный, контрольные и судебные функции.

Все эти три проекта готовились к сентябрю 1801 года, ко дню коронации Александра I. Все они по существу укладывались в программу превращения России в своеобразную конституционную монархию. Но их обсуждение свидетельствовало о том, что сторонников предложенных изменений было слишком мало. Например, даже члены Негласного комитета категорически выступили против проекта Зубова. А “молодые друзья” императора и другие его приближенные, анализируя проекты реорганизации Сената, твердо выступили против каких-либо ограничений царя, доказывая их вредность и невозможность. Они оказались большими монархистами, чем сам Александр I.

Что же касается административного управления, то здесь предложения Непременного совета и Негласного комитета в целом совпадали и предполагали переход единоначалия на смену коллегиальной системы и замену коллегий министерствами [16, стр. 24-26].

Первые изменения, проведенные императором, затронули систему государственного управления, которая в свою очередь, укрепляла государственный аппарат в целом, поэтому, в 1802 году Александр I создает и подписывает Манифест «Об учреждении министерств» [1], что дает толчок, к развитию устройства центральной части государственного управления в России.

Целью такого решения Александра I являлось разделение всех дел государства, на равные части, то есть, министерства, в которых каждый отдельно избранный министр, будет решать только те дела, которые будут находиться в его ведении.

Данное действие поспособствовало так же к введению в государство новых органов и структур, которые имели следующую систему:

- министерства, подразделяются на департаменты;
- департаменты делятся на отделения;

- отделения распределяют дела на столы, представляя собой низшую часть центральных государственных органов в иерархии.

Каждый орган из структуры был подотчетен исключительно императору, а в случаях, когда дело не могло решиться одним органом, создавался Комитет министров, представляя собой совещательный орган, который имел свою компетенцию.

Реформа по созданию министерств помогла заменить коллегии, которые ранее были восстановлены императором Павлом I, и именно она, стала второй предпосылкой к развитию государства и права России, вследствие чего, император Александр I впервые применил принцип разделения властей.

Здесь следует вспомнить ситуацию, сложившуюся спустя где-то лет пять после создания первых министерств в 1802 году. В 1807 г. окончилась неудачная война России с Францией. Она обострила необходимость внутренних преобразований системы управления в России. Усилия правительства в этом направлении были связаны с именем Михаила Михайловича Сперанского. Первым министром внутренних дел России, как известно, был В.П. Кочубей [5; 9; 10, стр. 11-17; 14, стр. 65-67; 17, стр. 6-7; 19, стр. 8-19; 21; 24; 29]. В 1806 г. он заболел, и вместо себя с докладом к Александру I стал посылать своего ближайшего помощника Сперанского. Царь удивлялся точности и дельности мыслей и замечаний последнего, и стал доверять ему свои личные поручения. «После отставки Кочубея в 1807 г. Александр взял Сперанского к себе в качестве статс-секретаря “с отставлением от прочих должностей”». Ему было поручено руководство Комиссией составления законов и выработка общего плана дальнейших государственных преобразований.

Пользуясь значительным влиянием на царя и его поддержкой, Сперанский в 1809 г. разработал обширный проект, который назывался “Введение к уложению Государственных Законов”. В нем предусматривалась, в частности, реорганизация системы управления Империей **на основе существующего правовому государству принципа разделения властей** (выделено нами – Авт.). При этом предполагалось создать центральный представительный орган с законодательными функциями – Государственную думу. Она должна была ограничивать власть монарха, ибо без одобрения

Думы никакой закон не мог вступить в силу. По плану Сперанского право посылать депутатов в Думу получали дворяне и прочие владельцы недвижимости. Судебная власть сосредотачивалась в Сенате. А исполнительная – в министерствах. Предполагалось также создание Государственного совета как верхней палаты будущего Российского парламента. А министерства должны были подвергнуться существенным преобразованиям.

Реализована была только часть проекта. 1 января 1810 года императорским манифестом было объявлено о создании Государственного Совета» [16, стр. 38].

М.М. Сперанский вошел в историю как великий представитель российской бюрократии, оказавший влияние на государственные реформы в России при нескольких императорах [3; 6; 15; 18; 20; 25; 26; 27; 30].

Помимо указанного принципа разделения властей, особое значение в ходе деятельности Александра I имел так же принцип законности, который позволял контролировать и не допускать произвол на территории России.

Возвращаясь к вопросу о создании министерств Александром I, стоит отметить их особое значение, которое выражалось в том, что именно они позволили избежать всех несовершенств коллегий, которые могли в дальнейшем подвергнуть Россию к негативному исходу в процессе разделения осуществляемых функций и полномочий [31, стр. 26].

Именно поэтому, классификация министерств, созданных Александром I, выглядит следующим образом:

- министерство иностранных дел;
- министерство военных сухопутных сил;
- министерство морских сил;
- министерство внутренних дел;
- министерство финансов;
- министерство юстиции;
- министерство коммерции;
- министерство народного просвещения.

Учитывая относимость данной статьи к курсу, в рамках которого она печатается, следует отметить, что первым Министром юстиции Российской империи был назначен Гавриил Романович Державин [4; 7; 8; 13, стр. 17-22; 22; 23; 28; 32].

Помимо созданных Александром I министерств, способных разграничивать полномочия

министров по делам и тем самым осуществлять ведение министерств наиболее лучшим образом, без нанесения вреда для государства, стоит отметить особое значение реформы об образовании.

Сутью данной реформы являлось создание государственной системы образования, которая находилась в ведении министерства народного просвещения, тем самым затрагивая важный принцип бессловности, сущность которого выражается в том, что он позволял давать образование всем желающим, вне зависимости от сословия, помогая подготовить студентов к государственной службе.

Проводя анализ повышения эффективности государственного управления на основе деятельности правления Александра I, стоит отметить такой процесс, как систематизация Сената, представляющего собой высший орган государственной власти.

Значение в реализации деятельности Сената имел Негласный комитет, который поспособствовал принятию следующих решений:

- деятельность Сената могла ограничиваться только императором;
- указы Сената имели характер обязательного исполнения всеми лицами;
- именно Сенат контролировал деятельность ранее созданных Александром I министерств.

Россия в ходе проведения такого рода реформ и мероприятий становилась увереннее и стабильней, а Александр I пришел к новому списку задач, что развивало Россию и помогало совершенствовать российское право.

Таким образом, были предприняты и введены следующие положения:

- Россия – конституционная монархия;
- законы в России могут устанавливаться и санкционироваться исключительно императором;
- Александр I формирует систему прав и свобод для народа;
- депутаты Сената назначались только императором;
- крепостное право разрабатывается в процессе реализации Конституции.

Проект Конституции был предложен Александром I, но, к сожалению, идея развивалась достаточно долго и принятие ее откладывалось, в связи с противоборством дворян, которым данная идея не нравилась [12].

Проводя аналогию России в период правления Александра I, и России в наше время, стоит отметить, что положительные тенденции развития государства и права тогда, оставили отпечаток и поспособствовали их развитию в настоящем.

Особое место в данной аналогии уделяется министерствам, которые играют важную роль и сейчас, все так же помогая разделять ведение и полномочия по различного рода делам и вопросам.

Многие министерства сохранили те же названия и суть своей деятельности, а сама идея их создания, поспособствовала принятию новых, улучшенных структурных подразделений.

Немаловажное значение для современного образования так же сыграла роль реформа Александра I в области образования, которая и сейчас оставила некоторые составные элементы.

Не стоит забывать о принципе разделения властей, которым пользовался Александр I в ходе осуществления своей деятельности, ведь именно сейчас, Россия подразделяет власть на эти же ветви, а именно:

- законодательная;
- исполнительная;
- судебная.

Делая вывод на основе вышеизложенного, стоит отметить огромное значение деятельности Александра I в истории развития государства и права России, в первую очередь потому, что именно император сменил всю систему государственного управления, доведя ее до идеала и позволяя осуществлять управление государством наиболее удобным способом, при котором не существует несовершенств и недоработок, поскольку те, в свою очередь, могут привести к произволу в стране.

Наиболее серьезной для России стала реформа, направленная на реорганизацию центральных органов государственной власти, что поспособствовало созданию министерств, которые имеют огромное значение и влияние в наши дни.

Таким образом, можно сказать, что правление Александра I имеет исключительно положительные тенденции к развитию государства и права, еще и потому, что они всегда основывались на важных для государства и права принципах, таких как:

- принцип законности;
- принцип разделения властей;
- принцип бессословности.

Список литературы

1. Манифест «Об учреждении Министерств» от 8 сентября 1802 г. // <https://minfin.khabkrai.ru/portal/Show/Content/216>
2. Акульшин П.В. Негласный комитет и реформа сената в начале правления Александра I // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 5. – С. 11-13.
3. Александрова А.Р., Кузнецов Э.В. Учебник по праву для императора (к истории ренессанса российского правоведения) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 47-54.
4. Ахметшин Ш.К. Гаврила Романович Державин / Министерство культуры Республики Татарстан, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. – СПб.: Славия, 2010. – 551 с.: ил. – (Татары на службе Отечеству).
5. Ахметшин Ш.К. Князь Виктор Павлович Кочубей – первый министр внутренних дел, канцлер Российской империи. – СПб.: Издательство АО «Славия», 2013. – 456 с.
6. Бадзгардзе Г.Д., Антонов И.А. Философско-правовые взгляды М.М. Сперанского и их реализация при проведении Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 39-45.
7. Бастрыкин А.И. Гавриил Романович Державин. Первый министр юстиции // Правда и закон. – 2017. – № 2. – С. 3-8.
8. Бастрыкин А.И. Гавриил Романович Державин. Первый министр юстиции в России / Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). – М.: Артифо, 2017. – 36 с.: ил., портр., цв. ил., портр.
9. Белова А.А., Доронин А.М. Первый Министр внутренних дел – Виктор Павлович Кочубей // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 3. – С. 61-65.
10. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова

- и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
11. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лябов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
 12. Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П. К 220-летию министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры пореформенной России (1861-1905 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 7. – С. 30-64.
 13. Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П. К 220-летию министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры дореформенной России (1802-1861 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 11-58.
 14. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел Российской империи (1802 – 1861 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 7. – С. 53-103.
 15. Иконникова И.С. М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 18-24.
 16. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 17. Министры внутренних дел России (1802-2018): Биографический справочник / Сост.: Ч.Н. Ахмедов, С.Е. Байкеева, И.В. Романова, С.В. Ремнева, Т.Г. Лясевич, А.А. Удальцов. – СПб.: Р-КОПИ, 2018. – 140 с., ил.
 18. Морозов В.И. Правовые и политические взгляды М.М. Сперанского: Монография. – СПб., 1999. – 178 с.
 19. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»)
 20. Никитенко А.В. Воспоминания о М.М. Сперанском. – СПб.: Печатано в типографии Императорской Академии наук, 1872. – 18 с.
 21. Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2009. – 779 с., [14] л. ил., портр.
 22. Овчаренко А.Ю. Г.Р. Державин – первый Российский министр юстиции и генеральный прокурор // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – Выпуск № 4. – С. 84-89.
 23. Раджабова Т.Р, Изудинова Р.С. Роль Г.Р. Державина в становлении Министерства юстиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 6. – С. 36-40.
 24. Сальников В.П., Николаенко П.Д. В.П. Кочубей – инициатор гласности в деятельности МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – 2004. – № 1 (21). – С. 28-41.
 25. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2002. – 680 с. – (Мир культуры, истории и философии).
 26. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 336 с.
 27. Томсинов В.А. Сперанский. – М.: Молодая гвардия, 2006 – 464 с. (Серия: «Жизнь замечательных людей»).
 28. Третинников А.А., Крижановская Г.Н. Первый министр юстиции – Гавриил Романович Державин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 56-60.
 29. Чечулин Н.Д. Князь Виктор Павлович Кочубей, 1768-1834: очерк жизни и деятельности. – СПб.: тип. Главного упр. уделов, 1900. – 57, [2] с.
 30. Чибираев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. – М.: Наука, 1989. – 215 с.
 31. Яковлев К. В. Манифест императора Александра I об учреждении министерств и создание министерства внутренних дел // История государства и права. – 2017. – № 14. – С. 25-29.
 32. Ярошик В.В., Бакшеева Е.Б. Г.Р. Державин и его роль в становлении министерства юстиции // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 4. – С. 45-49.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

БОТАНЦОВ Иоанн Владимирович,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: botansoff@mail.ru

АБРАМОВИЧ Ювелина Борисовна,
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

***Аннотация.** Выявляются актуальные проблемы новых гражданско-правовых отношений – наследования цифровых прав, в том числе, рассматривается целесообразность наследования аккаунтов в социальных сетях, криптоактивов, токенов, абонентского номера и сим-карты, а также бонусов компаний. Исследование юридической доктрины и ряда законодательных положений демонстрируют нам наиболее острые проблемы, требующие последовательных действий со стороны законодателя. Также раскрывается проблема включения в наследственную массу доменных имен и вопросы их наследования при наличии более одного наследника. Отдельное место занимает вопрос возможности наследования таких цифровых прав как токен и криптовалюта в связи с анонимностью держателя, спецификой их правовой природы, содержания. Для решения вышеуказанных проблем авторы предлагают отчасти перенять опыт зарубежных стран, а также ввести ряд новых оригинальных правовых механизмов и внедрить новые объекты в гражданский оборот.*

***Ключевые слова:** цифровое право; институт наследования в условиях цифровизации; цифровые активы; криптовалюта; доменные имена; токены; абонентский номер аккаунты в социальных сетях.*

**BOTANTSOV I.V.
ABRAMOVICH Iu. B.**

PROBLEMS OF INHERITANCE OF DIGITAL RIGHTS

***The summary.** This article identifies current issues in new civil law relationships – the legacy of digital rights, including the opportunity to inherit accounts on social networks, cryptographic assets, tokens, membership numbers and SIM cards, as well as company bonuses. The study of legal doctrine and several legislative provisions shows us the most acute problems that require a coherent action of the legislator. The problem of including domain names in the hereditary mass and the issues of their inheritance in the presence of more than one heir has also been discovered. A separate*

place is occupied by the question of the possibility of inheriting such digital rights as tokens and cryptocurrencies due to the anonymity of the holder, the specifics of their legal nature, content. To address the aforementioned issues, the authors propose to adopt partially the experience of foreign countries and to introduce new and original legal mechanisms and new objects in civil circulation.

Key words: digital law; heritage institute; under digitalization conditions; digital assets; cryptocurrency; domain names; tokens; subscriber number; accounts on social networks.

1. Введение (Introduction)

В настоящее время трудно встретить человека, не использующего Интернет, ведь подавляющее большинство людей значительную часть своего времени проводят в социально-виртуальном мире. Право, сохраняя статус важнейшего социального регулятора в наше время, неизбежно должно регламентировать и отношения, возникающие в цифровой среде. Именно в ней в наше время рождаются новые, еще не вполне описанные законодателем, объекты гражданского права. Процесс цифровизации не обходит стороной ни один гражданско-правовой институт, в том числе и наследования.

С каждым днем позиция цифровых прав в жизни гражданского общества укрепляется. В связи с чем представляется актуальным на законодательном уровне регламентировать процедуру наследования цифровых прав. В первую очередь возникает вопрос, что может быть к ним отнесено.

Законодатель определяет понятие «цифрового права» в Гражданском кодексе Российской Федерации в ст. 141.1: «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

В то же время практика диктует более широкое понимание цифрового права, что уже открывает проблему необходимости расширения объектов гражданского законодательства. Так, под цифровыми правами принято понимать права на получение доступа и возможности использовать телекоммуникационные сети и Интернет сеть,

электронные устройства, цифровые носители; права, позволяющие создавать, получать, использовать, а также распространять информацию в цифровой форме, и т. п. Зачастую, к ним относятся: мобильную фиатную валюту, валюту виртуального мира, криптовалюту и валюты корпоративного значения; виртуальную собственность в нематериальном виде (аудио и видео контент; доменные имена; музыкальные альбомы).

Возможно, ли в настоящее время унаследовать цифровой актив или цифровое право? Возможно, ли унаследовать аккаунт в таких социальных сетях как «ВКонтакте», сим-карту и абонентский номер, бонусы коммерческих компаний («Аэрофлот Бонус», «Спасибо», «Ярко»), доменные имена, криптовалюту или токены?

Таким образом, цель статьи заключается в выявлении возможности наследования цифровых прав, а также проблем наследования цифровых прав и в выявлении путей их решения.

2. Основное исследование (Main text).

2.1. Наследование аккаунтов в социальных сетях.

В современном обществе использование социальных сетей стало неотъемлемой частью жизнедеятельности индивидов, сегодня это уже не просто удобное средство для построения коммуникации, это уникальная платформа для осуществления маркетинговой и коммерческой деятельности. Ведущие корпорации Российской Федерации активно используют такой инструмент для продвижения своих услуг и/или товаров. Зачастую, крупные корпорации формируют отдел, который в свою очередь специализируется на продвижении определенной услуги и/или товара в социальных сетях, с помощью которых привлекается новая целевая аудитория и, как следствие, генерируются дополнительные продажи услуги и/или товара [26].

Исходя из вышесказанного, мы с уверенностью

можем сказать, что коммерческий аккаунт несет огромную материальную ценность. Так, по мнению Марии Михайловны Панариной обязательным условием наследования учетной записи является наличие этой ценности [31]. Если же ценность отсутствует, то речь пойдет о предоставлении неимущественного права [37].

Именно здесь и зарождается первая предпосылка к урегулированию на законодательном уровне процедуры наследования цифровых прав. Отечественная социальная сеть «ВКонтакте» предлагает наследнику узкий спектр прав пользования, включающий лишь выбор процедуры «меморизации аккаунта» или его полное удаление. У наследника нет возможности получить доступ к учетной записи усопшего, читать и/или вступать в переписку от имени усопшего с третьим лицом, так называемым виртуальным знакомым. В ином случае произойдет нарушение пользовательских соглашений, ведь наследник данными действиями получает возможность выдать себя за другое лицо.

На наш взгляд компания «ВКонтакте» придерживается правильной политики конфиденциальности, однако далеко не каждая социальная сеть поддерживает запрет на распоряжение учетной записи усопшего. В связи с чем, законодателю представляется актуальным закрепить единое разрешение или запрет на наследование и право пользования аккаунтом в социальных сетях. Нами была предпринята попытка в выявлении подходов к разрешению данной проблемы.

В российском законодательстве отсутствует дефиниция учетной записи в социальной сети, но теоретики права предложили следующее определение: «Учетная запись в социальной сети – это совокупность данных о пользователе, используемых с целью аутентификации для предоставления доступа к личным данным» [30].

Аккаунт в социальной сети может являться результатом интеллектуальной деятельности, все зависит от содержания аккаунта, специфики публикуемого материала и способа его подачи. В соответствии с пп. 2 п. 2 ст. 1259 ГК РФ (Гражданского кодекса Российской Федерации), учетная запись будет являться результатом составного творчества. В таком случае может быть унаследовано право на результат творческой деятельности, однако на наследнике лежит бремя доказывания, что это не просто фото и/или видео материалы, размещенные в социальной

сети. Также аккаунт является сложным объектом, примером может послужить мультипликационное произведение или музыкальный продукт (в соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ). В ином случае аккаунт может быть признан и базой данных, в том случае, когда контент будет систематизирован, с этой целью используются различные хештеги, которые помогают пользователю произвести расширенный поиск (в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ) [17].

Аккаунт в социальной сети является частью прав по лицензионному договору, заключаемому путем регистрации на платформе между его владельцем в качестве лицензиата и администрацией сайта в качестве лицензиара. То есть исключительные права на аккаунт как часть социальной сети по умолчанию принадлежат именно администрации сайта и доказать наличие творческих вложений самого пользователя чаще бывает крайне сложно [12]. Исходя из этого, стоит отметить, что наследование аккаунта в социальной сети может происходить в ходе соглашения сторон (наследодателя и уполномоченного представителя социальной сети) [15]. Благодаря чему наследник обретает право свободного пользования учетной записью наследодателя с последующим сохранением данных на серверах. На наш взгляд принцип конфиденциальности и тайны в данном случае не нарушается, так как в связи со смертью на основании соглашения наследник становится новой стороной договора.

Тематические блоги и бизнес-аккаунты в социальных сетях являются ценным активом, они способны приносить своим владельцам немалую прибыль. То есть аккаунт выступает объектом авторских прав, в свою очередь договоры концессии, лицензионные договоры могут ставить условие о предоставлении доступа к нему как к объекту авторского права. Сам аккаунт может иметь различные правовые составляющие, например: имущество (денежные средства на электронном кошельке в социальной сети); результаты интеллектуальной деятельности (фото и/или видео материалы, мультипликационные произведения и др.). Тем самым представляется возможным унаследовать отдельные права и в перечисленных случаях сам аккаунт.

Что касается личных аккаунтов, то мы выступаем против их наследования, если на то нет волеизъявления со стороны наследодателя, считаем лучшим решением дать наследнику право

меморизации аккаунта или полного удаления аккаунта усопшего. Ведь такой аккаунт будет содержать в себе еще одну составляющую – нематериальные блага (например, личные сообщения, которые являются личной, а иногда и семейной тайной).

Предлагаем внести следующие коррективы, предоставить каждому владельцу аккаунта право на выбор и распоряжение своей учетной записью. А именно во вкладке «Управление аккаунтом» добавить строку для выбора дальнейшей судьбы, рассмотрим три варианта. Первый заключается в полной передаче прав и обязанностей по лицензионному договору избранному наследнику; второй в свою очередь предлагает выбор хранителя аккаунта, который будет управлять им в случае своей смерти, владелец вправе определить каким объемом прав наделить наследника; третий вариант заключается в полном удалении аккаунта, владелец сам определяет срок возможного удаления аккаунта, которое произойдет тогда, когда владелец не будет проявлять активности в сети в течение трех месяцев или года.

Резюмируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что в настоящее время существуют множество коллизионных случаев, неразрешенных вопросов, которые требуют последовательности действий со стороны как законодателя, так и администраций социальных сетей.

2.2. Наследование бонусов компаний.

Не менее интересной возможностью является наследование бонусов, рассмотрим данную практику на примере отечественных компаний.

Один из самых крупнейших российских финансовых конгломератов – «Сбербанк» поддерживает наследование бонусов, более того программа лояльности прямо разрешает передачу и пользование бонусами «Спасибо» третьим лицам [44]. Противоположной позиции придерживается другой ведущий отечественный финансовый конгломерат Банк «Санкт-Петербург», он не предусматривает возможность наследования и передачу бонусов «Ярко» третьим лицам [43].

Касаемо вышеупомянутых бонусов, они являются частью прав по договору банковского вклада, счета и/или кредитному договору. Традиционно банковский вклад нельзя унаследовать, его закрывают, а наследнику выдают только денежные средства со счета усопшего.

Таким образом, можно запросить в отделении банка перевод накопленных усопшим бонусы

«Спасибо» себе на карту, для этого необходимо быть участником данной программы. В свою очередь, бонусы «Ярко» сгорают вместе со счетом/вкладом, передаче и наследованию не подлежат.

Дочерняя компания известного холдинга «Российские железные дороги», в соответствии с программой лояльности открытого акционерного общества «Федеральная пассажирская компания» – бонусы, а также премиальные билеты, которые были приобретены посредством накопленных бонусов, их наследование не представляется возможным [41].

Иным примером может послужить Российская авиакомпания «Аэрофлот», наследование набранных миль в настоящее время не производится, однако компания предлагает воспользоваться такой услугой, как перевод набранных миль, разумеется, ею нельзя заменить процедуру их наследования [42]. Данные бонусы сгорают вместе с закрытием аккаунта усопшего, передача таких бонусов недопустима.

Стоит отметить, что на сегодняшний день законодатель не урегулировал статус подобных бонусных программ, каким образом можно их квалифицировать доподлинно не известно возможно это своеобразная скидка, имущество или поощрение.

Вышеупомянутые компании устанавливают определенные правила в соответствии, с которыми участник бонусной программы получает право начисления бонусов и их использования. Тем не менее, бонусы компаний не долговечны, по истечению установленной временной рамки они нуллифицируются.

На наш взгляд верной классификацией бонусов будет являться поощрение, так как за выполнение условий участник получает определенную привилегию. При такой квалификации наследование не возможно в связи с тем, что они не являются объектами гражданского права.

Однако наследование представляется возможным в том случае если законодатель, признает их имущественным правом, а компания в свою очередь исключит временную рамку действия бонусов.

2.3. Наследование сим-карты и абонентского номера.

Как уже отмечалось ранее, подавляющее большинство населения использует в своем обиходе средства связи. Каждый гражданин закрепляет за собой персональный абонентский номер с

момента заключения соответствующего договора оказания услуг связи. В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации абонентский номер не является объектом гражданских прав, исходя из этого, наследование не представляется возможным [1]. Однако наследник имеет право в качестве нового владельца заключить договор оказания услуг связи.

Согласно отечественному законодательству, а именно п. 3.2 ст. 2 Федерального закона «О связи»: Сим-карта является физическим носителем информации, посредством которой осуществляется предоставление услуг связи, также используется для идентификации абонента [2]. Абонентский номер предоставляется во временное пользование, ведь принадлежат они государству [7]. Как правило, оператор мобильной связи на момент приобретения абонентского номера заключает с конкретным гражданином договор об оказании услуг связи. В соответствии с пп. в п. 25 соответствующего Постановления Правительства Российской Федерации для этого абоненту необходимо предоставить свои персональные данные, в свою очередь оператор связи обязан произвести проверку об их достоверности [6].

Отсюда и возникает вопрос, что станет с сим-картой и абонентским номером после наступления смерти абонента? Операторы связи вместе с законодателем не регламентировали последовательность необходимых действий. А значит, у наследника есть два варианта: не самый перспективный способ это продолжение пользования абонентским номером от лица усопшего, однако такой способ недолговечен, ведь оператор рано или поздно выяснит, что данные абонента с фактическим пользователем не совпадают и как следствие сим-карта будет заблокирована. И второй способ – заключение договора об оказании услуг связи, который предусматривает сохранение конкретного абонентского номера. Для процедуры переоформления наследнику необходимо представить оператору мобильной связи нотариально заверенное свидетельство о смерти абонента.

Из-за отсутствия регламентации у наследников возникают некие сложности. Для их решение в 2020 году в Государственную Думу вносится законопроект о внесении изменения в ст. 45 ФЗ «О связи». Субъекты права законодательной инициативы (депутаты Государственной Думы) предложили дополнить п. 7 ст. 45, который

предусматривал возможность сохранения и дальнейшего распоряжения абонентским номером наследником. Такая услуга носит возмездный характер, а также требует письменного уведомления оператора связи о наступлении смерти абонента. Тем не менее, в действительности в ноябре 2021 года законопроект претерпевает отклонение [8].

В связи с тем, что сим-карта и абонентский номер не являются объектами наследственных прав, на сегодняшний день наследование возможно посредством переоформления владельца, то есть наследования прав и обязанностей по договору оказания услуг связи, заключенному между наследодателем и оператором. Что в особенности представляется актуальным, если абонентский номер имел особый смысл для семьи и/или на счету усопшего абонента находились денежные средства. Следует отметить, что городские абонентские номера традиционно переходят к новым собственникам квартир, то есть наследования прав по таким договорам не происходит, право на их переоформление следует за собственником недвижимости по аналогии с другими договорами оказания коммунальных услуг.

2.4. Наследование криптоактивов (криптовалюты).

В настоящий момент в Российской Федерации начинает свое постепенное зарождение законодательная база, которая призвана отрегулировать использование цифровых финансовых криптоактивов. В связи с активным развитием общественных отношений в данной области необходимо отметить, что в законодательстве появляется дефиниция «цифровая валюта». Итак, цифровая валюта – это совокупность электронных данных находящихся в информационном пространстве, которые принимаются в качестве платежного средства, при этом не является денежной единицей нашего и/или иностранного государства [5]. Сегодня криптоактивы выступают объектом в гражданском обороте, однако законодатель не урегулировал процедуру их наследования. Тем не менее, мы считаем, что ее включение возможно (цифровые права относятся к имущественному праву согласно ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации) [1].

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации возможны два типа наследования криптоактивов – наследодатель составляет завещание в установленном законном

порядке или в случае отсутствия завещания цифровые права, а вместе с тем и обязанности переходят в имущество в строгом соответствии с законом.

Наследование криптовалюты возможно, но вместе с этим стоит отметить определенные трудности. Идентифицировать держателя криптовалюты возможно при помощи буквенного и цифрового адреса, который начинает фигурировать при участии в транзакциях. Основная проблема заключается в анонимности держателя в связи, с чем подтверждение собственности получить невозможно. Безусловно, наследник имеет малую долю вероятности успеха в доказывании принадлежности наследодателя к такому активу [11]. При помощи услуг адвоката представляется возможным доказать, что вы действительно являетесь наследником, но такой способ весьма длителен и требует значительных затрат.

Хотим отметить, что на данный момент процедура наследования в Российской Федерации не легализована, так как нет законодательного закрепления ее статуса.

В виду этого криптобиржи предлагают решение этой проблемы: держатель цифровых прав в случае своей смерти должен определить судьбу своих активов. Владельцы криптоактивов отмечают, что при составлении завещания и указания в нем данных необходимых для авторизации их состояние ставится под угрозу, так как третьи лица, завладев информацией, могут поступить недобросовестно. Криптобиржа и это предусмотрела, она предлагает в завещании указывать только адрес, состоящий из цифр и букв, а ключ прописать в письме, которое будет храниться в банковской ячейке. Отнюдь такая мера не способна гарантировать абсолютную сохранность криптовалюты. Представители нотариата предлагают перенять опыт зарубежных стран и использовать цифровые хранилища, где под надежной защитой будет располагаться ключ [19].

Еще одно предложенное решение заключается в отсрочке платежа, но подойдет оно далеко не всем, а только для держателей активов на аппаратном кошельке. Для этого держателю криптовалюты в завещании необходимо указать номер банковского счета, на который в будущем осуществится перевод криптоактивов. Перевод совершается автоматически по истечении указанного периода времени, как правило, завещателю за неделю до его совершения приходит

уведомление-напоминание, следовательно, наследодатель имеет ежегодное право отсрочки такого перевода [27].

Некоторые наиболее крупные и известные криптобиржи предлагают на основе пользовательских соглашений передать свои права на аккаунт наследнику. При этом наследник обязан в течение нескольких лет проявить активность в аккаунте в ином случае активы будут признаны выморочными, в таком случае они переходят в имущество государства. Иными словами, если наследник не поставлен в известность о том, что наследодатель имеет аккаунт на криптобирже, то по истечении установленного времени имущество перейдет государству.

Иной способ, на наш взгляд один из самых легкодоступных – это кошелек с мультиподписью. В таком случае любой держатель подобной подписи обретает право совершать транзакции и подписывать виртуальные документы, для этого от наследодателя требуется письменное разрешение на совершение тех или иных действий.

В современных реалиях представляется весьма актуальным урегулирование вопросов включения криптоактивов в наследственную массу на законодательном уровне, а также закрепить ее статус в виде цифрового права или «иного имущества».

2.5. *Наследование цифрового права – токена.*

Не так давно в 2019 году внесли изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, закрепляется понятие цифрового актива, который входит в цифровое право. В законопроекте подчеркивалась острая необходимость регулирования новой сферы общественных отношений. Приравнение токена к цифровому праву вызвало весьма специфичную и неоднозначную реакцию у юридического сообщества [4].

С позиции законодателя токен является одной разновидностью цифрового актива, который выпускается эмитентом с целью привлечения финансирования, помимо этого они учитываются в реестре цифровых записей, посредством технологии блокчейн.

Мы рассмотрим позиции некоторых цивилистов о содержании токена и его природы. К примеру, Сергей Васильевич Сарбаш отрицает цифровое право, при этом признавая его юридической фикцией. Александр Иванович Савельев позиционирует токен как актив, который имеет установленную экономическую значимость [34]. Такие цивилисты как Алексей

Геннадьевич Гузнов, Лидия Юрьевна Михеева, Роман Михайлович Янковский полностью поддерживают первоначальное содержание законопроекта. В нем предлагалось обозначение в виде объекта права [18]. Анна Михайловна Лаптева придерживается модели имущественного комплекса, такое применение позволит выявить специфику токенов и стандартизировать правовой режим [24].

Марина Александровна Рожкова выступает с интересной на наш взгляд позицией, она заключается лишь в возможности электронного оформления субъективных гражданских прав [32]. Элина Леонидовна Сидоренко считает, что гражданин, приобретая токен у организации, которая осуществляет деятельность по выпуску и координации цифрового актива должен вступить в обязательственные отношения [36].

Существуют обстоятельства позволяющие отчуждение права и возможность перехода правопреемства, что еще раз доказывает нам ценность и самостоятельность токена [13]. Представляется некая схожесть в самом содержании между токенами и ценными бумагами, что по аналогии закона позволяет разрешать коллизии и урегулировать возникающие проблемы. Сопоставляя токены и бездокументарные ценные бумаги, мы можем отследить возможность применения аналогичного правового режима, также возможно применение обязательственного и иного уже известного нам права [33].

Резюмируя вышесказанное, унифицированного понимания значения «токена» в отечественной юридической литературе нет, его рассматривают как цифровое право; один из видов цифровых активов. Включение токена в наследственную массу представляется возможным, так как токен приравнивают к имущественной ценности [1]. При всей возможности имеются и сложности их наследования, которые связаны с выпуском токенов без поддержания надлежащих условий, а также они вносятся в единую базу, где и ведется их учет. Самое главное, что совершение транзакций производятся без какого-либо вмешательства третьих лиц [40]. Идентифицировать субъектов цифровой сделки практически невозможно, ведь персональная информация тщательно скрывается, обеспечивая персонам полную анонимность.

Между предложенными процедурами включения в наследственную массу токенов и криптоактивов можно провести параллель. Завещатель

вправе проинформировать своих наследников о наличии цифровых прав, посредством личного общения или составления письменного завещания. Как уже говорилось ранее, наследодатель может указать в завещании все необходимые данные для авторизации. Отнюдь такой способ ставит под угрозу сохранения счета, ведь третье лицо, из корыстных побуждений завладев ценной информацией способно произвести транзакцию всех цифровых активов себе на счет или совершить покупку от имени усопшего. Именно поэтому нотариат рекомендует сообщить часть информации лично наследнику, а код для авторизации поместить в банковскую ячейку или передать доверенному лицу, который обязуется в целостности и сохранности вручить конверт наследнику после смерти завещателя. Наиболее надежным способом может стать использование цифрового хранилища, в котором будет храниться ключ для авторизации.

Также имеется исключительная трудность во вступлении в наследство для правопреемника, она выражается в технической недостаточности, не имея мобильного устройства с выходом в Интернет сеть невозможно стать новым владельцем токенов.

В действительности же существует еще один нюанс – далеко не каждый токен можно включить в наследственную массу. Таким примером могут послужить токены, которые используются только как платежное средство. Ведь фактически законодатель не закрепил правовое положение токенов и не урегулировал возможные пути их наследования, что в настоящий момент в постоянно прогрессирующем обществе является весьма актуальным.

2.6. Наследование доменных имен.

Доменные имена ориентированы на обеспечение доступа к информации посредством адресации сайтов в сети Интернет (в соответствии со ст. 2 указанного закона). Они состоят из довольно легко запоминающихся цифирных и буквенных латинских символов, именно они указывают на характер материала расположенного на конкретном сайте [3].

Хотим отметить, что практика наследования доменного имени начала свое развитие относительно недавно потому на сегодняшний день существует множество спорных моментов о возможности проведения процедуры его наследования.

Для переоформления домена правопреемнику необходимо сначала вступить в права на общих основаниях, после чего рассматривается основной запрос. Безусловно, когда процедура имеет четкую регламентацию со стороны законодателя, то коллизионных случаев становится намного меньше.

Доменное имя не может быть включено в наследственную массу, так как администратором домена может стать только одно физическое лицо на основании заключенного договора об оказании соответствующих услуг (в соответствии с ч. 1 ст. 1112 и ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации). Наследнику лишь остается обратиться к регистратору и переоформить домен на свое имя, которое возможно совершить в установленный законом срок (на основании ст. 191 Гражданского кодекса Российской Федерации в течение шести месяцев с момента наступления следующего дня после смерти администратора [1]).

В ином случае если договор об оказании услуг заключен не с физическим, а с юридическим лицом, независимо от наступления смерти, договор с юридическим лицом остается прежним и регистратор продолжает оказывать услугу. Для вступления в такое наследство и установления своих прав и обязательств необходимо предоставить регистратору нотариально заверенное свидетельство о смерти бывшего администратора. Обязательным условием является наличие в договоре возможности передачи домена третьему лицу. Администратор доменного имени может предусмотреть этот момент и внести в договор аннулирование письменного соглашения после его смерти, тем самым запрещая передачу домена, вместе с тем такое положение можно оспорить в судебном порядке. Переоформление договора на более одного наследника невозможно и если наследников оказывается двое, то одному из них придется написать заявление о передаче своих прав другому наследнику. В случае возникновения конфликтных ситуаций между наследниками для его разрешения необходимо обратиться в судебный орган с иском о признании исключительного права стать единственным наследником, истец, представив весомые аргументы, имеет значительные шансы в удовлетворении иска (например, он осуществлял работу вместе с бывшим администратором). После чего в пакет документов вкладывается постановление суда. Передок

случай нотариального отказа от завещанного ему права, также наследник может предъявить нотариально заверенное свидетельство о смерти администратора и по его письменному заявлению регистратор обязан аннулировать доменное имя.

3. Выводы (Conclusion).

Благодаря научно-техническому прогрессу в жизнь современного общества значительно упростилось, вместе с тем в современных реалиях возникают новейшие «ноу-хау» цивилистических наук, которые требуют правового регулирования и четкой регламентации действий на законодательном уровне. Каждый человек в процессе своей жизнедеятельности накапливает определенные ценности и имущество.

Из положений Гражданского кодекса Российской Федерации мы уже знаем, что в наследственную массу входят вещи и иное имущество, имущественные права и обязанности, а также некоторые цифровые активы (токены, криптовалюта и доменные имена). Отрадно, что законодатель не стоит на месте, а принимает новые законодательные акты, регулирующие новую стадию процедуры включения в наследственную массу и самого наследования цифровых прав.

Большинство нотариусов как и мы выступают против наследования личных аккаунтов в социальных сетях, ведь он будет содержать в себе нематериальные блага. Мы предлагаем предоставить каждому владельцу аккаунта право на выбор и распоряжение своей учетной записью. Разумным является лишь наследование тематических блогов и бизнес-аккаунтов, так как они содержат в себе имущественные права, не связанные с личностью наследодателя, например денежные средства на электронном кошельке в социальной сети; результаты интеллектуальной деятельности (фото и/или видео материалы, мультипликационные произведения и др.). Тем самым представляется возможным унаследовать отдельные права и в перечисленных случаях сам аккаунт.

Бонусы являются частью прав по договору банковского вклада, счета и/или кредитному договору. Традиционно банковский вклад нельзя унаследовать, его закрывают, однако наследнику выдают денежные средства со счета усопшего. Включение бонусов компаний в наследственную массу представляется возможным, в случае если законодатель признает такие бонусы

имущественным правом (ведь сейчас их квалифицируют как поощрение), а компания в свою очередь исключит временную рамку действия бонусов.

Наследование сим-карты и абонентского номера на сегодняшний день происходит путем переоформления владельца, для которой будет достаточно предъявить оператору мобильной связи документ удостоверяющий личность (паспорт гражданина Российской Федерации или иного государства) и нотариально заверенное свидетельство о смерти усопшего абонента. Безусловно, процедура носит возмездный характер, но она менее затратная в сравнении с услугами нотариуса.

Наследование криптоактивов и токенов выступает наиболее перспективным правоотношением, существуют такие механизмы как: прямое наследование (завещатель заранее определяет судьбу своих активов); доказывание наследником принадлежности наследодателя к данному активу; передача ключа посредством хранения в банковской ячейке (в будущем видится возможность создания цифрового хранилища); отсрочка

платежа; кошелек с мультиподписью.

Что касается доменных имен, то их наследование активно практикуется в нашем государстве, мы выделили наиболее интересные моменты такой процедуры. В случае наличия более одного наследника имеется два пути развития событий: один наследник добровольно в письменной форме отказывается от претензий и передает свои права другому наследнику или произойдет возникновение конфликтной ситуации между наследниками и для его разрешения необходимо обратиться в судебный орган. Нередок случай нотариального отказа от завещанного ему права, также наследник может предъявить нотариально заверенное свидетельство о смерти администратора и по его письменному заявлению регистратор обязан аннулировать доменное имя.

Резюмируя вышесказанное, подведем итог нашего исследования, вопросы наследования цифровых прав занимают одну из самых главенствующих позиций в нашем государстве. Видится необходимым легализация правового статуса цифровых активов, а также включения исчерпывающей регламентации процедуры наследования.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). – М., 2022.
2. Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 28. – Ст. 2895.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.
4. Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
6. Постановление Правительства РФ от 09.12.2014 г. № 1342 «О порядке оказания услуг телефонной связи» (вместе с «Правилами оказания услуг телефонной связи» (ред. от 18.01.2021)) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 51. – Ст. 7431.
7. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 25.04.2017 г. № 205 «Об утверждении и введении в действие российской системы и плана нумерации» (ред. от 24.08.2020 г.) // <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minkomsvyazi-Rossii-ot-25.04.2017-N-205/>
8. Законопроект № 978343-7 О внесении изменения в статью 45 Федерального закона «О связи» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/978343-7>.
9. Афанасьевская А.В., Оганов К.К. Наследование цифровых денег // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. – М.: Институт развития образования и консалтинга, 2021. – С. 42-46. – в сб. 337 с.
10. Байдаева В.О. Цифровое наследство: настоящее и будущее // Актуальные проблемы и тенденции развития

- наследственного права: российский и зарубежный опыт: Сборник научных трудов студентов, магистратов и аспирантов: сборник статей. – М.: Русайнс, 2021. – С.12-16. – в сб. 170 с.
11. Белянин А.С. Наследование криптовалют: проблемы нормативного регулирования // Государство и право: Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2018. – С. 82-83. – в кн. 416 с.
 12. Ботанцов И.В. Правовой статус личных страниц и страниц сообщества в социальных сетях // Правовое регулирование и научно-технический прогресс: Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалева. – Краснодар: Издательский дом-Юг, 2021. – С. 129-134.
 13. Бычков А. Операции с криптоактивами и их правовая защита // Новая бухгалтерия. – 2018. – № 4. – С. 100-127.
 14. Василенко В.В. Защита доменных имен в Российской Федерации // Молодежь в науке: новые аргументы: Сборник научных работ IX Международного молодежного конкурса. – Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2018. – С. 41-44. – в кн. 212 с.
 15. Галкина М.Л., Развейкина Н.А. Вопросы наследования аккаунтов в социальных сетях // Управление в условиях цифровизации социально-экономических процессов: Сборник научных статей. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020 – С. 85-95. – в кн. 369 с.
 16. Гладкова П. Доменное имя как инструмент индивидуализации юридического лица // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики. Сборник материалов X Международного юридического форума (IP Forum). – М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 33-35.
 17. Гринь Э.С. Авторское право на мультимедийный продукт. – М.: Проспект, 2015. – 128 с.
 18. Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., Авакян Е., Савельев А., Судец И., Чубурков А., Соколов А., Янковский Р., Сарбаш С. Цифровые активы в системе гражданских прав // Закон. – 2018. – № 5. – С. 16-30.
 19. Довлатова А.М. Зарубежный опыт наследования криптовалют как инструмента реализации права наследования в обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). – 2020. – № 2. – С. 47-51. DOI 10.17213 / 2075-2067-2020-2-47-51.
 20. Кашеварова Н.А., Старикова И.С. Невзаимозаменяемый токен: многообещающий цифровой бизнес-инструмент // Вестник университета. – 2022. – № 3. – С. 44-51.
 21. Кириллова Е.А. Роль нотариуса в наследовании цифровой валюты в Российской Федерации // Нотариус. – 2021. – № 7. – С. 27-29.
 22. Коваленко М.А. Возможная кража криптовалюты и токенов в цифровой экономике // Международный журнал экспериментального образования. – 2020. – № 4. – С. 39-43.
 23. Лаптев В.А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42) – С. 199-204.
 24. Лаптева А.М. Правовой режим токенов // Гражданское право. – 2019. – № 2. – С. 29-32.
 25. Лятегина Е.В. Доменное имя как инструмент индивидуализации и досудебные средства защиты доменных имен // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых: Сборник трудов VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Челябинск, 23 апреля 2019 г. – Челябинск: Южно-Уральский технологический университет, 2019. – С. 93-96. – в сб. 733 с.
 26. Митягин К.С. Правовая природа страницы в социальной сети // Журнал суда по интеллектуальным правам. – 2014. – № 5. – С. 74-77.
 27. Мхитарян Л. Развитие института наследования в России: вопрос о необходимости включения цифровых активов в наследственную массу // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 283-289.
 28. Недеря И.С., Демьяненко Е.В. О признании доменного имени объектом интеллектуальной собственности // Авакьяновские чтения: Сборник научных статей студентов, магистратов, преподавателей, II Международного молодежного юридического форума. Ростов-на-Дону, 20–21 ноября 2019 года. Том II. – Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2019. – С. 133-140. – в сб. 441 с.
 29. Оруджова Д.К. Перспективы развития института криптовалютного наследования как инструмента реализации права на наследование в обществе // Юриспруденция, государство и право: NYE вопросы и современный аспект. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 24-28. – в сб. 94 с.
 30. Охотникова В. Наследование аккаунтов в социальных сетях // <https://www.planeta-zakona.ru/blog/nasledovanie-akkauntov-v-sotsialnykh-setyakh.html>
 31. Панарина М.М. Наследование учетной записи в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. – 2018. – № 3. – С. 27-28.
 32. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым //

- https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym
33. Савельев А.И. Некоторые риски токенизации и блокирования гражданских отношений // Закон. – 2018. – № 2. – С. 36-51.
 34. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – 638, [1] с.
 35. Савельева М.В. О формировании механизма правового регулирования отношений, связанных с криптоактивами в эпоху глобальной цифровизации // Академический юридический журнал.- 2022. – № 1. – С. 78-86.
 36. Сидоренко Ю.Л. Криптовалюта как объект хищения: проблемы квалификации // Мировой суд. – 2018. – № 6. – С. 20-22.
 37. Сулова С.И. О проблеме неназванных объектов гражданских прав на примере учетной записи в социальной сети // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: Материалы IX Международной научно-практической конференции. Иркутск, 16 октября 2020 г. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – С. 251-256. – в кн. 268 с.
 38. Ушаков Р.М., Гаврилов В.Н., Игошкин М.С., Тетрадзе Т.З. Проблемы наследования цифровой валюты // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 82-84.
 39. Шатковская Т.В., Жуковская А.А., Кочергин П.В. Наследственные фонды в России: законодательные проблемы // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 1 (114). – С. 90-93.
 40. Яценко Т. С. Цифровое наследство // Наследственное право. – 2019. – № 2. – С. 11-14.
 41. Открытое акционерное общество «Федеральная пассажирская компания» // <https://rzd-bonus.ru/upload/iblock/ee2/ee2082fb2255c901383736af682f39a1.pdf>
 42. Публичное акционерное общество «Аэрофлот» // https://www.aeroflot.ru/ru-ru/afl_bonus/rules
 43. Публичное акционерное общество «Банк «Санкт-Петербург»» // <https://www.bspb.ru/yarko/pravila-bonusnoj-programmy-lojalnosti-yarko.pdf>
 44. Публичное акционерное общество «Сбербанк России» // <https://spasibosberbank.ru/doc/regulation>

СЕМЕНОВ Дмитрий Андреевич,
помощник судьи Санкт-Петербургского городского суда, магистрант юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: rusakovstyle@yandex.ru

Специальность 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

***Аннотация.** Рассматривается проблема эффективности института защиты права собственности в административном или судебном порядке при столкновения частных и публичных интересов в гражданских правоотношениях. В качестве примеров анализируются вопросы приобретения земельного участка в собственность гражданином без проведения торгов, а также баланса интересов публичного собственника жилого помещения и его добросовестного приобретателя. Отмечается роль в защите частных интересов Европейского суда по правам человека, позиции которого отражены в соответствующих позициях высших судебных инстанции нашей страны.*

***Ключевые слова:** право собственности; защита права собственности; баланс интересов; проведение торгов; добросовестный приобретатель.*

SEMENOV D.A.

PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE OPPOSITION OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS

***The summary:** The problem of the effectiveness of the institution of protection of property rights in an administrative or judicial manner in the event of a collision of private and public interests in civil legal relations is considered. As examples, the issues of acquiring a land plot into the property by a citizen without bidding, as well as the balance of interests of a public owner of a dwelling and his bona fide purchaser are analyzed. The role in protecting the private interests of the European Court of Human Rights is noted, the positions of which are reflected in the corresponding positions of the highest judicial instances of our country.*

***Key words:** property right; protection of property rights; balance of interests; bidding; bona fide purchaser.*

Различность интересов так называемого господствующего класса и класса производителей складывалась веками и была обусловлена тем, что как для государства, так и для права характерен принудительный характер осуществления управленческих функций. Это связано с тем, что со временем вызревающая в обществе стратификация преодолела первобытное

равноправие – социальную и культурную гомогенность.

Выражение «господствующий класс» нельзя назвать неправильным, поскольку оно отвечает положению вещей, при этом более точным является выражение «правлящий класс» (the ruling class), потому что это определение подчеркивает функцию, которую выполняет эта обособившаяся

классовая общность [15].

В этой связи марксистская концепция, исходящая из прямого антагонизма интересов двух поименованных классов, не была лишена своей состоятельности, но, безусловно, она отрицала наличие общего интереса в поддержании устойчивого порядка социальных связей.

Распространение такого подхода на интересы частных и публичных субъектов в гражданских правоотношениях подтверждается сложившейся практикой и фактическим отношением субъектов, в том числе возникающим по поводу собственности.

Тем интереснее представляется проблема столкновения этих интересов в собственности, в особенности, когда речь идет о ее защите в административном или судебном порядке.

Одним из случаев противостояния частных и публичных интересов является институт приобретения земельного участка в собственность гражданином без проведения торгов, бесплатно в случаях, предусмотренных п. 2.7 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [2].

В судах Санкт-Петербурга имеется большое количество рассмотренных и рассматриваемых споров по искам граждан – членов некоммерческих объединений – к Комитету имущественных отношений Санкт-Петербурга о признании права на приобретение земельного участка в собственность бесплатно и без проведения торгов на следующих имеющихся в совокупности основаниях:

- до дня вступления в силу вышеуказанного Федерального закона земельный участок был предоставлен для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства некоммерческому объединению либо иной организации, при которой было создано или организовано указанное объединение;
- по решению общего собрания членов указанного объединения (собрания уполномоченных) о распределении земельных участков между членами указанного объединения либо на основании другого устанавливающего распределение земельных участков в указанном объединении документа земельный участок распределен данному члену указанного объединения;
- земельный участок не является изъятым

из оборота, ограниченным в обороте и в отношении земельного участка не принято решение о резервировании для государственных или муниципальных нужд.

Процедура предоставления такого земельного участка в собственность носит административный характер, однако, при обращении в Комитет члены объединений получают отказ в предоставлении участков в собственность, со ссылками на иное назначение территории, отсутствие у истца прав на предъявление требования, прочие основания, которые никак не касаются приведенных выше императивных требований закона, перечень которых закрыт. Такие отказы граждане получают даже при наличии ряда решений судов по аналогичным спорам, для чего они вынуждены предъявлять иски в суды, что затягивает время предоставления имущества в собственность. Кроме того, вынесение решения о признании права на получение земельного участка в собственность бесплатно и без проведения торгов, возложении обязанности не препятствовать реализации данного права не исключает затягивание рассмотрения данного вопроса, поскольку, как было изложено, предоставление имущества является административной процедурой, и суд не вправе подменять собой административный орган, а соответственно предоставлять земельные участки [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Также имеется практика Третьего кассационного суда общей юрисдикции по аналогичным делам [10; 11; 12], показывающая, что проблема предоставления участков в собственность бесплатно не является проблемой только Санкт-Петербурга, такие категории споров распространены на всей территории Северо-Западного федерального округа, то есть проблема носит системный характер.

По всем приведенным выше (немногим из всего перечня) делам иски граждан были удовлетворены.

Проблема эффективности института защиты права собственности, который закреплен в гл. 20 ГК РФ [1], в контексте рассматриваемого вопроса состоит в непредусмотренной защите прав так называемых «потенциальных собственников», лиц, претендующих на то, чтобы стать собственником. Отказ в предоставлении таким лицам в порядке приватизации земельных участков, несмотря на сложившуюся судебную практику, говорит о нежелании государства в лице его

исполнительного органа обеспечивать данную процедуру в пользу граждан. В этой связи можно говорить о сложившемся интересе публичной власти в удержании в собственности государства данных участков.

В судебной практике также была выявлена острейшая проблема обеспечения баланса интересов публичного собственника жилого помещения и добросовестного приобретателя этого помещения от неуправомоченного лица.

Изученная практика позволяет сделать вывод о влиянии ранее правовых позиций Европейского суда по правам человека на российскую правоприменительную практику и законодательство в сфере обеспечения баланса интересов публичного собственника жилого помещения и его добросовестного приобретателя. С учетом выхода Российской Федерации из Совета Европы, что влечет невозможность участия в структуре ЕСПЧ, поднимаемая проблема звучит еще более остро и как никогда актуально.

В качестве ключевого прецедента следует отметить Постановление ЕСПЧ от 6 декабря 2011 г. по делу «Гладышева против России» (*Gladysheva v. Russia*) [13]. В нем ЕСПЧ признал нарушение ст. 1 «Защита собственности» Протокола 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.), а также ст. 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции.

Заявитель Гладышева купила квартиру для личного проживания с сыном. Продавец квартиры В., в свою очередь, приобрел ее у Е., которая приобрела право собственности на квартиру в порядке приватизации. Жилищный департамент г. Москвы с имеющейся у него информацией об обмане со стороны Е. обратился в суд с иском о признании договора приватизации и всех последующих сделок в отношении квартиры недействительными. Гладышева подала встречный иск о признании ее добросовестным приобретателем. Решением районного суда от 9 июля 2009 г. было установлено, что «приватизация квартиры была мошеннической». Суд признал Гладышеву добросовестным приобретателем в соответствии со ст. 302 ГК РФ. Однако тот факт, что квартира была приватизирована обманным путем, а значит, выбыла из владения города – законного владельца помимо его воли, лишил заявительницу права собственности на

квартиру. Квартира была возвращена в собственность города. Заявительница была выселена без выплаты компенсации или предложения другого жилья.

По причине накопления большого числа дел в судах общей юрисдикции, а также жалоб со стороны российских граждан в ЕСПЧ, которые были признаны приемлемыми, Верховный Суд РФ изучил практику по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей по искам государственных органов и органов местного самоуправления. По итогам был подготовлен Обзор практики Верховного Суда РФ от 1 октября 2014 г., в основу которого положена практика ЕСПЧ. В документе подчеркивалось, что отечественным судам в силу международных обязательств Российской Федерации следует учитывать правовые позиции ЕСПЧ.

Несмотря на разъяснения, содержащиеся в совместном Постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» и Обзоре судебной практики от 1 октября 2014 г., в отдельных случаях у судов возникали вопросы по применению положений ГК РФ, регулирующих спорные правоотношения. В связи с этим через год был утвержден Обзор судебной практики от 25 ноября 2015 г. по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления.

Однако даже при наличии указанных выше разъяснений и при проверке судебных актов в том числе Верховным судом РФ ЕСПЧ неоднократно рассматривал жалобы по аналогичным основаниям: постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Балакин против России» (*Balakin v. Russia*), от 29 января 2015 г. по делу «Столярова против России» (*Stolyarova v. Russia*), от 13 сентября 2016 г. по делу «Андрей Медведев против России» (*Andrey Medvedev vs Russia*), от 13 сентября 2016 г. по делу «Кириллова против России» (*Kirillova vs Russia*), от 17 ноября 2016 г. по делу «Аленцева против России» (*Alentseva vs Russia*), от 17 ноября 2016 г. «Пчелинцева и другие против России» (*Pchelintseva and Others vs Russia*).

Только лишь 22.06.2017 Конституционный суд РФ вынес «пилотное» постановление № 6-П, которым признал положения пункта 1 статьи 302 ГК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой оно допускает истребование как из чужого незаконного владения жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, от его добросовестного приобретателя, который при возмездном приобретении этого жилого помещения полагался на данные Единого государственного реестра недвижимости и в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на него, по иску соответствующего публично-правового образования в случае, когда данное публично-правовое образование не предприняло – в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом – своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество.

Указанное очень важно в контексте выхода РФ из структур СЕ, невозможности подачи жалоб в ЕСПЧ, поскольку приведенные ситуации и принятое впоследствии Постановление № 6-П явилось прямым следствием решений, принятых ЕСПЧ, что повлияло на позицию внутригосударственных судов и законодателя. Возможность подачи жалоб в ЕСПЧ была предусмотрена до 16.09.2022, поэтому стоит ожидать возникновение проблемы выработки собственных правовых позиций судами РФ по вопросам защиты права собственности, учитывая, что ранее такая проблема была, права титульного собственника нарушались, тогда как суды всячески поощряли недобросовестных лиц и защищали интересы исключительно публично-правовых образований, а не титульного собственника. У автора работы, учитывая последние тенденции, есть обоснованные сомнения в том, что в будущем практика судов РФ не повернется вспять, к тому толкованию, которое будет защищать, в первую очередь, публичные интересы.

Тенденция к такому развитию событий уже имеется. На основании указанного Постановления КС РФ по делу Дубовца Правительством РФ в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона № 243975-7 «О внесении изменений в статью 302

Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя)», согласно которому предлагалось ст. 302 ГК РФ дополнить пунктом 4 следующего содержания: «Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование не вправе истребовать жилое помещение, выбывшее из владения Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, от добросовестного приобретателя – гражданина, в том числе в случаях, если такое жилое помещение было приобретено безвозмездно или выбыло из владения Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования помимо их воли».

16.10.2017 г. Общественной палатой РФ дано заключение по данному документу № 6ОП-2/2225, согласно которому в законопроекте не содержится положений, необходимых для полноценной защиты прав добросовестных приобретателей квартир, земельных участков и иной недвижимости. Вместе с тем в проекте предлагается отрегулировать вопрос, который в действительности законодательного регулирования не требует.

Общественная палата Российской Федерации не поддерживает принятие проекта федерального закона № 243975-7 «О внесении изменений в статью 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя)» и считает необходимым вместо этого законопроекта принять иной, содержащий:

- 1) правила о возврате недвижимости ранее лишившимся ее по искам публичных образований добросовестным приобретателям, а при невозможности такого возврата – о выплате им равноценной денежной компенсации или о предоставлении им в собственность равноценной недвижимости;
- 2) дополнение абзаца первого пункта 6 статьи 8.1 ГК предложением следующего содержания: «Лицо, полагающееся на данные государственного реестра, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам, и в случае приобретения имущества, права на которое зарегистрированы в реестре, такое лицо предполагается добросовестным приобретателем имущества».

Между тем, в первом чтении данный законопроект был принят.

В окончательной редакции указанная выше норма звучит следующим образом: суд отказывает в удовлетворении требования субъекта гражданского права, указанного в пункте 1 статьи 124 настоящего Кодекса, об истребовании жилого помещения у добросовестного приобретателя, не являющегося таким субъектом гражданского права, во всех случаях, если после выбытия жилого помещения из владения истца истекло три года со дня внесения в государственный реестр записи о праве собственности первого добросовестного приобретателя жилого помещения. При этом бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности приобретателя, или обстоятельств выбытия жилого помещения из владения истца несет субъект гражданского права, указанный в пункте 1 статьи 124 настоящего Кодекса.

Таким образом, законодатель плавно отошел от темы баланса публичных и частных интересов, рассмотрев проблему в принципе по отношению к добросовестному приобретателю, а новая норма фактически касается совершенно иного – срока предъявления требования, а не соответствующего материального права относительно публичного субъекта. Автор полагает, что в настоящий момент надлежащим образом от незаконных требований органов публичной власти добросовестный приобретатель не защищен.

Позиции ЕСПЧ, который неоднократно обвинялся в необъективности по некоторым политическим делам, по делам, связанным с защитой права собственности, были имплементированы законодателем, доказывая имеющиеся, строящиеся на антагонизме, противоречия частного и публичного.

Данные проблемы со своей стороны неоднократно затрагивались и в научных статьях, в одной из которых рассмотрены проблемы интеграции российской судебной системой правовых позиций ЕСПЧ о пропорциональности вмешательства государства в частноправовые отношения при рассмотрении споров о переходе права собственности на недвижимое имущество [14], в другой же рассмотрены вопросы влияния правовых позиций ЕСПЧ на механизм защиты интересов добросовестного приобретателя жилого помещения в РФ [16].

Таким образом, имеются проблемы, связанные с защитой права собственности в контексте противоположности частных и публичных интересов.

Интересы частных субъектов и публичных образований по поводу собственности также различны, что не связано конкретно с собственностью, противостояние так называемого правящего класса и класса производителей имеет далекие исторические предпосылки. Безусловно, учитывая, что доминантами в современном мире стали такие понятия как капитализм и демократия, та самая антагонистичность интересов стала более завуалированной, но никогда не исчезала.

По вопросу защиты права собственности можно с уверенностью сказать, что неосценимую роль в защите частных интересов сыграл Европейский суд по правам человека, позиции которого были отражены в соответствующих позициях высших судебных инстанции нашей страны.

Между тем, в сегодняшней реальности, в отсутствие такого института, суды от низшей до высшей инстанции еще столкнутся с проблемой выработки собственных правовых позиций по вопросам защиты частного собственника.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. – М., 2022.
2. Федеральный закон от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4148.
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.06.2022 № 33-10725/2022.
4. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.04.2021 № 33-8247/2021.
5. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.04.2021 № 33-7361/2021.
6. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.03.2021 № 33-5969/2021.
7. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.02.2022 № 33-3436/2022.

8. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.11.2021 № 33-23210/2021.
9. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.06.2021 № 33-10775/2021.
10. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2022 № 88-3035/2022 по делу № 2-7419/2020.
11. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2022 № 88а-2630/2022.
12. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2022 № 88-7505/2022 по делу № 2-1252/2021.
13. Постановление ЕСПЧ от 6 декабря 2011 г. по делу «Гладышева против России» (Gladysheva v. Russia).
14. Бутакова Н.А., Иванова Т.Н., Катукова С.Ю. Интеграция Российской судебной системой правовых позиций ЕСПЧ о пропорциональности вмешательства государства в частноправовые отношения при рассмотрении споров о переходе права собственности на недвижимое имущество // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 4. – С. 50-59.
15. Кржевов В.С. Лекции. Философия права // <https://teach-in.ru/file/synopsis/pdf/philosophy-of-law-krzhevov-M2.pdf>.
16. Яковлева С.П. Влияние правовых позиций Европейского суда по правам человека на механизм защиты интересов добросовестного приобретателя жилого помещения в Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2019. – № 1. – С. 88-95.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ГЕР Олег Евгеньевич,

доцент кафедры транспортного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: oeger60@gmail.com

Специальность 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕВОЗКИ ОПАСНЫХ ГРУЗОВ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. Анализируется правовое регулирование перевозки опасных грузов на воздушном транспорте. Отмечается, что такая перевозка по своим характеристикам является усложненным действием, дополняемым особыми процедурами и требованиями к авиационному персоналу. Приводятся перечень основных действующих нормативных актов, классификация опасных грузов, предъявляемые к ним требования при перевозке, обязанности грузоотправителя, особенности договора воздушной перевозки, перечень предоставляемых документов.

Ключевые слова: правовое регулирование; перевозка; опасный груз; требования при перевозке; нормативные акты.

GER O.E.

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE TRANSPORTATION OF DANGEROUS GOODS BY AIR TRANSPORT

The summary. The legal regulation of the transportation of dangerous goods by air transport is analyzed. It is noted that such transportation by its characteristics is a complicated action, supplemented by special procedures and requirements for aviation personnel. A list of the main current regulations, the classification of dangerous goods, the requirements for them during transportation, the obligations of the consignor, the features of the air transportation agreement, the list of documents provided are given.

Key words: legal regulation; shipping; dangerous goods; transportation requirements; regulations.

В настоящее время воздушный транспорт стал незаменимым источником для организации не только пассажирских перевозок, но и грузовых, ведь благодаря воздушному транспорту, предоставляется возможность доставить груз и пассажиров в максимально сжатые сроки и практически в любую точку земли.

Объем международных и внутренних перевозок воздушным транспортом увеличивается с каждым годом, развивается аэропортовая сеть России. Вместе с тем проблема безопасности перевозок пассажиров и грузов на воздушном транспорте продолжает оставаться актуальной [26; 27; 28].

Применительно к авиационному транспорту в состав груза входит огромный массив предметов и веществ, за исключением почты, бортприпасов и багажа пассажиров.

Определенные предметы, вещи и вещества относятся к опасным грузам. Значение термина «опасный груз» не определяется конкретно для каждого вида перевозки, оно является универсальным.

Под опасным грузом (далее – ОГ) следует понимать вещество или предмет, требующий особых условий перевозки, нарушение которых может повлечь за собой угрозу жизни и здоровью человека, окружающей среды, нарушению целостности материальных объектов.

Ежегодно объем перевозок опасного груза увеличивается, но сейчас показатели существенно снизились, такая тенденция связана с распространением пандемии COVID-19.

Перевозки опасного груза на международном воздушном транспорте сократились на 12% [18].

Воздушный транспорт (далее – ВТ), как и любой другой вид транспорта, относится к числу источников повышенной опасности. Груз, перевозимый ВТ, подвергается перепадам давления, температуры, влажности и повышенной вибрации, следовательно, при организации грузовых перевозок следует учитывать, перечисленные выше факторы.

Вид груза и его количество, ограничивается типом воздушного судна (далее – ВС), габаритами грузовых и загрузочных элементов ВС, условиями перевозки авиакомпанией, государств отправления, грузовыми и складскими возможностями.

Регулирование перевозок осуществляется с помощью применения норм национального и

международного законодательства.

В зависимости от специфики перевозимого груза, опасный груз имеет ряд факторов, которые обуславливают особенности его перевозки:

- Легко воспламеняется, поддерживая длительное время процесс горения;
- Отравление радиоактивными веществами окружающей среды;
- Поражение людей и зданий взрывной волной и пожаром;
- Поражение людей радиоактивным излучением токсинов (в том числе продуктами горения) и болезнетворными организмами.

Перевозка опасного груза на воздушном транспорте возможна, лишь в случаях полного следования принципам, изложенных в Технических инструкциях ИКАО.

Нормативное регулирование и обеспечение безопасности перевозок грузов осуществляется на основании нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность гражданской авиации (далее – ГА).

В зависимости от юридической силы они подразделяются на:

1. Международные;
2. Государственные;
3. Отраслевые;
4. Стандарты организаций.

Применение международного законодательства основывается на Чикагской конвенции (далее – Конвенция) от 1944 г., а также ее Приложение 18 (безопасная перевозка опасных грузов по воздушному транспорту) [21], Конвенция об унификации некоторых правил международных воздушных перевозок, Технические инструкции по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху (Doc. 9284 AN/905 ИКАО). [18]

Помимо перечисленных выше, также применяются следующие нормативные акты:

1. Рекомендации по перевозке опасных грузов (Типовые правила) от 01.01.2003 г. относятся к числу универсальных документов, применяются ко всем видам транспорта;
2. Правила Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) по безопасной перевозке радиоактивных материалов;
3. Правила ИАТА от 01.01.2021 г., соответствуют полностью Техническим инструкциям ИКАО, устанавливая более жесткие ограничения, в которых учитываются практические аспекты, содержание типовых

документов и требования их заполнения;

4. Инструкция о порядке действий в аварийной обстановке в случае инцидентов, связанных с опасными грузами, на воздушных судах (Doc 9481 AN/928).

Нормы внутреннего законодательства Российской Федерации, применяемые в процессе перевозки опасных грузов на воздушном транспорте, следующие:

- Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ;
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021);
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021);
- Приказ Минтранса России от 28.06.2007 № 82 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей»;
- Приказ Минтранса от 05.09.2008 г. № 141 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Правила перевозки опасных грузов воздушными судами гражданской авиации»;
- Указание Министерства гражданской авиации СССР от 06.05.1991 № 195/у «Об утверждении и введении в действие основных процедур, связанных с перевозкой опасных грузов воздушными судами гражданской авиации СССР»;
- «О периодическом обучении персонала правилам перевозок опасных грузов. Письмо Департамента воздушного транспорта (ДВТ) от 15.02.1996 г. №ДФ – 4.18-48».

К числу отраслевых стандартов относится «Организационное обеспечение охраны труда в авиационных организациях гражданской авиации. ОСТ 54-3-2622.75-20002 и другие.

К нормативным стандартам авиапредприятий относятся:

- Руководство по производству полетов. Содержит информацию по перевозке ОГ, действия при возникновении аварийной обстановки;
- Руководство по наземному обслуживанию Положения Чикагской конвенции устанавли-

вают, что каждое Договаривающееся государство вправе определить объем перевозок и перечень предметов и веществ в соглашении, которые допускаются для воздушной перевозки над его территорией. Так, в силу ст. 35 Конвенции предусмотрено, что военные материалы и снаряжение не допускаются к провозу над территорией государства, только лишь в случае его разрешения. Конвенция не содержит в себе конкретный перечень таких грузов, только лишь предусматривает, что каждое государства вправе отнести тот или иной груз к военным материалам и снаряжениям. Иными словами, нормами Конвенции предоставляется право каждому Договаривающемуся государству устанавливать пропускной режим провоза груза над своей территорией, некоторые грузы допускать к провозу, а некоторые запрещать [20].

Классификация опасных грузов на различные классы или категории отталкивается от уровня опасности, который они могут представлять в случае воздушной перевозки. Определить количество наименований ОГ, практически невозможно. Каждый год все новые предметы и вещества включаются в данный перечень, поскольку он не является исчерпывающим.

Опасные грузы включают в себя смеси и растворы, в том числе изделия. Нижеприведенная классификация приводится на основании Технических инструкций Doc 9284 AN/905 ИКАО (далее – Технические инструкции), в детализации некоторые классы подразделяются на определенные категории [18].

Технические инструкции (далее – ТИ) обращают внимание на то, что существует определенное груз, перевозка которого не допускается на воздушном судне при любых обстоятельствах. Таким грузом, являются опасные вещества или предметы, которые в процессе перевозки способны взрываться, вступать в опасные реакции, возгораться или выделять в опасном количестве тепло или пар токсического характера в обычных условиях перевозки. Классификация, предусмотренная Техническими инструкциями, включает в свой перечень наименования таких веществ, по этой причине в Технических инструкциях обращают внимание на то, что нет возможности перечислить все опасные грузы, следовательно, если грузы отвечают выше приведенному описанию, они не должны перевозиться воздушными судами.

Положения ТИ ИКАО не распространяются на следующие опасные грузы:

Предметы, которые вне зависимости от класса опасности должны быть на борту ВС, допускаются к перевозке только те предметы, которые имеют соответствующее разрешение;

Не распространяется на предметы, которые относятся к числу бытовых, используемых каждый день (духи), портативные зарядные устройства, но при этом они должны соответствовать положениям;

Сухой лед, предназначенный для охлаждения продуктов питания и напитков на ВС;

Действия ТИ не распространяются на зарядные устройства, на литиевые батареи, их использование допускается только при соответствии всем требованиям. В случае наличия запасных литиевых батарей их хранение должно соответствовать требованиям для предотвращения короткого замыкания.

Классификация опасных грузов:

Класс 1. Взрывчатые вещества

Категория 1.1. Вещества и изделия, которые характеризуются опасностью взрывной массы.

Категория 1.2. Вещества и изделия, которые характеризуются опасностью разбрасывания, но не создают опасности взрыва массой.

Категория 1.3. Вещества и изделия, которые характеризуются опасностью загорания, а также либо незначительной опасностью взрыва либо с незначительной опасностью разбрасывания, либо с тем и другим, но не характеризуются опасностью взрыва массой.

Категория 1.4. Вещества или изделия, которые не представляют значительной опасности.

Категория 1.5. Вещества очень низкой чувствительности, которые характеризуются опасностью взрыва массой.

Категория 1.6. Изделия чрезвычайно низкой чувствительности, которые не характеризуются опасностью взрыва массой.

Класс 2. Газы

Категория 2.1. Легковоспламеняющиеся газы.

Категория 2.2. Невоспламеняющиеся нетоксичные газы.

Категория 2.3. Токсические газы

Под «газом» следует понимать вещество, которое предполагает свободное и хаотичное движение, составляющих его частиц, в промежутках между столкновениями, вовремя, которого происходит резкое изменение характера их движения.

Наиболее подробная детализация газа как вещества предусмотрена Техническими инструкциями, в частности Главой 2.

Класс 3. Легковоспламеняющиеся жидкости

Под легковоспламеняющимися жидкостями (ЛВЖ) следует понимать жидкости или смесь жидкости, содержащая твердые вещества в растворе или суспензии, которые выделяют легковоспламеняющиеся газы при температурном тигле (вспышке) 60° С.

Класс 4. Легковоспламеняющиеся твердые вещества, подверженные самопроизвольному возгоранию, вещества, выделяющие легковоспламеняющиеся газы при взаимодействии с водой.

Категория 4.1. Легковоспламеняющиеся твердые вещества, саморегулирующие и подобные им вещества и десенсибилизированные взрывчатые вещества.

Категория 4.2. Вещества, способные к самовозгоранию.

Категория 4.3. Вещества, выделяющие легковоспламеняющиеся

Класс 5. Окисляющие вещества и органические перекиси

Категория 5.1. Окисляющие вещества.

Категория 5.2. Органические перекиси.

Класс 6. Токсические и инфекционные вещества

Категория 6.1. Токсические вещества

Категория 6.2. Инфекционные вещества

Класс 7. Радиоактивные материалы

Транспортировка веществ седьмого класса опасных грузов, а именно радиоактивных материалов, регулируется Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), применительно ко всем видам транспорта.

Класс 8. Коррозионные вещества

Класс 9. Прочие опасные вещества и изделия, включая вещества, опасные для окружающей среды

Перевозки опасных грузов на воздушном транспорте могут иметь как регулярный, так и нерегулярный характер.

К перевозке опасных грузов воздушным транспортом предъявляются следующие требования: вес, достоверность содержимого, размеры и упаковка. Относительно документации, тогда необходимо иметь: грузовую авианакладную, грузовой манифест, уведомление командиру ВС об опасном грузе на борту ВС.

Перевозка опасного груза по воздуху, также

имеет недостатки, к ним относятся, высокая стоимость услуг, невозможность работы с большими объемами и габаритными грузами.

Итак, для определения термина договора перевозки груза, необходимо, воспользоваться нормами гражданского законодательства, а в частности ст. 785 ГК РФ [3]. На основании комментируемой статьи, устанавливаются общественные отношения между перевозчиком, отправителем и получателем, первый в свою очередь обязуется доставить вверенный отправителем ему груз, а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату. Подтверждением заключения договора перевозки является выдача авиагрузовой накладной. При выдаче авиагрузовой накладной на грузовую отправку в нее необходимо включить заявление, указывающее, что опасные грузы описаны в сопроводительном документе перевозки опасного груза. На практике в некоторых случаях, требуется указать, что опасный груз, необходимо грузить только на воздушное судно.

Положения Технической инструкции накладывают обязанность на грузоотправителя по хранению копии документа перевозки, в том числе дополнительной документации в течении как минимум 3 месяцев.

Подписание авиагрузовой накладной допускается как в письменном формате, так и в электронном. При подписании грузовой накладной в электронной форме, необходимо учитывать нормы ФЗ от 06.04.2011 г. № 767-ФЗ «Об электронной подписи» [8]. Поскольку в таких случаях, накладная заверяется электронной подписью перевозчика или уполномоченного агента и грузоотправителя.

В совокупности к применению норм гражданского законодательства, также стоит учитывать нормы ст. 113 ВК РФ, гласящей, что воздушная перевозка опасных грузов (классы приведены выше) осуществляется на основании законодательства РФ, федеральных авиационных правил, а также с учетом применения международных договоров РФ.

Как было сказано ранее, к договору также применяются положения Федеральных авиационных правил, в частности Приказ Минтранса России от 28.06.2007 года № 82 (далее – Приказ Минтранса РФ № 82) [11]. В соответствии с п. 60 Приказа Минтранса РФ № 82 предусматривается обязанность грузоотправителя по указанию достоверной и достаточной информации,

необходимой для оформления грузовой накладной.

Для воздушной перевозки опасного груза предусмотрено, что она должна осуществляться с учетом применения норм как международного, так и внутреннего законодательства. Грузы, которые классифицированы, как опасные, не подлежащие перевозке воздушным транспортом, определены в Технической инструкции по безопасной перевозке опасных грузов (Doc 9284 AN/905 ИКАО).

Стоит учитывать, что одним из обязательных условий перевозки груза является бронирование, то есть закрепление определенного места на борту воздушного судна и провозная емкость для перевозки груза.

Для осуществления перевозки опасных грузов на воздушном транспорте, авиакомпании необходимо получить лицензию Федеральной службы ВТ и разрешение Ростехнадзора. Наличие последнего позволяет хранить опасный груз и обращаться с ним.

Любая перевозка, осуществляемая воздушным транспортом вне зависимости от того что перевозится – пассажир или груз, предусматривает бронирование провозной емкости, которая определена положениях Приказа Минтранса № 82. Перевозчик или уполномоченное лицо производит бронирование. Помимо этого положения комментируемого приказа накладываются определенные обязанности на грузоотправителя, который:

- Предоставляет информацию о данных грузоотправителя и грузополучателя;
- Наименование груза;
- Предполагаемая дата отправки груза;
- Вес-брутто, условия обращения грузом, свойствах груза, требующего специальных условий или мер предосторожности при его перевозке, хранении и обработке.

До момента бронирования провозной емкости груза, уполномоченный агент производит проверку на предмет отнесения груза или его части к категории опасных грузов. С помощью проверки грузов определяется возможность и условия перевозки опасного груза.

Значимость бронирования заключается в том, что она представляет предварительную договоренность между грузоотправителем и перевозчиком по всем существенным условиям договора перевозки груза [11].

К числу существенных условий договора

воздушной перевозки опасного груза следует отнести предмет договора, наименование и количество груза, срок перевозки, упаковка и маркировка груза, пункт отправления и назначения, размер провозной платы и наименование грузоотправителя и грузополучателя.

Специфика перевозки опасного груза заключается в том, что он требует особых условий перевозки и соблюдения требований, обеспечивающих безопасность. Упаковочный комплект и правильный способ упаковки обеспечивают целостность и сохранность опасного груза и безопасность его транспортировки. Инструкция по упаковке разрабатывается ООН, но в случаях, когда груз перевозится в ограниченном количестве, ее применение не требуется. Выбор упаковочных комплектов для перевозки груза разнообразен. Тара (упаковка) для перевозки опасного груза изготавливается из различных материалов, в зависимости от свойств перевозимого груза. Подразделение на классы тар осуществляется на основании присужденной степени опасности к грузу: высокий, средний и низкий. В первую очередь упаковка опасных грузов должна соответствовать нормативной документации, требованиям и обеспечивать сохранность при погрузке и разгрузке, перевозке и хранении груза. Материал, лежащий в основе изготовления упаковки (тары) по отношению к грузу должен быть инертным или иметь инертное покрытие.

Не менее важным пунктом является нанесение маркировки на тару (упаковку), используемую при перевозке опасного груза.

К перевозке лишь допускаются надлежащим образом классифицированные, идентифицированные, упакованные, маркированные и документально оформленные опасные грузы в соответствии с требованиями международного и национального законодательства.

На перевозчика или уполномоченного агента по договору возлагается обязанность по предоставлению полной и достоверной информации об условиях применения тарифа, о правилах перевозки груза, об общих требованиях, связанных с пограничным, таможенным, санитарно-карантинным контролем, который предусмотрен законодательством РФ.

Одной из значимых особенностей договора перевозки опасных грузов воздушным транспортом является то, что все лица, которые связаны с организацией такой перевозки, должны пройти

подготовку для того, чтобы обеспечить возможность выполнения возложенных на него обязанностей.

Следует отметить, что договор воздушной перевозки опасного груза, также имеет свои особенности, заключаемые в следующем:

- Перевозка допускается только тех грузов, которые определены в Технических инструкциях (Doc/9284 AN/905);
- Персонал должен соответствовать категориям ИКАО;
- Запрещается перевозить воздушным транспортом те грузы, которые значительно превысили массу, заявленную в документах;
- К перевозке имеют допуск только маркированные изделия;
- Запрещено перевозить на одном борту несовместимые между собой вещества;
- Документы, необходимые в процессе перевозки должны быть оформлены в соответствии с нормами и стандартами, подробно имеется информация о содержимом перевозимого объекта;
- Каждый груз обязан иметь соответствующий уровень безопасности во время чрезвычайной ситуации;
- Упаковка (тара) должна быть сертифицированной и соответствовать уровню потенциальной угрозы.

Авиаперевозка опасного груза, осуществляется назначенным перевозчиком, который должен получить лицензию Федеральной службы воздушного транспорта по перевозке опасных грузов и разрешение Ростехнадзора. Аэропорты, принимаемый, комментируемый вид груза, также должны получить лицензию Ростехнадзора на обращение с радиоактивными материалами.

Часть опасных грузов не может перевозиться в непосредственной близости друг к другу, в противном случае, такая перевозка может создать угрозу здоровью, безопасности имуществу или окружающей среде. Такие грузы называются несовместимыми.

Незаконная перевозка опасных грузов, относящихся к перечню предметов и веществ, загрязняющих окружающую среду, является проблемой международного характера. Перевозка ОГ представляет из себя сложный и трудоемкий процесс, происходящий только на законных основаниях или на договорной основе. На грузоотправителе лежит обязанность по обеспечению подготовки

груза и подтверждения его перевозки к месту назначения и оформление декларации на перевозимый груз.

Нормативно-правовое регулирование перевозок ОГ по воздуху, но в пределах воздушного пространства Российской Федерации, упорядочиваются нормами национального законодательства. Основными правовыми актами в данной сфере являются как кодифицированные источники (ВК РФ, ФАП, ФЗ и Приказы Минтранса), так и некодифицированные (Постановления и др.). Для перечисленных актов правовой базой является международное законодательство. Итак, непосредственно к перевозке ОГ применяются нормы:

- Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N60 -ФЗ (ред. 30.04.2021) (далее по тексту – ВК РФ);
- Федеральные авиационные правила, утверждены Приказом Минтранса России от 05.09.2008 г. № 141 (зарегистрировано в Минюсте РФ от 29.09.2008 г. № 12356) (далее по тексту – ФАП № 141);
- Федеральные авиационные правила, утверждены Приказом Минтранса России от 28.06.2007 № 82 (далее по тексту – ФАП № 82).

Требования, предъявляемые к грузовым накладным как в отношении внутренних перевозок, так и международных определены следующими документами:

Приказ Департамента ВТ Минтранса РФ от 05.10.1995 № ДВ- 104 (ред. от 29.12.1998) [15].

В случае нарушения перевозки опасного груза, незаконный ввоз на территорию Российской Федерации или вывоз из территории РФ применяется два вида ответственности административная и уголовная, следовательно, необходимо использовать нормы:

- Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N№ 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) [5].
- Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 17.05.2021) [6].

Для организации процесса перемещения опасного груза по воздуху, заинтересованное лицо должно представить перечень документации необходимой для осуществления перевозки. В первую очередь опасный груз должен быть оформлен. В случае отсутствия документов ОГ,

не только не допускается на борт ВС, но и на территорию грузового терминала.

Грузовая накладная является одним из значимых документов в данной сфере, поскольку она порождает сам факт заключения договора перевозки опасного груза. Всего при перевозке должно быть восемь экземпляров, три из которых оригиналы, оставшиеся копии оригиналов и предназначены для специального использования перевозчиком.

Основная информация, которая должна быть включена в грузовую накладную, определена п. 30 ФАП № 141. Итак, на основании указанного выше положения, обязательным является включение в грузовую накладную декларации на опасный груз, которая в точности определяет классификацию, информацию об упаковке, маркировке и наличии знаков опасности и состояние груза, то есть степень его готовности к перевозке воздушным транспортом.

Вне зависимости от того, относится ли перевозка к внутренней или международной, содержание декларации должно соответствовать требованиям Технических инструкций ИКАО.

Помимо декларации на опасный груз, накладная включает в себя также условия ответственности авиаперевозчика при выполнении внутренних и международных перевозок за утрату, недостачу, повреждение или задержку перевозки.

Вторым по значимости документом является «Паспорт безопасности груза», необходимый для перевозки ОГ на ВС любого типа или же Material Safety data Sheet (MSDS). Данный документ в обязательном порядке составляется заводом-изготовителем, находится у грузоотправителя. Наличие копий не допускается, оригинальное исполнение документа с соответствующей печатью и подписью ответственного лица (руководитель лаборатории или отдел качества предприятия). В документе подробно указывается тип и состав вещества (материала), параметры и условия перевозки для обеспечения безопасности.

Дополнительным документом к Паспорту безопасности является аварийная карточка, где предусмотрены более четкие указания по нейтрализации негативных последствий и меры защиты.

Помимо перечисленных выше документов, также должны быть представлены следующие сертификаты:

- Сертификат соответствия на ОГ и на его упаковку;

- По необходимости следует предоставить фитосанитарный или гигиенический сертификат, при наличии растительных, химических или биологических компонентов;
- Сертификат происхождения (прописывается информация об изготовителе вещества и оборудования);
- Документ об упаковке, креплении ОГ;
- Копия договора купли-продажи или поставки, по которым осуществляется коммерческая перевозка груза.

Опасный груз, в зависимости от аэропорта места назначения, может обрабатываться и храниться, только если это предусмотрено положениями самого аэропорта. Итак, на территории аэропорта предусматривается наличие склада временного хранения, который определяет какие ОГ могут храниться и какие необходимо соблюдать для этого условия. Хранение ОГ не допускается в неспециализированном помещении, которое не имеет соответствующее разрешение.

Авиакомпании, которые выполняют перевозку опасных грузов, имеют определенный перечень аэропортов, которые обрабатывают и предоставляют временное хранение ОГ. Итак, на основании таблицы, приведенной ПАО «Аэрофлот» города Абакан, Анапа, Архангельск, Белгород, Волгоград, Воронеж, Геленджик, Грозный, Ижевск, Кемерово, Магнитогорск, Махачкала, Минеральные Воды, Набережные Челны, Назрань, Нальчик, Саранск, Саратов, Ульяновск не принимают ОГ для обработки и временного хранения. Остальная часть городов Российской Федерации, в которых расположены здания аэропорта, представляют либо обработку опасного груза либо его хранение, либо совмещено два варианта. Каждый аэропорт вправе сам определить какие опасные грузы допускаются на обработку, какие на хранение и какие для этого необходимо соблюсти условия [25].

В процессе организации перевозки опасного груза эксплуатант должен обеспечить защиту внешней упаковки ОГ и защиту грузового места от повреждения, вследствие перемещения багажа, почты или другого груза. Основной обязанностью эксплуатанта является обеспечение надежного крепления ОГ в багажном отсеке ВС с целью предотвращения перемещения ОГ во время полета.

В случае повреждения упаковки (тары) ОГ не допускается отправителем к доставке в аэропорт.

Хранение опасных грузов допускается только

в соответствии с местными требованиями, предъявляемыми к хранению, чтобы обеспечить авиационную безопасность и сохранность упаковки опасного груза.

Грузовые терминалы при аэропортах выполняют следующие функции: перевалка груза, хранение и обработка груза, экспедирование груза.

При осуществлении национальных перевозок ОГ воздушными судами (то есть в пределах одной страны) национальные инструкции разрабатываются руководящими органами национальной гражданской авиации. Как правило за правовую базу применяются рекомендации ИКАО, но они могут и учитывать и национальные особенности.

Международная воздушная перевозка является одним из значимых элементов современных международных отношений.

Правовая основа регулирования воздушных перевозок подразделяется на три уровня:

1. Международные соглашения и конвенции;
2. Взаимные межправительственные соглашения о международном воздушном сообщении;
3. Правила внутреннего законодательства, ранее был приведен перечень нормативных актов, согласно которому осуществляется регулирование перевозок опасного груза по воздуху.

Международные соглашения и конвенции

1. Рекомендации ООН по перевозке опасных грузов (Типовые правила) [19].

Второе название «Оранжевая книга ООН» издается комитетом ООН, занимающимся выявлением проблем, возникающих при перевозке ОГ. Рекомендации ООН предназначены для использования правительства и международных организаций. Ознакомительная часть документа, определяет, что Рекомендации ООН не применяются к ОГ навалом, насыпью или наливом, которые должны быть урегулированы специальными нормами. Документом урегулирована часть таких вопросов как классификация и определение класса ОГ, перечень основных опасных грузов, общие требования к упаковке, процедуры испытания, маркировки, требования к персоналу, транспортная документация.

Соблюдение Типовых правил должно способствовать предотвращению негативного влияния и снижению рисков возникновения несчастных случаев, влекущих причинение вреда человеку

или окружающей среде. Типовые правила не должны препятствовать перевозке ОГ, которые не запрещены и не опасны для перевозки.

Правила международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) по безопасной перевозке радиоактивных материалов. Правила МАГАТЭ охватывают вопросы от проектирования площадки до безопасной перевозки радиоактивных материалов, а также государственные основы регулирования и культуры безопасности в организациях. Главная цель Правил – это обеспечение безопасности как в настоящее время, так и в будущем. Структура этих норм предполагает разделение на три категории: общие требования в отношении безопасности, конкретные требования безопасности, свод Руководства по безопасности.[16].

Приложения 18 к Чикагской конвенции. Правовой базой для создания Приложения 18 послужили Рекомендации ООН («Оранжевая книга» и Правила МАГАТЭ [21]. Приложением 18 регулируются вопросы классификация опасного груза, его упаковки, маркировки и перевозки на воздушном судне.

Более развернутый перечень опасных грузов, условия и перевозки дополняются Техническими инструкциями по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху (DOC 9284).

Приложение 18 применяется ко всем международным полетам гражданских воздушных судов. Государства, которые являются участниками Чикагской конвенции и имплементировали Приложение 18 в национальное законодательство, принимают все необходимые меры для того, чтобы обеспечить соблюдение всех положений Технических инструкций.

Под действие Приложения 18 не подпадают ОГ, классифицируемые как необходимые на борту ВС согласно правилам летной годности и правилам эксплуатации или иных специальных целей, указанных в Технических инструкциях.

Технические инструкции ИКАО «Безопасная перевозка опасных грузов по воздуху» (DOC 9284 An/905). В данном документе предусматриваются основные условия и требования к перевозке опасных грузов по воздуху. Каждый год документ добавляется новыми правками Комитета ООН. В свете последних событий, связанных с вспышкой болезни COVID-19, крайняя поправка в ТИ посвящена именно перевозке вакцин. Итак, на 57-й сессии Комитета экспертов ООН по

перевозке опасных грузов поднимался вопрос о перевозке вакцин COVID-19, ограничения которые имеются в отношении грузополучателей и грузоотправителей могут противоречить общественным интересам, так как будут влиять на временные рамки перевозки вакцины от COVID-19. Вследствие этого 31.12.2020 года Совет ИКАО одобрил упрощение перевозки вакцин COVID-19, а во втором случае упростил систему перевозки эксплуатантами ВС чистящих средств на спиртовой основе и дезинфицирующих средств на спиртовой основе для использования летным экипажем, cabinным экипажем и пассажирами [24].

Помимо перечисленной выше поправки, также каждый год пересматриваются и дополняются новые виды опасных грузов (условия перевозки литиевых батарей, те которые допускаются на борту ВС, и те, которые запрещены к провозу на борту ВС), требования к подготовке персонала, непосредственно участвующего в погрузо-разгрузочных работах на перроне.

Правила ИАТА. Данные правила, полностью соответствуют ТИ ИКАО, имеют более жесткие ограничения, в которых учитывается практические аспекты; содержат типовые документы и требования их заполнения. Руководство, которое публикуется ежегодно и действует с 1 января каждого календарного года. ТИ (ISM) публикуются в апреле каждого календарного года, что создает потенциал противоречивых требований DGR-ISM. В случае конфликта DGR-ISM требование, содержащееся в действующей версии DGR, считается действительным. Текущая редакция правила перевозки ОГ (DGR) ИАТА, ТИ ИКАО по безопасной перевозке ОГ по воздуху доступны в местах, где проводятся пассажирские и /или посадочные операции.

Приемка опасного груза как отдельный процесс имеет свои регламенты и осуществляется Службой авиационной безопасности (САБ), где контролируются соответствия требованиям нормативных документов на перроне.

Персонал, который непосредственно принимает участие в организации и проведении грузовых и пассажирских авиаперевозок, проходит обучение и сертификацию по правилам безопасной перевозки опасных грузов.

Перевозка опасных грузов по своим характеристикам является усложненным действием, дополняемым каждый раз особыми процедурами и требованиями к авиационному персоналу.

Наиболее важным фактором при выполнении перевозки опасного груза является соблюдение летным и техническим составом всех должностных инструкций и предусмотренных ГОСТов.

Отклонение от должностных инструкций не допускается, в случае несоблюдения, предусмотренных законодательством и внутренней инструкцией предприятия, могут возникнуть негативные последствия как материального, так и иного характера. Материальный характер – потеря или порча груза. Иногда, несоблюдение всех мер предосторожности при перевозке

опасного груза, может обернуться аварийным инцидентом или же аварией.

Процесс организации погрузо-разгрузочных работ в нынешнее время не регулируется внутренним законодательством. В большинстве случаев это отсылка в нормативно-правовых актах на Технические Инструкции ИКАО.

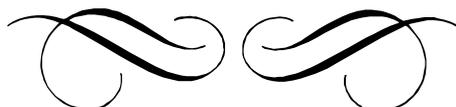
Для обеспечения безопасности и сохранности, охраняемого объекта, представляется логичным внесение поправки в Приказ Минтранса № 141, касающиеся устройства складских помещений и хранилищ для опасных грузов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. – М., 2022.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. – М., 2022.
4. Воздушный кодекс Российской Федерации. – М., 2022.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2022.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М., 2022.
7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // <https://docs.cntd.ru/document/456058064>
8. Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
9. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3588.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 г. № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101040010>
11. Приказ Минтранса России от 28.06.2007 г. № 82 (ред. от 15.09.2020) «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» // Российская газета. – 2007. – № 225. – 10 октября.
12. Приказ Минтранса России от 07.11.2019 г. № 360 «Об утверждении типовой дополнительной профессиональной программы «Подготовка авиационного персонала для подтверждения уровня, соответствующего требованиям к обладателю свидетельства коммерческого пилота гражданской авиации (вид воздушного судна «самолет»)» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006030030>
13. Приказ ФТС России от 27.05.2011 г. № 1070 (ред. от 28.03.2012) «Об утверждении Положения о совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля в отношении воздушных судов и перемещаемых ими товаров» // <https://docs.cntd.ru/document/902285322>
14. Приказ Минтранса России от 25.07.2007 г. № 104 (ред. от 19.08.2019) «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров» // Российская газета. – 2007. – № 180. – 17 августа.
15. Приказ Департамента Воздушного транспорта Минтранса РФ от 05.10.1995 г. № ДВ – 104 (ред. от 29.12.1998) «Об утверждении и регистрации форм перевозочных документов строгой отчетности» // <https://www.dokipedia.ru/document/4094043>
16. Распоряжение Минтранса России от 03.06.2020 г. № ДЗ–110–р «Об организации в Министерстве транспорта Российской Федерации работы по инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений в законодательство Российской Федерации и (или) по признанию казанных актов не действующими на территории Российской Федерации» // <https://docs.cntd.ru/document/565300645>.
17. Указание Министерства гражданской авиации от 06.05.1991 г. № 195-у «Основные процедуры, связанные с перевозкой опасных грузов воздушными судами гражданской авиации» // <https://mykonspekts.ru/1-130520>.

html

18. Поправка к Техническим инструкциям по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху издания 2021-2022 годов, касающаяся сдерживания пандемии COVID-19 (Doc. 9284) // <https://favt.gov.ru/dejatelnost-mezhdunarodnaja-dejatelnost-ikao?id=7606>.
19. Рекомендации по перевозке опасных грузов (Типовые правила) от 01.01.2003 г. // <https://docs.cntd.ru/document/901987331?section=status>
20. Конвенция о международной гражданской авиации (заключена в г. Чикаго 07.12.1944 г.) (с изм. От 26.10.1990 г.) (в изм. и доп., вступившими в силу на 01.01.2000) // <https://docs.cntd.ru/document/1902240>
21. Приложение 18 к Конвенции о международной гражданской авиации. Безопасная перевозка опасных грузов по воздуху // https://www.vip-class.ru/userfiles/file/biblioteka/attach_18.pdf
22. ГОСТ Р 57478–2017. Грузы опасные. Классификация (с изменением № 1) от 01.11.2019 (ред. 17.06.2020 г.) // <https://docs.cntd.ru/document/1200145665>
23. Герасименко С.И. Экономико-правовые аспекты организации системы международных воздушных перевозок // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 2. – С. 262-265.
24. Кириллова Л.К., Евтодиева Т.Е. Логистика и управление транспортными системами // Вестник ЮУрГУ. – Серия «Экономика и менеджмент». – 2019. – Т.13. – № 3. – С. 184-192.
25. Сайфутдинов Р.А., Савинов И.В., Родненко Я.В., Белогрудова Д.Ю., Нянкина А.С. Перевозка грузов на воздушном судне // Вестник УлГТУ – 2020. – № 2-3. – С. 42-48.
26. Халыгов Н.Г., Халыгов Н.Б., Мурсакулов Н.Н., Халыгов Х.Н. Безопасность на авиационном транспорте: предполетный досмотр пассажиров и их ручной клади // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 173-184.
27. Халыгов Н.Г., Халыгов Н.Б., Мурсакулов Н.Н., Халыгов Х.Н. Роль ИКАО, IATA и АСИ в обеспечении авиационной безопасности // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 184-189.
28. Халыгов Н.Г., Халыгов Н.Б., Мурсакулов Н.Н., Халыгов Х.Н. Терроризм на авиационном транспорте: типы угроз и их источники // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 143-154.

БАКИН Анатолий Анатольевич,

старший научный сотрудник научно-исследовательского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: schizis@inbox.ru

Специальность 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ВОЕННЫХ ПЕНСИОНЕРОВ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ

***Аннотация.** Актуальность исследования обозначенной проблематики связана с необходимостью оптимизации социальной работы с такой достаточно специфической категорией граждан как военные пенсионеры. Указывается, что среди лиц пенсионного возраста, уволенных в запас, довольно значительный процент составляют граждане, являющиеся инвалидами, участниками боевых действий, а также представителями разных возрастных групп, которые испытывают серьезные трудности в плане адаптации, трудоустройства, налаживания межличностных отношений и т.д. Рассмотрены наиболее значимые и перспективные направления психокоррекционной, консультативной, восстановительной работы ориентированной на повышение адаптивного потенциала военных пенсионеров. Сформулированы соответствующие рекомендации, представляющие интерес для социальных работников, врачей, волонтеров, членов семей военных пенсионеров.*

***Ключевые слова:** социально-психологическое сопровождение; лица пенсионного возраста; социальная активность; когнитивные нарушения; интеграция, ресоциализация.*

BAKIN A.A.

ACTUALIZATION OF THE RE-SOCIALIZATION OF ELDERLY MILITARY PENSIONERS IN THE NORTH-WEST REGION

***The summary.** The relevance of the study of the identified issues is related to the need to optimize social work with such a rather specific category of citizens as military pensioners. It is indicated that among the persons of retirement age who have been discharged into the reserve, a fairly significant percentage are citizens who are disabled, participants in hostilities, as well as representatives of different age groups who are experiencing serious difficulties in terms of adaptation, employment, etc. The most significant and promising areas of psychocorrective, counseling, rehabilitation work focused on increasing the adaptive potential of military pensioners are considered. Relevant recommendations of interest to social workers, doctors, volunteers, family members of military pensioners have been formulated.*

***Key words:** socio-psychological support; persons of retirement age; social activity; cognitive impairment; integration, resocialization.*

На протяжении всей своей истории наша страна обладала мощной армией (а благодаря усилиям Петра I в XVIII к ней присоединился еще и военный флот). В связи с чем, количество людей, непосредственно связанных с «охраной земель русских», защитой Отечества, поддержанием правопорядка, обеспечением жизнедеятельности войск было традиционно очень высоким [13, стр. 42-47; 20]. Сегодня российские военнослужащие успешно выполняют возложенные на них задачи, отстаивают геополитические интересы Российской Федерации, играют роль самого значимого противовеса НАТО [26, стр. 11; 27, стр. 1, стр. 2; 44, стр. 6].

Оказавшись на пенсии и обладая достаточно специфическими профессиональными навыками, мировоззренческими установками, особым жизненным опытом, представлениями о «сущем и должном» многие уволенные в запас россияне (привыкшие к жесткой дисциплине и к соблюдению общевоинских уставов Вооруженных Сил) испытывают растерянность, дискомфорт или даже выраженный стресс. Эти негативные состояния в буквальном смысле «выбивают» их из колеи, не позволяя быстро и надежно интегрироваться в социум, адаптироваться к быстроменяющимся условиям современного мира. В гражданской жизни военные пенсионеры, особенно ветераны боевых действий, ветераны Великой Отечественной войны (ВОВ), инвалиды периодически ощущают острую потребность в самоидентификации, а также в социально-психологическом сопровождении, в налаживании межличностных отношений, в правовой защите. И тогда на помощь пенсионерам приходят социальные работники.

В отечественном законодательстве четко прописаны те обстоятельства, которые способны ухудшить социальное положение российских граждан. Законодатель посчитал целесообразным выделить восемь таких «ориентиров», причем все они (в той или иной мере) могут иметь самое непосредственное отношение к лицам пожилого возраста и рассматриваться в качестве веского аргумента при решении вопроса о признании конкретного человека нуждающимся в социальном обслуживании [2; 21, стр. 118-122].

В реальной жизни детерминанты «личностного неблагополучия» нередко переплетаются, поэтому специалисту бывает трудно установить, что же конкретно вызвало дезадаптацию:

общесоциальные, микросоциальные воздействия или же всему виной неспособность пожилого человека (в силу возрастных особенностей) справиться с достаточно распространенными стресс-факторами [6, стр. 39-40].

Причинно-следственная обусловленность дезадаптации лиц пожилого возраста во многом связана не только с внешними факторами, но и с естественными биологическими изменениями, происходящими в организме. В контексте рассматриваемых нами вопросов следует говорить о появлении у человека качественно иных физиологических механизмов, поддерживающих достаточно «закрытый» (автономный, ограниченный и т.д.) режим существования. Кроме того, прослеживается постепенное угасание компенсаторных (приспособительно-восстановительных) функций, когнитивных способностей. Однако пессимистичный сценарий здесь явно неуместен [7, стр. 93-97; 10, стр. 47-49; 22, стр. 88-92]. Так, Ян Стюарт-Гамильтон, опираясь на собственные данные и результаты многочисленных работ коллег-геронтологов, констатировал: подавляющая часть лиц пожилого и старческого возраста (при соответствующем образе жизни) в состоянии распознавать предвестники своего неблагополучия и конструктивно на них реагировать, а также соответствовать требованиям социума, овладевать новыми знаниями, приносить пользу окружающим. В то же время автор уточнял, что «типичные» старческие изменения в центральной нервной системе обязательно носят дефицитарный характер, сужают и искажают восприятие действительности. И, наконец, автор абсолютно правильно подмечает: процессы социально-психологического, медико-биологического старения происходят одновременно, так как они взаимосвязаны (иными словами, имеют один, общий источник происхождения) [43, стр. 24-26]. Таким образом, наши наблюдения согласуются с выводами зарубежных коллег о том, что пожилые люди нередко демонстрируют социально-психологическую уязвимость, так как тех преимуществ, которыми обладают представители более молодых возрастных групп, они не имеют.

Согласно наблюдениям геронтологов, в XXI веке все чаще представители «серебряного возраста» нуждаются не просто в поддержке (моральной, финансовой и т.д.), а в профессиональном сопровождении в виде комплексной реабилитации (одним из этапов которой является

ресоциализация, которая, как правило, активно исследуется применительно к осужденным [3; 8; 11; 12; 24; 32; 36; 37]). Сегодня ресоциализационные мероприятия рассматриваются многими специалистами как наиболее значимые события в жизни пожилых пенсионеров с дезадаптивными проявлениями, а предоставление им оптимальных условий для продолжения общественно полезной и возможно даже трудовой деятельности оценивается как единственно верный путь для укрепления личностного потенциала и активизации когнитивных способностей. Кроме того, возможную эффективность и результативность комплексных ресоциализационных мер, ученые увязывают с ранней диагностикой (в широком смысле) и максимально быстрым вовлечением в реабилитационное пространство [40, стр. 54-56].

Анализ публикаций последних лет показывает, что тема поддержки старшего поколения становится все более популярной. Однако чем больше растет интерес к ней, тем больше появляется важных вопросов, на которые необходимо искать ответы: Какие проекты и программы поддерживать? Какие результаты хотим получить? Кто наши потенциальные партнеры? Возможно, что ответы даст сама жизнь. Так, по всей стране возникают и успешно функционируют структуры, непосредственно работающие с пожилыми людьми, взаимодействующие с органами власти, государственными организациями (социально-медицинской направленности), с институтами гражданского общества. Это площадки, аккумулирующие лучшие практики регионов, предоставляющие возможность обмена опытом и реализации совместных реабилитационных проектов. В своей работе участники используют технологии различных фондов, местных сообществ, ветеранских организаций, которые объединяют представителей разных секторов в решении насущных социальных вопросов. Добровольные объединения военных пенсионеров формируют у своих членов общее понимание жизненной перспективы (в плане реабилитации и реинтеграции), партнерства, конструктивного использования личностных ресурсов. Ориентированные на военных пенсионеров пожилого возраста НКО, «тиражируют» инновационные практики и технологии, ведущие к эффективным результатам.

Тема поддержки пожилых людей и повышения качества их жизни все чаще звучит не только в контексте государственной политики,

но и рассматривается в качестве наиболее приоритетной задачи для волонтерских организаций. Важнейшими условиями в решении этой проблемы является готовность НКО эффективно и на качественно ином уровне работать с пожилыми людьми, их возможность дополнить государственные услуги посредством создания партнерств на местном уровне и развития лучших практик, дающих сообществу возможность развивать услуги, удовлетворяющие местные нужды.

В тоже время нельзя не упомянуть о «болевых точках» социального сопровождения лиц «серебряного возраста». Так, некоторые организации ветеранов и инвалидов, которые созданы по инициативе государства, в силу разных причин ограничиваются крайне «скудным» перечнем направлений деятельности и не предлагают тот спектр услуг, который востребован в обществе. Как показывает практика, существует относительно небольшой перечень НКО, специалисты которых экспериментируют, применяют авторские технологии в работе с пожилыми людьми. К сожалению, в большинстве своем руководители ряда НКО не обладают достаточным опытом, действуют по наитию, не стремятся к информационному обмену с другими подобными организациями.

Обращаясь к опыту Санкт-Петербурга, следует отметить, что еще в начале 2000-х гг., специалисты, выступающие с конкретными инициативами (по социальной защите пожилых людей) начинали с изучения советского и зарубежного опыта, с апробации инновационных технологий, а затем переходили к внедрению лучших практик в работу социальных центров. Сегодня без преувеличений можно сказать, что в Северной столице работают серьезные организации с устоявшейся репутацией, которые ставят перед собой стратегически важные задачи с учетом запросов общества и государства.

В рамках существенного направления «восстановительной работы», раскрытия ресоциализационного потенциала военных пенсионеров пожилого возраста следует рассматривать приобщение к жизни религиозной общины.

Положительный эффект данного механизма проявляется в виде разнообразных видов деятельности: 1) участия в мероприятиях, нацеленных на просвещение и духовное совершенствование; 2) приобщения к оказанию помощи

прихожанам, к выполнению работ с целью обеспечения функционирования храма; 3) обеспечения более осмысленного взаимодействия пожилого человека с внешней средой.

В результате, пожилой человек, вовлекаясь в новую среду религиозной общины, как правило, дистанцируется от насущных проблем, прежних ошибок, начинает ощущать свою востребованность. Изменения в пенсионном возрастном хронотопе требуют обновления научного дискурса, разработки и уточнения представлений о социальных, социально-психологических условиях, механизмах и практиках реализации ресоциализационного потенциала специалистов в отношении военных пенсионеров пожилого возраста с целью оптимизации мер восстановительного воздействия.

Наше исследование будет неполным, если мы не выделим участников Великой Отечественной войны и приравненных к ним лиц, составляющих особую категорию пожилых людей, которые являются объектом пристального внимания и особой заботы государства. Согласно ч. 1 ст. 2 Закона РФ «О ветеранах», ветеранами Великой Отечественной войны являются лица, принимавшие участие в боевых действиях по защите Отечества или обеспечении воинских частей действующей армии в районах боевых действий; лица, проходившие военную службу или проработавшие в тылу в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов (далее – период Великой Отечественной войны) не менее шести месяцев, исключая период работы на временно оккупированных территориях СССР, либо награжденные орденами или медалями СССР за службу и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны [1].

Как правило, говоря о комплексном сопровождении участников ВОВ и приравненных к ним лицам, речь идет о социальном обслуживании, которое осуществляется по решению органов социальной защиты или соответствующих НКО. Социальное обслуживание данной категории граждан включает в себя широкий спектр социальных услуг медицинского, бытового, психологического, досугового и т.д. характера. Обслуживание включает в себя стационарные, полустационарные и нестационарные формы. Некоторые услуги могут оказываться в режиме онлайн [9, стр. 83-87; 29, стр. 204-219; 33, стр. 122-127].

Кроме того, не надо забывать о том, что героический опыт этих людей очень важен для патриотического воспитания российской молодежи [14; 30; 31; 34; 35; 39; 41; 42], а если они по состоянию здоровья имеют возможность участвовать в данной работе, то это не только бесценный фактор формирования патриотического сознания, но важный способ поддержания эмоциональной устойчивости и здоровья пенсионеров.

По данным отечественных авторов, органы социальной защиты населения и геронтологические службы уже несколько лет широко используют возможности искусственного интеллекта для анализа массивов данных о процессах старения, о наиболее важных аспектах жизнедеятельности лиц пожилого возраста. Системы искусственного интеллекта в буквальном смысле незаменимы при проведении регулярных крупномасштабных исследований, при онлайн-обучении и консультировании, при обосновании финансирования «затратных» инновационных проектов, при прогнозировании (общесоциальных процессов, медико-биологических изменений, происходящих в пожилом возрасте или же для уточнения возможных результатов реабилитации каждого конкретного получателя социальных услуг) [4, стр. 74-80; 5, стр. 127-130; 38, стр. 22-30].

Многие руководители социальных центров поддерживают инициативных сотрудников, студентов-практикантов, волонтеров, родственников получателей социальных услуг и т.д., стремящихся повысить компьютерную грамотность пожилых людей, ознакомить их с правилами информационной безопасности, «подключить» к сетевому общению. Подобные занятия, проходящие в игровой, непринужденной форме особенно востребованы у одиноких граждан. Со временем, после прохождения длительного курса психотерапии, клиенты говорят о своем «возрождении», о появлении исключительно доброжелательного, позитивного отношения к окружающему миру. Но и роль гаджетов в процессе реадaptации (с последующей ресоциализацией) может оказаться весьма и весьма заметной. Например, по мере восстановления своих сил и пробуждения интереса к жизни пожилые люди все чаще фиксируют мобильными устройствами яркие, «добрые», смешные и т.д. события. Сюжеты размещаются в интернете, «провоцируя» буквально шквал комментариев. Человек вовлекается в сетевую субкультуру близких по духу людей. Расширяется и

крепнет его круг общения, в котором заметную роль играют другие реабилитанты (т.е. люди, с которыми он познакомился в социальном центре и к которым испытывает доверие) [16, стр. 11-18; 17, стр. 182-189; 18, стр. 271-280; 19, стр. 48-51; 25, стр. 111-113; 28, стр. 13-16].

Активное участие лиц преклонного возраста (в том числе и военных пенсионеров) в «сетевом движении», в социально-политических («горизонтальных») структурах представляется многим ученым важным и перспективным.

Социальная сеть рассматривается как интерактивный многопользовательский сайт, смысловой контент которого наполняется его «посетителями интернета» (участниками сетевого обмена). Это чрезвычайно гибкая, социальная структура, состоящая из отдельных людей, организаций, групп, связанных между собой общими интересами и виртуальными взаимоотношениями. Причём эти связи развиваются стремительно, лавинообразно (но отнюдь не бесконтрольно). Ученые приводят несколько фактов, которые демонстрируют рост влияния социальных сетей в мире. Например, для достижения аудитории в 50 млн. человек радио понадобилось 38 лет, телевидению – 13 лет, интернету – 4 года, а социальные сети смогли «заполучить» сотни миллионов пользователей за несколько месяцев [23, стр. 14-20].

По некоторым данным, более 70% пожилых пенсионеров состоят в социальных сетях. Будучи активными «получателями информации», они резко увеличивают количество и качество производимых интернет-ресурсами знаний, что непосредственно влияет на общественное сознание, «архитектонику» виртуальной реальности и даже на характер принятия некоторых внутривнутриполитических решений [15, стр. 62-70; 45, стр. 53-59].

Основываясь на информации, приведенной в данной статье, сформулируем ряд наиболее значимых рекомендаций, которые обладают практической значимостью и могут быть использованы специалистами. Во-первых, представляется, что социальные технологии (нацеленные на преодоление дезадаптации военных пенсионеров пожилого возраста) должны располагать широким арсеналом социально-психологических средств (в т.ч. методик психотерапевтической, информационной, досуговой и т.д. направленности), позволяющих мотивировать человека к инициативному управлению своим состоянием, к более разумному использованию внутренних

ресурсов, к формированию активной жизненной позиции. Во-вторых, активность пожилого человека (как сложный социальный и психофизиологический феномен) следует рассматривать в качестве основной предпосылки его благополучия (или неблагополучия). В-третьих, об активной жизненной позиции в «серебряном возрасте» можно говорить лишь в том случае, если пожилой человек обладает интеллектуальными способностями и критическим мышлением, если он не просто осознаёт свои истинные потребности, но и рационально оценивает их, соотносит с интересами окружающих, с объективными обстоятельствами. В-четвертых, к основным направлениям социальной работы с военными пенсионерами пожилого возраста следует отнести:

1) оказание практической помощи в виде консультирования и решения психологических, семейно-бытовых, финансовых, медицинских проблем;

2) создание максимально комфортного реабилитационного пространства, позволяющего восстановить (насколько это возможно) утраченные ресурсы, укрепить волевые качества, «оперативно» приступить к выявлению и устранению деструктивных факторов;

3) поддержание высокого жизненного тонуса за счёт аутогенных и медитативных практик, физических упражнений, организации досуга, а также благодаря участию в иных реабилитационных мероприятиях.

Таким образом, подводя итог сказанному, сформулируем ряд наиболее существенных выводов:

1. Изменение социального статуса военных пенсионеров в старости вызванное, прежде всего, прекращением или ограничением трудовой деятельности, изменениями ценностных ориентиров, самого образа жизни и характера общения, возникновением затруднений в социально-бытовой, психологической адаптации к новым условиям, требует постоянного совершенствования реабилитационных подходов, поиска более совершенных форм и методов социальной работы с указанными категориями лиц. Полноценная жизнедеятельность многих пожилых военных пенсионеров невозможна без предоставления им различных видов помощи и услуг, соответствующих социальным потребностям широких слоев населения Российской Федерации.

2. Социально ориентированные НКО и

государственные структуры, оказывающие услуги в рамках комплексной реабилитации военным пенсионерам пожилого возраста должны быть нацелены на повышение качества жизни клиентов за счет проведения мероприятий восстановительного характера, связанных с просвещением, информационной безопасностью, общей девиктимизацией, повышением «финансовой грамотности», сохранением и поддержанием здоровья. Особое внимание следует уделять поддержке когнитивных механизмов, профилактике невротических расстройств, выравниванию эмоционального фона, формированию потребностей к участию в общественно полезной деятельности.

3. Процесс «запуска» (начала) и прогрессирования социальной дезадаптации военных пенсионеров пожилого возраста целесообразно

рассматривать в качестве динамичной системы взаимосвязанных факторов, действующих на индивидуальном, личностном и общесоциальном уровне. На индивидуальном уровне велика роль субъективных обстоятельств. Личностный уровень связан с ценностными установками пожилых граждан, с их потребностями, с направленностью интересов и т.д. На общесоциальном и социально-экономическом уровне первостепенную роль в процессе усиления или напротив, нейтрализации деструктивных факторов играют: как внешняя, так и внутривнутриполитическая обстановка, решения правительства, состояние экономики, способность органов власти своевременно реагировать на всевозможные вызовы, противоречия и конфликты, защищать жизнь и здоровье своих граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 3. – Ст. 168.
2. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 7007.
3. Абатуров А.И., Брылева Е.А., Сальников В.П. Ресоциализация и постпенитенциарный контроль осужденных-мигрантов как один из аспектов миграционной безопасности России // Миграционное право. – 2019. – № 3. – С. 34-38.
4. Абросимова Н.П. Актуальные вопросы социального обслуживания лиц пожилого возраста с целью их адаптации, ресоциализации и девиктимизации // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 74-80.
5. Абросимова Н.П. Социальное обслуживание лиц пожилого возраста в период пандемии COVID-19: приоритеты и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 7. – С. 127-134.
6. Абросимова Н.П., Таирова Р.С., Токмина О.Г. Частные технологии социальной работы с лицами, имеющими тяжелые множественные нарушения развития // Социальная работа: теория, методы, практика: Научно-методический сборник. Выпуск № 4: «Организация социального обслуживания инвалидов трудоспособного возраста в Санкт-Петербурге» / Под ред. А.Е. Зиминой, А. В. Сиппо, А.В. Трофимовой; научн. ред. Г.В. Колосова. – СПб.: СПбГБУ «ГИМЦ «Семья», 2021. – С. 39-52.
7. Архипова О.В. Особенности обучения в позднем возрасте // Отечественный журнал социальной работы. – 2020. – № 1 (80). – С. 93-99.
8. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.
9. Бистаякина Д.А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов великой Отечественной войны // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2013.- № 2 (22).- С. 83–95.
10. Бондаренко И.Н. Пожилые люди: общегуманитарный подход к старению населения и проблемы совершенствования социального обслуживания // Отечественный журнал социальной работы. – 2021. – № 2 (85). – С. 47-75.
11. Брылева Е.А. Реализация права на образование несовершеннолетними осужденными как эффективный инструмент ресоциализации // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 136-141.
12. Воронков К.И., Сальников П.П. Ретроспектива или эволюция роли государства в ресоциализации осужденных к лишению свободы в Российской Федерации? // Юридическая наука: история и современность. – 2017.

- № 7. – С. 117-119.
13. Ермолов В.А. Правители России и их роль в формировании вооруженных сил (XV – середина XIX в.) // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 4. – С. 42-47.
 14. Жизнь и победа Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика: Страницы биографии / Сост. В.А. Семенов. – СПб.: б.и., 2016. – 275 с.
 15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
 16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
 17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Современное подконтрольно-запрограммированное общество и право // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 182-194.
 18. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид-Гегель-Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467.
 19. Захарцев С.И., Литвинов Н.Д., Сальников В.П., Чернявский В.С. Искусственный интеллект в механизме развития человеческой цивилизации // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 47-73.
 20. Керсновский А.А. История русской армии в 4-х тт. Т. 1. – М.: Голос, 1992. – 304 с.
 21. Кирова А.А., Спиридонова М.А. Социальное обслуживание населения: современные аспекты правового регулирования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11 (4). – С. 118-122. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-11262
 22. Корчагина Л.М. Технология социальной работы с индивидуальным случаем пожилого человека (case-технология) // Отечественный журнал социальной работы. – 2020. – № 1 (80). – С. 88-92.
 23. Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. социальные сети как качественно новый фактор системной безопасности России в XXI веке // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 6 (51). – С. 14-23. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-14-23>
 24. Крайнова Н.А., Григорьева А.А. Некоторые вопросы реформирования уголовного судопроизводства сквозь призму ресоциализации осужденных // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 8. – С. 165-169.
 25. Краснова О. В. Воспоминания старых людей: рассказ историй, биография и терапия «лайф ревью» // Психология зрелости и старения. – 2002. – № 1 (17). – 111-125.
 26. Кудряшов К. Шкура неубитого медведя // Аргументы и факты. – 2022. – № 49. – С. 11.
 27. Латухина К. Все, что нужно армии // Российская газета. – 2022. – 26 октября. – № 242 (8890). – С. 1, С. 2.
 28. Лобода М. А. Старость должна быть активной // Работник социальной службы. – 2008. – № 5. – С.13-19.
 29. Павленок П.Д., Руднева М.Я. Технология социальной работы с различными группами населения: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 272 с.
 30. Первый и последний день войны: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны / Составитель и редактор И.Д. Ходанович. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 116 с.
 31. Потапов Ю.А. МВД России в лицах: Профессор Яков Михайлович Бельсон. К 100-летию со дня рождения // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 11-37.
 32. Ромашов Р.А. Пенитенциарная социализация и постпенитенциарная ресоциализация лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 181-194.
 33. Рубцов А. В. Концептуальная модель управления адаптацией в аспекте социальной геронтологии // Социальная политика и социология. – 2004. – № 1. – С. 122-127.
 34. Сальников В.П. Делать людям добро: профессору Ивану Федоровичу Покровскому исполняется 92 года. Художественно-документальное эссе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 16-73.
 35. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
 36. Сальников В.П., Захарцев С.И., Воронков К.И. Комплексная концепция субъектного состава ресоциализационных отношений // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 1. – С. 29-38. DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-29-38. DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-29-38
 37. Сальников М.В., Воронков К.И., Исмагилов Р.Ф. Роль и место создаваемой службы пробации в Российской Федерации на этапах ресоциализации осужденных // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 3 (44). – С. 23-28.
 38. Самофатова К.А. Матрица этапов и процессных инструментов в рамках организационно-управленческого механизма обеспечения услугами в системе долговременного ухода за пожилыми гражданами на основе

- государственно-частного партнерства // Социальная политика и социология. Т. 19. – 2020. – № 3 (136). – С. 22–32. DOI: 10.17922/2071-3665-2020- 19-3-22-32.
39. Семенов В. Последний герой Петербурга. Страницы биографии Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика // Нева. – 2021. – № 5. – С.158-183.
40. Сигида Е.А., Лукьянова И.Е., Суханов В.Г. Проблемы реабилитации: социальный и медицинский аспект // Социальная политика и социология. – 2006. – № 4 – С. 54-61.
41. Силкин Н.Н., Шелепова М.А. Воспитание патриотизма на примере героев Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 151-158.
42. Солдатами Победы гордится университет. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. – 40 с.
43. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. – СПб.: Питер, 2002. – 256 с.
44. Сухомлинов В. Непобедимые! // Литературная газета. – 2022. – № 12 (6826). – 23-29 марта. – С. 6.
45. Третьяков И.Л. Об использовании социальных технологий в сфере противодействия криминальной виктимности лиц пожилого возраста в правовом государстве // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 3. – С. 53-59.

КИРИЧЕНКО Артём Викторович,
магистрант кафедры информационной безопасности и компьютерного права Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Специальность 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки

НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

***Аннотация.** Раскрывается проблема распространения информации в социальных сетях, предлагаются пути потенциального правового регулирования существующих проблем и устранения пробелов в законодательстве. Также проводится анализ возможности применения искусственного интеллекта для модерирования информации в социальных сетях, а также необходимость введения идентификации пользователей. Актуальность исследования обусловлена сверхпопулярностью социальных сетей среди российских граждан, которые должны быть защищены от неправомерных действий по распространению информации, нарушающей закон.*

***Ключевые слова:** распространение информации; социальные сети; мессенджер; искусственный интеллект; модерация; идентификация; интернет-фильтр.*

KIRICHENKO A.V.

DIRECTIONS OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION DISSEMINATION IN SOCIAL NETWORKS

***The summary.** The article reveals the problem of information dissemination in social networks, suggests ways of potential legal regulation of existing problems and elimination of gaps in the legislation. The article also analyzes the possibility of using artificial intelligence to moderate information in social networks, as well as the need to introduce user identification. The relevance of the research is due to the excessive popularity of social networks among Russian citizens, which should be protected from the illegal actions of disseminating information that violates the law.*

***Key words:** information dissemination; social networks; messenger; artificial intelligence; moderation; identification; Internet filter.*

Социальные сети настолько плотно вошли в современную жизнь людей, что общение в интернете порой куда реальнее, чем в жизни. Согласно исследованиям Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) совместно с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), социальными сетями пользуются 97,6% опрошенных россиян, которые пользуются интернетом [25]. И стоит

сказать, что такого рода «цифровизация» общественной и социальной жизни человека неизбежна, в каких-то моментах удобна, но при этом содержит серьезные риски. Каждый пользователь социальных сетей каждый день встречается с угрозой, либо создает ее сам [9; 13; 14; 16; 20; 21; 23; 27]. Как и все плоскости общественной жизни, социальные сети стали объектом контроля со стороны государства, которое ввело

законодательные ограничения относительно деятельности людей в рамках цифрового пространства, что является разумным подходом и применяется по всему миру. На необходимость вмешательства государства в регулировании интернета обращает свое внимание А.С. Анисимова, говоря о том, что «несовершенство норм не позволяет в должной степени обеспечить свободу и контроль» [8, стр. 7]. О практической деятельности правоохранительных органов по контролю информационного пространства в интересах борьбы с преступностью пишут Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов и В.С. Овчинский [10; 11; 12; 15; 17; 18; 28; 29]. В данной статье мы сосредоточимся на проблемах распространения в социальных сетях информации, содержащей противоправные элементы.

Для целей статьи стоит ограничить круг исследуемого правового поля – не все интернет ресурсы по обмену информацией будут являться социальной сетью. В 2021 году с принятыми изменениями в Федеральный Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в закон было введено понятие социальной сети [6, ст. 1] – сайта, доступ к которому одновременно в течение суток имеют более пятисот тысяч пользователей, находящихся на территории РФ. А также был введен механизм признания интернет-ресурсов социальными сетями, ответственным за реестр стал Роскомнадзор.

Но помимо необходимого количества ежедневных посетителей стоит ввести еще один критерий разграничения – доступ неограниченного круга лиц. Так например, по заявлению Председателя Комитета по информационной политике, Александра Хинштейна [26], группы (чаты) в сервисе по обмену сообщениями (далее – мессенджер) WhatsApp не будут признаваться социальными сетями, так как доступ в эти чаты имеют ограниченное число людей.

Немного отличная ситуация происходит с мессенджером Telegram, данный ресурс был внесен в реестр социальных сетей еще в октябре 2021 года, однако осталось некоторое количество вопросов. Функционал указанного сервиса позволяет создавать каналы и групповые чаты. Канал – инструмент оповещения людей, позволяющий доставлять информацию тем людям, которые выразили свое согласие на получение какой-либо информации от выбранного источника,

путем подписки на него. Каналы, с сущностной точки зрения, являются в чистом виде социальной сетью, потому что обладают функционалом обмена сообщениями (разделом комментарии), медиафайлами, содержит механизмы оценки публикаций, а также способы поделиться различными публикациями. В свою очередь каналы делятся на публичные и закрытые. Доступ к публичным каналам может получить неограниченный круг лиц по опубликованному активному указателю страницы сайта в сети Интернет (далее также – ссылка), по доменному имени, а также через поиск среди всех публичных каналов. К частным каналам доступ осуществляется только по ссылкам-приглашениям, которые являются уникальными, но многообразными, что позволяет ограничить круг лиц, которые могут получить доступ к частному каналу. Однако нередко источник информации создается в формате закрытого канала, но ссылка-приглашение намеренно или ненамеренно попадает в общее информационное поле, что приводит к тому, что канал фактически становится общедоступным и не имеет реальных отличий от каналов публичного типа. Групповые чаты не попадают под критерий доступа неограниченного круга лиц (полностью аналогичный функционал чатов сервиса WhatsApp, которые не попадают под обязанность саморегуляции), однако должны администрироваться социальной сетью т.к являются ее составной частью. Несмотря на дифференциацию возможных средств опубликования информации, каждый ее элемент, за исключением личных переписок, должен контролироваться администрацией социальной сети в силу прямого указания закона на эту обязанность владельца социальной сети.

Указанный норматив обязывает все интернет-ресурсы, признанные социальными сетями, модерировать и удалять информацию, которая противоречит перечню, установленному соответствующим ФЗ [2, ст. 10.6]. Однако данный механизм, хоть и является эффективным и полезным, но полностью проблему не решает. Социальная сеть, под угрозой штрафов в процентном соотношении от выручки будет соблюдать установленные правила и ответственно выполнять свою обязанность по администрированию информации, однако список санкций, которые могут быть потенциально наложены социальной сетью очень скуден и не предполагает

реальной ответственности для виновных в распространении противоправной информации лиц. На данный момент функционал администрирования социальных сетей в виде основного средства, используемого для борьбы с правонарушителями, предусматривает блокировку аккаунта. При быстром реагировании администрации интернет-ресурсов данный метод вполне может быть эффективным, однако несет в себе 2 существенные проблемы: во-первых, скорость распространения информации в интернете настолько велика, что модераторы не всегда успевают удалить или заблокировать противоправный контент; во-вторых, данный механизм не предусматривает реальной персональной ответственности в соответствии с уголовным, административным или гражданским законодательством из-за того, что регистрация в социальных сетях может происходить под подложными именами, что делает невозможным предъявление обвинений лицам, непосредственно ответственным лицам. А следовательно делает возможность рецидива стремящейся к ста процентам.

На наш взгляд существует способы решения обозначенных проблем. Для преодоления трудности с администрированием можно использовать искусственный интеллект (далее – ИИ): «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма)» [5, ст. 2]. Более того такой опыт имеется, и довольно успешный, – все крупные зарубежные социальные сети используют ИИ для различных целей. Так Instagram* (запрещенная на территории РФ социальная сеть) использует ИИ для предупреждения пользователей в тех случаях, когда он пишет комментарий, нарушающий правила сообщества [19]. К аналогичной практике прибегала самая популярная в РФ социальная сеть ВКонтакте: алгоритмы, основанные на машинном обучении улавливали признаки оскорблений в комментариях, который пишет пользователь и уведомлял его о ненужности распространения агрессии. Вышеописанные механизмы имели целью лишь уведомительный характер, однако обучить ИИ удалению противоправной информации не составит труда. Также искусственный интеллект может анализировать данные пользователя социальной сети для принятия решений о его «благонадежности». Однако мы сталкиваемся

с законодательным ограничением – в соответствии Федеральным законом «О персональных данных» [3, ст. 16]: «Запрещается принятие на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы». Чтобы преодолеть данное ограничение необходимо получить письменное согласие субъекта персональных данных.

Следующий проблемой является сложность персонифицирования ответственности пользователей социальных сетей в силу регистрации их под ненастоящими именами или псевдонимами. Данная проблема должна решаться путем законодательной обязанности социальных сетей проводить обязательную верификацию пользователей. Проблему идентификации пользователей в интернете рассматривали В.Н.Середа и М.Ю.Середа в своей работе «Защита прав и свобод человека и гражданина в сети интернет» [24, стр. 42], однако проблематика идентификации пользователей социальных сетей лежит в другой плоскости.

В мировой практике биржевой и банковской деятельности распространено понятие «Знай своего клиента» (от англ. know your customer, сокращённо KYC). Данный механизм верификации подразумевает обязанность пользователя предоставить о себе разумно-необходимые данные, а также подтвердить их документом государственного образца. Видится разумным распространить такую процедуру на пользователей социальных сетей с целью пресечения случаев, в которых распространение неправомерной информации в социальных сетях остается безнаказанным. В российском праве уже существует механизм идентификации – Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» обязывает организацию осуществляющую операции с денежными средствами или иным имуществом проводить идентификацию клиента: «в отношении физических лиц – фамилию, имя, а также отчество (если иное не вытекает из закона или национального обычая), гражданство, дату рождения, реквизиты документа, удостоверяющего личность, данные документов... в отношении юридических лиц – наименование, организационно-правовую форму,

идентификационный номер налогоплательщика или код иностранной организации, сведения об имеющихся лицензиях на право осуществления деятельности, подлежащей лицензированию, доменное имя, указатель страницы сайта в сети «Интернет», с использованием которых юридическим лицом оказываются услуги ...» [1, ст. 7]. Данный механизм относится к финансовым и имущественным операциям, однако следует экстраполировать данную практику на отношения социальная сеть – пользователь, что позволит правоохранительной системе получать информацию о лицах, ответственных за совершение правонарушений по распространению информации в социальных сетях.

Необходимость идентификации пользователей стала особенно явной в нынешнее время. Принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7], который также известен в массах как «Закон о фейках», в который раз выявило проблему отсутствия механизма персонификации ответственности. Первый заместитель председателя комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству Ирина Панькина высказалась следующим образом: «С началом Специальной военной операции в сети активизировались сотни тысяч ботов, распространяющих ложные сведения, развязалась полномасштабная информационная война против нашей страны, президента, Вооруженных сил, которые отстаивают правду и права россиян» [22]. Основным «полем боя» для информационной войны стали социальные сети в силу своей сверх популярности и для эффективной работы соответствующих нововведенных норм, устанавливающих ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, необходимо точное установление причастных лиц, что в реалиях социальных сетей возможно исключительно посредством идентификации. Именно в таких условиях появляется четкое

понимание, что процедура идентификации пользователей нужна в том числе и для того, чтобы защищать не только интересы отдельно взятых людей, но и всего общества и страны в целом.

Необходимо также обратить особое внимание на наиболее уязвимый слой населения – несовершеннолетних. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [4, ст 14] регламентирует особенности распространения информации посредством сети интернет, однако не имеет положений, относящихся к социальным сетям. Законодателю стоит рассмотреть возможность введения обязанности для социальных сетей по созданию интернет-фильтра для несовершеннолетних, который бы позволил оградить детей и подростков от информации, нежелательной для соответствующих возрастных групп, опять же путем идентификации. На данный момент возможна регистрация аккаунтов с указанием любых данных, что позволяет несовершеннолетним создавать аккаунты, которые не будут иметь никаких ограничений по просмотру разного вида информации.

Подводя итог, стоит сказать, что основная проблема, связанная с распространением информации в социальных сетях кроется в отсутствии механизма персонификации ответственности правонарушителя. С помощью предложенного инструмента идентификации пользователей социальных сетей может быть реализован механизм привлечения ответственных лиц к уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности. Также стоит законодательно принудить социальные сети ввести интернет-фильтр, содержащий механизм идентификации и ограничивающий предоставляемую несовершеннолетним пользователям информацию. С учетом дальнейшего роста популярности социальных сетей среди российских граждан, а также постепенным поглощением социальными сетями других средств массовой информации, видится целесообразным реализовать предложенные меры по решению проблемы распространения информации в социальных сетях.

Список литературы

1. Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации

- Федерации. - 2001. - № 33 (Часть I). - Ст. 3418.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (часть I). - Ст. 3448.
 3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрании законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (часть I). - Ст. 3451.
 4. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрании законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 1. - Ст. 48.
 5. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 17. - Ст. 2701.
 6. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300062>.
 7. Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 10. - Ст. 1389.
 8. Анисимова А.С. Современное общество и интернет: проблемы правового регулирования // Юридическая наука. - 2015. - № 1. - С. 5-9.
 9. Бастрыкин А.И. Пора поставить действенный заслон информационной войне // Власть. - 2016. - № 15. - 18 апреля. - С. 20.
 10. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Киберполиция XXI века. Международный опыт. - М.: Международные отношения, 2020. - 288 с.
 11. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция / Вступ. статья А.Л. Кудрина. - М.: Международные отношения, 2020. - 448 с.
 12. Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С. Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие: Монография / Вступ. ст. О.В. Храмова. - М.: Норма, 2022. - 184 с. DOI 10.12737/1864981.
 13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. - 2018. - № 1(17). - С. 62-70.
 14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 8. - С. 11-19.
 15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Кибермафия как угроза нормальному человеческому существованию: рецензия-размышление по поводу монографии «Мировые тенденции и международное противодействие» // Юрист-Правовед. - 2022. - № 3(102). - С. 215-220.
 16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и справедливосудия // Информационное право. - 2020. - № 3(65). - С. 9-15.
 17. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. COVID-19 и борьба с ним. Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции // Государство и право. - 2021. - № 10. - С. 254-259. DOI: 10.31857/S102694520017278-6.
 18. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Важно и срочно. Вышла книга о преступности в период пандемии и мировом сообществе. Рецензия на монографию Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. статья А.Л. Кудрина. - М.: Международные отношения, 2020. - 448 с.» // Юридическая наука: история и современность. - 2021. - № 6. - С. 182-190.
 19. Как искусственный интеллект используется в социальных сетях // Российская Газета. - 2020 - 02 ноября.
 20. Краснова Г.В., Марков А.А. Интернет как актуальная угроза информационной безопасности личности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. - 2018. - № 2(110). - С. 102-109.
 21. Марков А.А. Связи с общественностью в защите имиджа от негативной информации СМИ (в аспекте информационной безопасности личности и организации). - СПб.: РГГМУ, 2009. - 156 с. : ил.
 22. Панькина Ирина: Закон о фейках – предупреждающий сигнал о том, как нельзя действовать // Российская Газета. - 2022 - 27 июля.
 23. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. - 1999. - № 1. - С. 26-27.
 24. Серeda В.Н., Серeda М.Ю. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет. - Воронеж: Научная

книга, 2013. – 252 с.

25. Социальными сетями пользуются 97,6% россиян // <https://raec.ru/live/branch/13621/>
26. Соцсети с 1 февраля обязали блокировать запрещенный контент // Российская Газета. – 2020. – 23 декабря.
27. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
28. Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S. COVID-19: Crime, Cibersecurity, Society, Police / Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S.Ovchinsky; Foreword by A.L. Kudrin. – М.: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2020. 392 p.
29. Zhdanov Yu.N., Ovchinsky V.S. Cyber Police of the 21th century, International Experience / ed. S. Kuznetsov. – Moskow: International Relations, 2020. – 248 pages.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,

доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: V. V.i.i@inbox.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, Государственный советник юстиции 1 класса (г. Москва, Россия)

E-mail: inkondrat@mail.ru

МАТВЕЕВА Владлена Витальевна,

факультет подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vladlena10112002@mail.ru

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

***Аннотация.** Рассмотрено правовое регулирование вопросов, связанных с рассмотрением сообщений о преступлениях, установленное нормами УПК РФ и ведомственными правовыми актами. Признавая сообщение о преступлении поводом к возбуждению уголовного дела, законодатель определяет порядок их учета и регистрации. Анализируются проблемы, связанные с регистрацией и рассмотрением сообщений о преступлениях.*

***Ключевые слова:** сообщение о преступлении; УПК РФ; учетно-регистрационная дисциплина; КУСП; процессуальная проверка.*

BEZRYADIN V. I.

KONDRAT I.N.

MATVEEVA V. V.

ACTUAL PROBLEMS OF RECEPTION, REGISTRATION AND CONSIDERATION OF CRIME REPORTS

The summary. The article discusses the legal regulation of issues related to the consideration of reports of crimes, established by the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and departmental legal acts. Recognizing a report of a crime as a reason for initiating a criminal case, the legislator determines the procedure for their registration and registration. The article analyzes the problems associated with the registration and consideration of reports of crimes.

Key words: crime report; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; accounting and registration discipline; CUSP; procedural verification.

Сообщение о преступлении, выступая процессуальным поводом к возбуждению уголовного дела, по своей сути является отправной точкой для осуществления всех процессуальных действий, связанных с началом доследственной проверки, а возможно, и возбуждением уголовного дела [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 16].

Как известно, статистические данные свидетельствуют о неуклонном росте сообщений о преступлениях, поступающих в органы предварительного следствия и дознания. Так за первое полугодие 2014 года органами внутренних дел по России зарегистрировано и рассмотрено 16,81 миллиона заявлений (сообщений) о преступлениях, что на 4,5 процента больше, чем за аналогичный период 2013 года. Почти по каждому семнадцатому сообщению (5,9 процента) принято процессуальное решение о возбуждении уголовного дела [18]. Следует отметить, что органами Следственного комитета РФ в первом полугодии 2014 года рассмотрено 452820 сообщений о преступлениях. По результатам их рассмотрения возбуждено 75028 уголовных дел [19].

Все это свидетельствует о тенденции роста числа сообщений о преступлениях, в том числе обращений граждан, содержащих сведения о готовящихся либо совершенных в отношении их противоправных деяний, содержащих признаки преступлений, поступающих из органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, материалов о преступной деятельности отдельных лиц.

Первичной правовой основой рассмотрения сообщения о преступлении как уголовно-процессуального института являются ст.ст. 33 и 52 Конституции РФ и ст. ст. 140-145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Вторичной правовой базой, которой определяется процессуальный порядок приема,

регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, являются подзаконные акты, разработанные и введенные в действие заинтересованными правоохранительными ведомствами. К числу таких актов относятся совместный Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений», содержащий Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях [4], Приказ Следственного комитета РФ от 11.10.2012 № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» [6], Приказ МВД России от 01.03.2012 № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [5], а также ряд других.

Как видно, что в соответствии с нормативным определением, установленном в п. 43 ст. 5 УПК РФ, сообщением о преступлении признается заявление о преступлении, явка с повинной либо рапорт об обнаружении признаков преступления [15, стр. 247-251]. Порядок проведения процессуальной проверки сообщений о преступлении, являясь фактически самостоятельной первичной стадией уголовного процесса, законодателем урегулирован в главе 19 «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела» УПК РФ. В ст. 140 УПК РФ в качестве поводов

к возбуждению уголовного дела, помимо обозначенных трех видов сообщений о преступлении, законодателем названы постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, выносимое им в порядке, установленном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по результатам так называемой общенадзорной проверки.

В целом по субъектному составу заявителей о преступлении законодатель не устанавливает ограничений. Так, сообщить о совершенном преступлении может любое лицо независимо от нарушения его субъективных прав в результате совершенного либо предполагаемого преступления. Вместе с этим в отдельных случаях законодателем установлено исключительное право инициирования уголовного преследования о налоговых преступлениях лишь представителями налоговых органов РФ (ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ). Такое ограничение было введено законодателем в связи с принятием Федерального закона от 06.12.2011 г. № 407-ФЗ в рамках государственной политики, направленной как на общую либерализацию уголовного законодательства в целом, так и на создание более благоприятного инвестиционного климата в стране. Основной задачей данной нормы является ограждение российского бизнеса от чрезмерного административного давления, связанного со злоупотреблениями со стороны конкурентов при регулярном инициировании необоснованных проверок, направленных на дестабилизацию деятельности предприятий, в том числе путем подачи заявлений о совершении налоговых преступлений. Вместе с этим уже спустя два года Президент Российской Федерации В.В. Путин внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона, направленного на отмену такого ограничения и дающего право любому заинтересованному лицу, помимо налогового органа, включая подразделения экономической безопасности органов внутренних дел, органы федеральной службы безопасности, направлять в органы Следственного комитета РФ сообщения о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198-199.2 УК РФ, которые вновь будут являться допустимым поводом к возбуждению уголовного дела. Хочется заметить, что данный законопроект уже успел пройти процедуру первого чтения [3]. С другой стороны, законодатель,

отказываясь от нормативного сужения круга субъектов инициирования уголовного преследования, Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], дополняющим УК РФ ст. 172.1, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации, устанавливает, что инициирование уголовного преследования за совершение данного преступления относится к исключительной компетенции Центрального банка РФ, а также конкурсного управляющего (ликвидатора) финансовой организации.

Наряду с поводом другим обязательным условием к возбуждению уголовного дела, по мнению законодателя, является основание, связанное с наличием достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ на дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа федеральный законодатель возлагает обязанность по приему и проверке сообщений о любых совершенных либо готовящихся преступлениях. По результатам проведенной проверки принимается процессуальное решение о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче сообщения по подследственности либо в суд (по делам частного обвинения).

Обеспечение учетно-регистрационной дисциплины, связанной с приемом, регистрацией, проверкой и рассмотрением сообщений о преступлениях, осуществляется на основании ведомственных нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственные функции в сфере уголовного судопроизводства, органов Следственного комитета РФ и Генеральной прокуратуры РФ.

Контроль соблюдения учетно-регистрационной дисциплины носит как внутриведомственный (руководителями правоохранительных органов и специально созданными подразделениями процессуального контроля (например, органы Следственного комитета РФ)), так и внешний (обеспечивается силами прокурорского надзора, осуществляемого Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами) характер.

Важное значение имеет регистрация сообщений о преступлениях, одной из задач которой является недопустимость укрытия преступлений

от учета.

Так, в соответствии с п. 16 Типового положения «О едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», утвержденного Приказом Генеральной прокуратуры РФ № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений», должностное лицо, правомочное или уполномоченное принимать сообщения о преступлениях, обязано принять меры к незамедлительной регистрации принятого сообщения в книге регистрации сообщений о преступлениях (КУСП). Вместе с тем при наличии причин, препятствующих незамедлительно сдать на регистрацию сообщение о преступлении (например, в связи со значительной удаленностью от места регистрации, стихийным бедствием, непогодой и т.п.), регистрация такого сообщения в вышеуказанной книге может быть осуществлена на основании информации, переданной (полученной) по различным каналам связи.

Книга регистрации сообщений считается документом строгой отчетности и хранится в органе, в котором она велась, не менее трех лет с момента регистрации в ней последнего сообщения о преступлении. При этом в соответствии с пп. 4 п. 5 данного Положения любое сообщение, сведения о котором не внесены в регистрационные документы и которому не присвоен соответствующий регистрационный номер, следует признать укрытым от регистрации независимо от причин, по которым сообщение не было зарегистрировано.

В соответствии с требованиями п. 12 Типового положения «О едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», п. 15 Приказа СК России от 11.10.2012 № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» должностное лицо, принявшее сообщение о преступлении, обязано выдать заявителю под роспись на корешке уведомления документ о принятии этого сообщения (талон-уведомление) с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия. При этом обязанность выдачи

талона-уведомления не зависит от того, было ли заявление о преступлении письменным либо устным.

Таким образом, уголовно-процессуальный институт регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях характеризуется такими принципами, как:

- обязательность приема сообщения о преступлении;
- своевременная регистрация в КУСП соответствующего правоохранительного органа с присвоением ему соответствующего регистрационного номера;
- соблюдение установленных ст. 144 УПК РФ процессуальных сроков принятия соответствующего процессуального решения, определенного ст. 145 УПК РФ;
- своевременное направление копии процессуального решения прокурору и заинтересованным лицам в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 148 УПК РФ (в течение 48 часов);
- законность, обоснованность и мотивированность процессуального решения и полный объем проверочных действий.

Проведение процессуальной проверки определено следующими этапами:

- принятие сообщения о преступлении либо составление протокола принятия устного заявления или явки с повинной, либо составление должностным лицом правоохранительного органа рапорта об обнаружении признаков преступления;
- регистрация сообщения о преступлении в КУСП;
- проведение проверки путем выполнения проверочных действий, определенных ч. 1 ст. 144 УПК РФ;
- принятие процессуального решения в порядке, установленном в ст. 145 УПК РФ;
- осуществление руководителем правоохранительного органа процессуального контроля за законностью и обоснованностью принятого решения и принятие в случае необходимости мер реагирования, вытекающих из ст. ст. 39, 40.1, ч. 6 ст. 148 УПК РФ;
- проверка законности принятого решения прокурором и реализация им полномочий, предусмотренных ст. 37, ч. 4 ст. 146 и ч. 6 ст. 148 УПК РФ.

К сожалению, проанализированные нормативные положения не позволяют в достаточной мере четко разграничить понятие «сообщение о преступлении» и иное обращение, не требующее проведения процессуальной проверки. Так, в соответствии с п. 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета РФ, утвержденной Приказом СК России от 11.10.2012 г. № 72, заявления и обращения, которые не содержат сведения об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, не подлежат регистрации в КУСП и не требуют процессуальной проверки в порядке, предусмотренном ст. ст. 144, 145 УПК РФ. В случае поступления указанного заявления, обращения от гражданина талон-уведомление заявителю не выдается. В ответе по существу такого обращения указываются конкретные обстоятельства, подтверждающие отсутствие предусмотренных УПК РФ оснований для проведения соответствующей процессуальной проверки.

Данная позиция находит подтверждение и в решениях Верховного Суда РФ от 22.11.2013 г. № АКПИ13-975, от 10.02.2014 г. № АКПИ13-1285, от 22.04.2014 г. № АПЛ14-151 [17], а также в Определении Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 г. № 682-О [7], в которых признана правомерность оставления без регистрации заявлений, не содержащих признаки преступления.

Вместе с этим недопустим необоснованный

отказ в приеме заявления о преступлении, его невнесение в установленном порядке в книгу регистрации сообщений о преступлениях, а также необоснованный отказ в выдаче заявителю талона-уведомления о принятии и регистрации этого заявления.

Вопрос, связанный с оценкой наличия в заявлении данных, свидетельствующих о совершении преступления, в ряде случаев остается нерешенным в правоприменительной практике, поскольку при первоначальном изучении поступившего сообщения о преступлении руководитель следственного органа не всегда может объективно установить в полном объеме сущность изложенных в поступившем заявлении обстоятельств. Примером могут служить сообщения о неправомерных действиях сотрудников органов государственной власти, в которых содержится косвенное упоминание о фактах коррупции, злоупотреблении властью, однако конкретных данных, свидетельствующих о совершении преступления, не содержится.

Кроме того, в настоящей статье рассмотрены ситуации, когда поводом к возбуждению уголовного дела могут являться сообщения, поступающие лишь от определенных субъектов. В таком случае нерешенным остается вопрос, подлежат ли регистрации сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 198 – 199.2 или ст. 172.1 УК РФ, поступившие от иных лиц, а не от лиц, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, и требуют ли такие сообщения процессуальной проверки.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 21.07.2014 № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30. – Ст. 4219.
3. Проект Федерального закона № 357559-6 «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (в редакции, принятой ГД ФС РФ в первом чтении 10.12.2013) // www.duma.gov.ru.
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – № 5.
5. Приказ МВД России от 01.03.2012 № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений,

- сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. – 2012. – № 174.
6. Приказ СК России от 11.10.2012 № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации) // Российская газета. – 2013. – № 48.
 7. Определение КС РФ от 20.03.2014 № 682-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Худяковой Д.О. на нарушение ее конституционных прав положениями статей 144 и 145 УПК РФ и пункта 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» // ИПП «ГАРАНТ»: <https://base.garant.ru/70642170/>
 8. Александров Р.А., Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Роганов С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: самостоятельна ли она в уголовном процессе? // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 83-88.
 9. Васильев Ф.Ю. Возбуждение уголовного дела по российскому законодательству. Лекция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 11. – С. 104-114.
 10. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК РФ: Учебное пособие для вузов МВД России. – М.: Главное управление кадров МВД России, 2002. – 51 с.
 11. Захарцев С.И. Возбуждение уголовного дела. – СПб., 2003.
 12. Михайлов Д.О., Плеснёва Л.П. Некоторые проблемы производства проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 7. – С. 108-112.
 13. Пироговский И.Г. Закрепление информации о преступлении: система поводов к возбуждению уголовного дела // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 117-133.
 14. Пироговский И.Г. Информация о преступлении и возбуждение уголовного дела // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 105-118.
 15. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
 16. Усачев А.А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2003. – 22 с.
 17. Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://www.vsrfr.ru>.
 18. Официальный сайт МВД России: <http://www.mvd.ru>.
 19. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации: <http://www.sledcom.ru>.

ГВАЙ Анна Максимовна,

следователь Следственного отдела Отдела МВД России по району Южное Тушино (г. Москва, Россия)

E-mail: Gvayanna88@gmail.com

Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ КАК НАКАЗАНИЯ ЗА УБИЙСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Исследуется история назначения наказания в виде смертной казни за совершение преступлений против жизни в России. Обосновывается необходимость возвращения смертной казни в качестве наказания за убийства. Показывается, что возвращение смертной казни соответствует целям наказания в уголовном праве, а именно: восстановлению социальной справедливости и предупреждению совершения нового преступления данным лицом и другими лицами. Приводится опыт зарубежных стран, в которых смертная казнь сохранена.*

***Ключевые слова:** уголовное право; убийство; уголовная ответственность; смертная казнь.*

GUAY A.M.

THE EXPEDIENCY OF RETURNING THE DEATH PENALTY AS A PUNISHMENT FOR MURDER IN THE RUSSIAN FEDERATION

***The summary.** The history of the imposition of the death penalty for crimes against life in Russia is studied. The necessity of returning the death penalty as a punishment for murders is substantiated. It is shown that the return of the death penalty corresponds to the goals of punishment in criminal law, namely: the restoration of social justice and the prevention of the commission of a new crime by this person and other persons. The experience of foreign countries in which the death penalty has been retained is given.*

***Key words:** criminal law; murder; criminal liability; the death penalty.*

Применение смертной казни является одним из самых обсуждаемых вопросов во многих странах мира. Проблемы правосудия и восстановления социальной справедливости были и остаются одними из важнейших для общества. По нашему мнению, смертная казнь является одним из институтов, способных стать решением в этой ситуации. Так, следует обратиться к действующему законодательству Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Учитывая тему

предлагаемой статьи, повышенного внимания заслуживают первая и третья цели. Право, закон и справедливость всегда шествовали совместно и рядом в мировой истории [16; 17; 18]. Во всяком случае, для общества всегда было крайне важно справедлив ли закон и какова реакция государства на его нарушение – справедлива ли? Мыслители также постоянно обращали и обращают внимание сегодня на проблему соотношения права и справедливости.

Данная статья посвящена в первую очередь истории создания и развития данного института как наказания за убийство в России, а также ей предшествовало изучение зарубежной практики

для того, чтобы попытаться понять значимость смертной казни как вида наказания. Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что на протяжении всей истории русского государства такая казнь за убийства была неотъемлемой частью уголовного законодательства. Даже несмотря на то, что от наказания в виде смертной казни отказывались несколько раз, через некоторое время всегда к нему возвращались. Именно названный вид наказания способствовал предотвращению совершения новых преступлений, ведь люди знали о возможности его применения и боялись совершать убийства и иные особо тяжкие преступления. Именно страх перед строгим законом всегда был и остается важнейшим сдерживающим фактором. Исследователи любят писать, что жизнь – самое ценное благо, которое есть у человека, а страх смерти – серьезный барьер для преступления. Наверное, это утверждение истинно. Вероятнее всего, есть все основания к выводу о том, что приведенная ситуация характеризует нашу отечественную российскую государственно-правовую идеологию как особенную [1; 3; 11; 15; 30; 37; 39], а русскую философию права – как суверенную [19; 25; 26; 35; 36; 38; 43].

Прообразом смертной казни в древних государствах являлась кровная месть. Она возникла как обычай задолго до появления первых государств, была распространена повсеместно. Кровная месть представляла собой наиболее эффективное средство защиты личности. Она основывалась на принципе справедливости и неотвратимости наказания. В обычном праве принцип справедливости был основополагающим, наказание должно было быть соразмерным совершенному преступлению. В дальнейшем с развитием государства оно взяло на себя функции применения смертной казни, а потом и отправления правосудия. Например, в документах Древней Руси, в тексте договора с Византией, датированного 911 годом, было сказано буквально следующее: «Если русин убьет христианина или христианин убьет русина, он умрет на месте, где совершил убийство. Если же убийца скроется и у него окажется имущество, то ближайший родственник убитого получит часть этого имущества. Если же скрывшийся убийца не имеет имущества, он остается под судом, а после розыска подлежит смерти» [2]. В 944 году положения названного договора были уточнены, в том

числе в части ответственности за совершение убийства. Теперь наказанием за убийство была кровная месть. Таким образом, данным договором было установлено, что только кровные родственники убитого могли исполнить наказание за совершение данного преступления.

Дальнейшее развитие законодательства об ответственности за совершение убийства связано с «Русской правдой», согласно которой основным наказанием за это преступление была кровная месть. Только в случае отсутствия лиц, которые могли бы отомстить за убитого, с виновного лица полагалось взыскать денежный штраф. Позднее «Русская правда» Ярославичей запретила кровную месть в качестве наказания и предусматривала наказание в виде различных денежных взысканий. Самый большой размер штрафа – 80 гривен – был установлен за убийство человека из княжеской свиты. За убийство горожан и купцов была установлена вира в 40 гривен. Смерть холопа или смерда оценивалась всего в 5 гривен. В данном случае можно заметить, что наказание зависело от социального статуса убитого лица.

В соответствии с Судебником 1497 года убийство называлось «душегубством». За его совершение виновное лицо могло быть казнено или с него мог быть взыскан денежный штраф [42]. Текст Судебника 1550 года в базовых параметрах повторял предшествующий ему документ. Особо выделяет данный источник квалифицированные виды исследуемого преступления, такие как убийство своего господина и разбойное убийство. Особенностью Судебника 1550 года в рассматриваемой части является установление ответственности за совершение убийства преимущественно в виде смертной казни. Имущественные санкции преступления данного вида стали носить второстепенный характер. Таким образом, можно говорить о том, что законодатель пришел к выводу, что нет более эффективного с точки зрения восстановления социальной справедливости наказания, а что еще более важно, предотвращения совершения новых убийств, чем смертная казнь.

С 1649 года, когда было принято Соборное Уложение, стало наказываться так называемое «случайное убийство», то есть причинение смерти по неосторожности. Кроме того, уложение детально рассмотрело отдельные составы убийств и наказание за них. Более подробно в Уложении были закреплены квалифицирующие

признаки убийства. Наиболее распространенным видом наказания являлась смертная казнь, второстепенно предусматривалось применение телесных наказаний, штрафов. Обратим внимание, что именно смертная казнь продолжает оставаться основным видом наказания за убийства, поскольку опять же нет более эффективного способа предупредить совершение новых преступлений. В Уложении также впервые было предусмотрено понятие необходимой обороны. Кроме того, Соборное уложение 1646 года выделяло такую форму соучастия в совершении убийства как подстрекательство. В данном случае оба лица наказывались смертной казнью. Действия Соборного уложения 1649 года распространялись и в период правления Петра I, также в некоторых случаях на граждан распространялись положения Артикула воинского и Морского устава. В соответствии с воинским Артикулом за совершение простого убийства виновное лицо подвергалось смертной казни посредством отсечения головы. За совершение квалифицированного убийства виновное лицо колесовали. Убийствами с отягчающими обстоятельствами были убийства по найму, из корыстных побуждений. Впервые было установлено наказание в виде смертной казни за причинение смерти в ходе дуэли.

Первый раз применение наказания в виде смертной казни было приостановлено при Елизавете Петровне. Так, 07 мая 1744 года был издан указ, согласно которому все дела, по которым планировалось избрание данного вида наказания, должны были направляться в Сенат для детального их изучения, а до получения соответствующих распоряжений приговоры в действие приводить запрещалось. После чего, в Сенат было направлено огромное количество таких дел, однако, они остались без рассмотрения. Через 10 лет, а именно 30 сентября 1754 года был издан Сенатский указ, в соответствии с которым все наказания в виде смертной казни необходимо было заменить на ссылку, при этом, виновных лиц следовало подвергнуть наказанию кнутом и клеймить словом «вор». После ухода Елизаветы Петровны в мир иной, смертная казнь снова стала применяться, однако в только в самых исключительных случаях. Стоит отметить, что необходимость смертной казни отмечали многие российские императоры. Например, Николай II в письме адмиралу Ф.В. Дубасову, ходатайствовавшему о помиловании преступника, покушавшегося на

жизнь адмирала и приговоренного к казни ответил: «С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может. Вы Меня знаете, я незлобив: пишу Вам совершенно убежденный в правоте моего мнения. Это больно и тяжело, но верно, что к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит моря крови и уже предотвратила» [32].

12 марта 1917 года смертная казнь была отменена Временным Правительством. Стоит обратить внимание, что данное решение было в первую очередь политическим, предполагалось, что именно благодаря этому отношение народа к власти станет лучше. Однако, желаемого эффекта добиться не удалось. Как пишет С. В. Жильцов, «амнистия не только политических заключенных, но и уголовных преступников привела к резкому увеличению совершения числа опасных уголовных преступлений». В связи с чем, уже 12 июля 1917 г. применение данного вида наказания было восстановлено за преступления, совершенные на фронте: убийство, разбой, измену, предательство, дезертирство [6, стр. 37]. Но уже 28 сентября 1917 г. Временное правительство вновь приостановило применение смертной казни «до особого распоряжения» [41]. После Октябрьской революции Декретом II Всероссийского съезда Советов от 28 октября 1917 года смертная казнь на фронте снова была отменена. Стоит обратить внимание, что на практике данная мера наказания продолжала применяться. Таким образом, снова можно говорить о том, что такое решение было принято из политических соображений. И уже 21 февраля 1918 года применение смертной казни было официально восстановлено.

На начальном этапе советской власти ответственность за совершения преступлений против жизни была противоречива. Первый уголовный кодекс РСФСР был принят в 1922 году. Этот документ стал своего рода моделью для аналогичных документов правового характера в будущем. Нормы о преступлениях против жизни были сосредоточены в гл. 5 УК РСФСР 1922 года. Указанные нормы были разделены на пять групп, каждая из которых имела соответствующий подзаголовок. Убийствам была посвящена первая группа. В состав статей данной группы входили нормы, устанавливающие ответственность за следующие виды убийств:

- квалифицированное убийство;
- простое убийство;

- убийство, совершенное под влиянием сильного душевного волнения.

В УК РСФСР 1922 года были предусмотрены следующие отягчающие ответственность за убийство обстоятельства:

- убийство, совершенное способом, опасным для жизни большого количества людей;
- совершение убийства особо мучительным для потерпевшего способом;
- убийство, совершенное с использованием беспомощного положения потерпевшего;
- убийство из корыстных побуждений;
- убийство из ревности и других низменных побуждений;
- убийство, совершенное для облегчения или сокрытия другого тяжкого преступления;
- убийство, совершенное лицом, которое было обязано заботиться о потерпевшем.

Особенностью УК РСФСР 1922 года была мягкость санкций. Например, за совершение простого убийства виновное лицо могло получить наказание в виде лишения свободы на срок от трех лет со строгой изоляцией. За совершение квалифицированного убийства минимальный срок наказания составлял восемь лет лишения свободы. При этом предельный срок лишения свободы составлял всего десять лет. Смертной казни за убийство вообще не было.

Второй уголовный закон советского периода – Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, почти полностью сохранил систему и признаки составов против жизни. Но при этом имелись некоторые особенности, касающиеся внутренней структуры документа. Так, глава о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности теперь не была разделена на группы. Также была установлена уголовная ответственность за доведение до самоубийства. Кроме того, произошло снижение размера санкций за совершение всех преступлений против жизни. Например, за совершение квалифицированного убийства могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до десяти лет.

26 мая 1947 году был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.05.1947 «Об отмене смертной казни», которым это наказание было признано не применяющимся в мирное время. Высшей мерой наказания стало заключение в трудовом лагере на 25 лет. В данном случае отмену смертной казни можно объяснить в первую очередь колоссальными человеческими

потерями, которые СССР понес в период с 1941 по 1945 года, и использование преступников в качестве бесплатной рабочей силы было значительно полезней для экономики, чем применение смертной казни в отношении виновного лица. Кроме того, данная мера являлась демонстрацией гуманизма. Особенно, учитывая, что во многих европейских странах смертная казнь была активно применима, например, во Франции в то время казнили путем отсечения головы гильотиной. Однако в связи с ростом числа совершаемых преступлений, 12 января 1950 года Президиум Верховного Совета СССР издал специальный Указ «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». Вскоре Президиум Верховного Совета СССР Указом «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» допустил применение смертной казни к лицам, совершившим умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, при этом не конкретизировал, какие именно виды отягчающих обстоятельств дают основания для применения смертной казни [40]. Данные обстоятельства были перечислены в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21.05.1954 года:

- убийство в целях завладения имуществом потерпевшего;
- убийство из хулиганских побуждений;
- убийство на почве мести за служебную деятельность потерпевшего;
- особая жестокость при совершении убийства;
- убийство, сопряженное с изнасилованием;
- повторное убийство;
- убийство двух или более лиц.

Таким образом, мы видим, что смертная казнь за убийства была восстановлена, поскольку стала очевидна ее необходимость.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года система составов преступлений против жизни изменилась незначительно. Статья 102 УК РСФСР 1960 года устанавливала ответственность за совершение квалифицированного убийства. Новыми обстоятельствами, ужесточающими ответственность, были названы убийство женщины, которая находилась в беспомощном состоянии, убийство двух или более лиц, убийство, совершенное особо опасным рецидивистом. В качестве умышленного убийства законодатель стал рассматривать содействие или подговор на

совершение самоубийства в отношении несовершеннолетнего, а равно лица, которое заведомо не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими.

В современной России применение казни было сокращено: с 1991 по 1996 г. приведены в исполнение 163 приговора. 16 мая 1996 г. Президент России Б.Ельцин издал Указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». Последний смертный приговор в России был приведен в исполнение 2 августа 1996 г. Казнен был Головкин – убийца, каннибал и педофил, который совершал поражающие своей жестокостью преступления на протяжении 6 лет, то есть с 1986 по 1992 гг. За это время его жертвами стало 11 мальчиков на территории Московской области. И с августа 1996 г. в России не был казнен ни один человек. Таким образом, мы видим, что смертная казнь была в российском государстве всегда. В 1997 года Россия подписала, однако не ратифицировала 6-й протокол Европейской конвенции, который отменяет смертную казнь. В 1999 году Конституционный суд России ввел мораторий на применение смертной казни, который все еще действует.

Что в итоге? Когда государство отменило высшую меру наказания, оно сохранило жизнь самым опасным преступникам. Но при таком подходе оно как бы становится союзником самых оголтелых злодеев, поскольку тем самым не обеспечивает остальным гражданам страны безопасность, не гарантирует им право на жизнь [21]. Число опасных преступников с каждым годом увеличивается. Хотя по-прежнему, в первую очередь именно на раскрытие убийств как наиболее страшных преступлений, нацелено оперативно-розыскное законодательство [4; 7; 8; 9; 10; 12; 13; 14].

При этом, как справедливо подчеркивается в литературе, современная преступность характеризуется не только ростом числа совершаемых в стране преступлений, но и жестоким, зверским отношением к потерпевшим, особенно по делам об убийствах, изнасилованиях, грабежах. Кроме того следует обратить внимание, что такие опасные преступники подрывают своими действиями устои общества и государства, заставляют граждан жить в страхе за свою жизнь и безопасность. Смертная казнь всегда была высшей мерой наказания, применялась только за самые опасные

и страшные злодеяния. Если мы снова обратимся к целям уголовного наказания, то вспомним, что одной из его задач является исправление виновного лица. Однако, о каком исправлении таких личностей, как Головкин, о котором говорилось выше, может идти речь? Неужели подобный человек сможет вдруг все переосмыслить, искренне раскаяться в своих преступлениях и принести пользу обществу? По нашему мнению, ответ на этот вопрос очевиден. Так чья же жизнь сохраняет государство, отказавшись от смертной казни?

Кроме того, вспомним такую важную цель наказания, как предупреждение совершения нового преступления данным лицом и другими лицами, ибо очень важно, чтобы преступление было предотвращено [34]. Всегда существовала категория людей, которых наличие в уголовном законе смертной казни сдерживало от совершения убийств. Ведь стоит помнить, что многие не совершают преступления не из-за своих внутренних принципов и убеждений, а из-за страха наказания. Поэтому отнюдь не случайно, что в 1998 г., когда приговоры к высшей мере наказания еще выносились и исполнялись, прирост убийств составил всего 0,9%, а в 1999 г., когда данное наказание было заблокировано, возрос почти в 5 раз и достиг 4,4% [29]. Достаточно наивно говорить, что фактор устрашения не является сдерживающим. И.И. Карпец правильно подчеркивал, что исключить из содержания наказания фактор устрашения – «значит идеалистически смотреть на сущность вещей. Если преступника не будет устрашать наказание, зачем тогда оно нужно? Чем тогда объяснить, что мы не только пользуемся им, но и устанавливаем за различные деяния разные по тяжести наказания? Это и есть своеобразная дозировка устрашения» [22].

Следует также обратить внимание на удачный опыт применения смертной казни в других государствах. Например, в Республике Беларусь смертная казнь применяется. В УК РБ, принятом в 1999 г., она предусмотрена в виде расстрела как исключительная мера наказания лишь за совершение наиболее тяжких преступлений, сопряженных с умышленным лишением человека жизни при отягчающих обстоятельствах. Кроме того, свыше 60 стран по всему миру до сих пор применяют смертную казнь за различные категории преступлений. К их числу относятся многие

бывшие республики Советского Союза, Куба, ряд азиатских стран (Афганистан, Бангладеш, Вьетнам, Индия, Индонезия, Китай, КНДР, Республика Корея, Сингапур, Пакистан, Япония и др.), целая группа африканских государств (Судан, Уганда, Нигерия и др.), практически все арабские государства (Египет, Ливия, Иордания, Иран, Ирак, Сирия и др.). В США наказание в виде смертной казни действует в 39 штатах, а также в федеральном законодательстве США и в системе военной юстиции. В некоторых государствах смертная казнь используется особенно часто, к ним относятся Ирак, Иран, Китай, КНДР, Судан, Нигерия, Саудовская Аравия, США. Хотелось бы отметить, что в США ежегодно приговариваются к смертной казни в среднем 243 человека, за последние 35 лет было вынесено 7500 смертных приговоров. В плане частоты применения, в последние 10 лет в среднем 76% всех зафиксированных в мире казней и 70% всех смертных приговоров приходились на долю Китая [28].

Таким образом, применение смертной казни обусловлено необходимостью бескомпромиссной борьбы с наиболее опасными преступлениями, а

умышленное лишение другого человека жизни является именно таким. Спасибо, что не решились с лицами, совершавшими серийные убийства, заключать соглашения о сотрудничестве [44].

Смертная казнь не является актом возмездия за совершенное преступление, а преследует цель предупреждения совершения новых убийств. Данная мера наказания, безусловно, является сдерживающим фактором для других, ведь не стоит забывать, что именно страх наказания сдерживает значительную часть людей (если не большинство!) от совершения преступлений. При этом любое наказание ставит своей главной целью защиту общества и его членов от особо опасных преступников: именно смертная казнь убийц будет являться гарантией безопасности населения. Поэтому мы считаем возможным и необходимым отменить мораторий на назначение и на применение смертной казни. Также следует обратить внимание, что в истории нашего государства уже не раз отменялось наказание в виде смертной казни, однако, каждый раз его возвращали, поскольку в исключительных случаях нет более эффективного наказания.

Список литературы

1. Богатырёв Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 186-194.
2. Борисов А.В. Генезис понятия «убийство» в отечественном законодательстве // Военное право. – 2019. – № 2. – С. 235-239.
3. Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23-32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
4. Гвай А.М., Захарцев С.И. Уголовная ответственность за убийство в контексте оперативно-розыскной деятельности и доказывания / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 272 с.
5. Гернет М. Н. Смертная казнь. – М.: Тип. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. - VII, 149 с., [45] л. ил.
6. Жильцов С. В. Смертная казнь в истории отечественного права: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – Саратов, 2002. - 46 с.
7. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты: Монография. – СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2011. – 264 с. DOI: 10.17513/np.480
8. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография. – Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с.
9. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения: Монография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 259 с.
10. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: Теория и практика. Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. – 329 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии

- // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
12. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. DOI: 10.17513/pn.506
 13. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с. DOI: 10.17513/np.469
 14. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева: Монография. – М.: Российская академия ракетных и артиллерийских наук; Граница, 2017. – 424 с.
 15. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
 16. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
 17. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
 18. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
 19. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
 20. История государства и права России: Учебник для вузов / Под ред. С.А. Чибиряева. – М., 1998.
 21. Ищенко Е.П. Смертная казнь, как фактор обуздания преступности и очищения общества // Пенитенциарная наука. – 2014. – № 9. – С. 75-76.
 22. Карпец И.И. Высшая мера: за и против // Сов. государство и право. – 1991. – № 7. – С. 49-53.
 23. Кашанина Т.В. Снижение жесткости санкций как тенденция развития законодательства // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. – 2018. – № 4. – С. 144-153.
 24. Квашиш В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – М.: Юрайт, 2008. – 799 с.: ил., табл.
 25. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
 26. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д. В. Масленников. – СПб: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
 27. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни (1867). – Тула: Автограф, 2000. – 269, [1] с.
 28. Кобелев А.И. Смертная казнь: Целесообразность сохранения // Дискуссионная Трибуна. – 2016. – № 7 (116). – С. 195-196
 29. Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб.: б.и., 2000. – 276, [2] с.
 30. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 31. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб., 1903.
 32. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т.1 – Белград, 1939.
 33. Романов В.В., Топорикова О.О. Защита прав жертв преступлений в уголовном процессе по делам о тяжких и особо тяжких насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлениях с учетом положений

- современной криминальной виктимологии // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: Сборник научных трудов. – Минск, 2005.
34. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
35. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 182-194.
36. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176.-187. – в сб. 243 с.
37. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
38. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
39. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
40. Томсинов В.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века). – М., 2000.
41. Тоскина Г.Н. Эволюция института смертной казни в РСФСР и СССР (1917-1926 гг.) // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 12 (121) – С. 106-112.
42. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богущ, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М., 2012. – 879 с.
43. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.
44. Чабукиани О.А. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 5. – С. 78-83.
45. Шестакова А.С. Процесс развития и применения смертной казни в России // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2014. – № 3(11). – С. 171–176.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

КРИЖАНОВСКАЯ Галина Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского военного ордена
Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации, кандидат исторических
наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: imyarec@list.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
профессор кафедры теории и методики непре-
рывного профессионального образования Санкт-
Петербургского военного ордена Жукова инсти-
тута войск национальной гвардии РФ, доктор
юридических наук, профессор, Заслуженный дея-
тель науки Российской Федерации, Почетный
работник высшего профессионального образова-
ния Российской Федерации, Почетный сотрудник
МВД России, академик РАЕН (г. Санкт-Петербург,
Россия)

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические
правовые науки

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ – МИР НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН.

**Рецензия в виде статьи на монографию Хабибулина А.Г.¹, Анищенко Е.В.²,
Анищенко А.В.³ «Финансовый суверенитет, финансовая безопасность
Российской Федерации: угрозы и риски» – М.: Эдитус, 2022. – 342 с.
ISBN 978-5-00149-853-7**

***Аннотация.** Рецензируется монография А.Г. Хабибулина, Е.В. Анищенко и А.В. Анищенко «Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски». Отмечается, что авторы книги подробно рассмотрели и проанализировали ключевые вопросы теории, методологии и практики достижения и защиты финансового суверенитета России, сформулировали необходимые условия достижения независимости российской финансовой системы. Формулируется вывод о том, что рецензируемая монография весьма значима для дальнейшего развития деятельности органов и институтов государственного управления, соответствующих научных направлений и учебного процесса.*

1 Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова.

2 Анищенко Евгений Владимирович, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова.

3 Анищенко Александр Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: финансовая безопасность; финансовый суверенитет; денежная система; глобализация; государственная идеология.

KRIZHANOVSKAYA G.N.
SAL'NIKOV V.P.

FINANCIAL SECURITY AND FINANCIAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA – THE WORLD IS ON THE VERGE OF CHANGE.

**Review in the form of an article on the monograph Khabibulin A.G., Anishchenko E.V., Anishchenko A.V. "Financial sovereignty, financial security of the Russian Federation: threats and risks" – M.: Editus, 2022. – 342 p.
ISBN 978-5-00149-853-7**

The summary. The monograph by A.G. Khabibulina, E.V. Anishchenko and A.V. Anishchenko "Financial sovereignty, financial security of the Russian Federation: threats and risks". It is noted that the authors of the book examined and analyzed in detail the key issues of theory, methodology and practice of achieving and protecting the financial sovereignty of Russia, formulated the necessary conditions for achieving the independence of the Russian financial system. The conclusion is formulated that the monograph under review is very significant for the further development of the activities of public administration bodies and institutions, relevant scientific areas and the educational process.

Key words: financial security; financial sovereignty; monetary system; globalization; state ideology.

В первом десятилетии третьего тысячелетия взгляды всех мировых экономистов все еще были обращены на запад, хотя уже начиналось предсказанное еще в начале нулевых годов падение долларовой диктаты. В это время экономики стран «золотого миллиарда», а вместе с ними и в целом кажущийся рост мировой экономики по инерции продолжали «идти в гору», с чем были вынуждены считаться все мировые экономики, государства, включая Россию, и бизнес-структуры.

Для того чтобы разглядеть новые тенденции будущего развития мировой экономики и будущего миропорядка в целом, авторы монографии «Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски» [34] обратились к последним десятилетиям, ознаменовавшим начало третьего тысячелетия, когда начали зарождаться предпосылки трансформации мирового экономического пространства, сформировавшие позднее модель современной экономики, модель нового политического, государственного и в целом международного мироустройства. Настоящему времени предшествовали последовательность мировых финансовых и экономических кризисов, усиление и ослабление

крупнейших мировых экономик.

Следствием развития этих процессов явилось то, что уже в середине второго десятилетия XXI века в общественных и международных отношениях в мире в целом начали происходить радикальные изменения, обусловленные возникновением новых угроз мировому сообществу, что было непосредственно связано с:

- исчерпаемостью мировой экономики для удовлетворения непрерывно растущих потребностей США, расширения «колониального» диктата долларовой монополизма;
- деградацией мировых финансовых и иных институтов;
- размыванием принципов мировой торговли и коллективной безопасности;
- подменой международного права так называемыми правилами, надуманными Соединенными Штатами Америки и их западными приспешниками.

Подобные правила носили безосновательный, необъективный и изменчивый характер, а их применение, как убедительно обосновали авторы рецензируемой монографии, экзистенциально

неприемлемо в экономико-правовом пространстве России.

С попытками сдерживания развития негативной для «Запада» ситуации в мировой экономике как раз и связано современное беспрецедентное неправомерное экономико-политическое санкционное давление этого «Запада» на Россию с целью подчинить себе ее крупнейшие в мире естественные ресурсы и пользоваться безраздельно ими, как это было в 90-е годы прошлого столетия.

Иными словами, «золотой миллиард» во главе с США не захотел терпеть возрождения суверенной России, укрепления ее финансового суверенитета и финансовой безопасности, которые инициировались и затем активизировались после нулевых годов текущего столетия с началом необратимого развития неизбежной трансформации сложившегося в конце XX века моноцентричного мироустройства.

В таких условиях постоянно декларируемый коллективизм стран самопровозглашенного «золотого миллиарда» под руководством США, возник на основе страха перед США и на основе стремления не быть исключенными из процесса выкачивания из всех других стран Земного шара «дешевых» ресурсов, сверхнизкие цены на которые устанавливал сам «коллективный Запад».

В рецензируемой работе авторский коллектив, включающий известных научному сообществу юристов и экономистов, на конкретных фактах и результатах их анализа показал, что для решения экзистенциальных проблем выживания России в современном мире, проблем ее защиты от яростных нападков разваливающегося финансового мира «золотого миллиарда» объективно требуется выработка на новой теоретико-методологической основе адекватных мер по формированию и реализации принципиально иных механизмов обеспечения финансового суверенитета и финансовой безопасности Российской Федерации в новых условиях.

Особо следует остановиться на изложенном в монографии тезисе о том, что «в историческом плане разрабатываемые теории безопасности и суверенитета России в разных временных условиях всегда отражали идеологически взаимосвязанную систему компонентов, находящихся в конкретной политико-правовой системе государственности».

Представленные в монографии результаты анализа современного этапа развития научной

системы взглядов на государственную безопасность и суверенитет исторической России, который берет свое начало сразу после развала СССР и, как следствие, распада мировой социалистической системы, ознаменовавших начало эпохи монополярного мироустройства, свидетельствуют о существовании фундаментального противоречия между:

- с одной стороны, существующими, сложившимися на либерально-демократических идеях теоретико-методологических концептуальных взглядов на решение проблем обеспечения безопасности послевоенных европейских государств, впоследствии принятых и в Российской Федерации,
- и, с другой стороны, реальными потребностями решения этих проблем в условиях трансформации «моноцентричного мироустройства».

Исходя из цитируемого тезиса об историчности разрабатываемых теорий авторы обращают самое серьезное внимание на тот негативный факт, что выше обозначенные либеральные взгляды на экономический суверенитет и экономическую безопасность России были последовательно закреплены и реализованы в Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и последующих, в том числе и ныне действующих Стратегии национальной безопасности, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года и в других политических документах и нормативных-правовых актах.

В свете этого авторы особо акцентируют внимание на возникновении и существовании фундаментального конституционного противоречия в отражении взаимосвязи идеологии и целеполагания в том числе и в сфере финансового суверенитета и финансовой безопасности России – противоречия между, с одной стороны, конституционным положением, изложенным в п. 2 Статьи 13 Конституции Российской Федерации: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» и, с другой стороны, единством идеологического целеполагания, изложенного во вводной части Конституции Российской Федерации и последовательно раскрываемого в ее основной части.

Разрешение этого противоречия авторы

справедливо видят в реализации научно-обоснованного и сформулированного ими принципа «признания объективности и необходимости существования единого целеполагания в развитии России и принятия соответствующей этому целеполаганию единой государственной идеологии, которая устанавливается в качестве обязательной для всей системы государственного управления и закрепляется в Конституции Российской Федерации».

Здесь можно подчеркнуть, что предложенный авторами монографии вывод базируется, с нашей точки зрения, в том числе и на результатах дискуссии, организованной журналом «Мир политики и социологии» в 2019-2002 гг. по вопросам государственно-правовой идеологии [22], в которой принимали участие и некоторые авторы рецензируемой монографии [33]. Дискуссия была вызвана статьей-презентацией классика теории государства и права, профессора В.В. Лазарева [27] «Идеологическое сопровождение современного правосудия» [16]. Вывод указанной дискуссии укладывается в название статьи одного из авторов дискуссии, профессора Н.А. Бобровой: «Государство без идеологии – это нонсенс» [1]. По существу, большинство участников дискуссии выразили именно такой подход к проблеме [2; 3; 5; 14; 15; 17; 18; 19; 21; 35; 36].

Значимость теоретического осмысления и практического решения обозначенных проблем, как в прикладном политико-правовом и экономическом, так и в научно-образовательном плане, является непререкаемой, обуславливается и определяется историческим ходом всех мировых событий, происходящих вокруг России и на мировой арене в целом.

Вместе с тем следует отметить, что в рецензируемой работе впервые показано, что проблема охраны финансового суверенитета страны, как базиса целеполагания Стратегии обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современном мире, должна решаться только с учетом сущности действующих механизмов внешнего финансового управления, разрушающих суверенитет и экономику России, формирующих блок специфических, крайне опасных угроз безопасности страны в целом. Это одна из существующих угроз суверенитету Российского государства [7; 8; 9; 23; 31].

Значимость последнего обстоятельства авторы убедительно подтверждают результатами

выполненного ими анализа, из которых делается однозначный вывод о том, что российская финансовая система до настоящего времени не являлась самостоятельной и представляла собой лишь часть единого целого – так называемой «Мировой финансовой системы», которая находилась и продолжает находиться под полным контролем США. При этом в работе на конкретных примерах показывается, что сама российская финансовая система является далеко не однородной, объединяющей в себе различные социальные, юридические и экономические образования, имеющие различные интересы, в том числе и далекие от общероссийских интересов и ценностей.

В качестве ключевого теоретико-методологического принципа учета бесконечного многообразия факторов обеспечения финансовой безопасности и финансового суверенитета России в переходных условиях трансформации мироустройства в работе формулируется положение о том, что построение системы обеспечения финансовой безопасности и финансового суверенитета России должно базироваться на иерархически взаимосвязанном учете внешних и внутренних негативных обстоятельств, формирующих как отдельные, так и системные внутренние и внешние вызовы, угрозы и опасности.

В целом формирование новых теоретико-методологических взглядов на понимание роли и места финансового суверенитета в жизнедеятельности и безопасности России в условиях трансформации глобальных мировых отношений, ранее основанных на единоличной денежной, финансовой, политической и военной диктатуре США, знаменует собой начало становления нового научного направления. Раскрытие этого направления позволяет по-новому взглянуть на исторический ход событий в российской действительности и в целом создать необходимые условия для устойчивого и благополучного существования России в перспективе.

В своей работе авторы не обошли вниманием и феномен глобализации экономических отношений в условиях современного мироустройства, который до основания потрясает суверенные, относительно закрытые и частично замкнутые государственные образования [24]. При этом авторы убедительно показывают, что нельзя однозначно и навсегда оценивать нерушимость связи феноменов глобализации и моноцентричности

управления в глобальном мироустройстве. В своей основе мировая глобализация такого сверхсложного, масштабного, принципиально не полностью наблюдаемого и управляемого объекта, как мировая цивилизация, отрицает устойчивое существование моноцентричного управления, при этом сама моноцентричность управления указанным объектом представляется как вырожденное, кратковременное явление, противоречащее, природе, философии и логики развития всего мирового сообщества.

В свете этого, наряду с анализом механизмов внешнего финансового управления и разрушения финансового суверенитета Российской Федерации, авторы книги подробно рассматривают и анализируют ключевые вопросы теории, методологии и практики его достижения и защиты, формулируют необходимые условия достижения независимости российской денежной системы, как материальной основы финансового суверенитета, на основе перехода России к расчетам в рублях в международной торговле своими ресурсами и, как следствие, превращения рубля в валютную ценность и в одну из мировых резервных валют.

Помимо обозначенных жизненно важных вопросов в материалах книги рассматривается также ряд других проблем в русле обеспечения финансовой безопасности и достижения финансового суверенитета России, к числу которых

относятся вопросы криминализации финансовых отношений, коррупции, внешних инвестиций, финансовых заимствований и долларизации российской экономики, которые впервые взаимосвязано излагаются в контексте единого масштабного источника опасностей финансовому суверенитету и финансовой безопасности страны.

Ее авторы убедительно доказали, что Россия должна обязательно иметь не только собственную отечественную суверенную государственно-правовую идеологию [4; 6; 10; 20; 28; 30], свою суверенную правовую систему, русскую суверенную философию права [11; 12; 13; 25; 26; 29; 32], но и суверенную российскую финансовую систему.

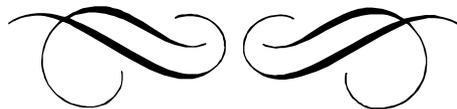
В заключение следует сказать, что монографическая работа авторского коллектива в лице А.Г. Хабибулина, Е.В. Анищенко, А.В. Анищенко «Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски» является комплексным, крайне актуальным, имеющим как теоретико-методологическую, так и практическую направленность научным трудом, который вносит существенный вклад в развитие современной науки в области экономики, политики, государства и права и является весьма значимым для дальнейшего развития деятельности органов и институтов государственного управления, соответствующих научных направлений и учебного процесса.

Список литературы

1. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 24-33.
2. Богатырев Д.К., Сальников В.П. Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11-12. – С. 36-43.
3. Брылева Е.А. Гражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 23-26.
4. Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23-32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
5. Гутман М.Ю. Или это хорошо? Или это плохо? Одни скажут – хорошо, а другие – плохо! // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 35-39.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
7. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
8. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017.

- № 1. – С. 120-139.
9. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
 10. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // *Мир политики и социологии*. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
 11. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // *Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова*. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
 12. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // *Мониторинг правоприменения*. – 2019. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
 13. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // *Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д. В. Масленников*. – СПб: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
 14. Крижановская Г.Н. К вопросу о необходимости государственной идеологии // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 9. – С. 34-40.
 15. Лазарев В.В. Идеологические страсти на конституционном уровне // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 9. – С. 25-33.
 16. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 4. – С. 17-32.
 17. Литвинов Н.Д. Конституция Российской Федерации 1993 года – полностью ли она соответствует интересам России с позиций проводимой Западом гибридной войны // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 7. – С. 34-78.
 18. Литвинов Н.Д. Роль идеи в формировании и разрушении государственности // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 9. – С. 41-71.
 19. Мазурин С.Ф. Государственная идеология и общественное самосознание // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 6. – С. 25-28.
 20. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 21. Мурсалимов К.Р. Некоторые идеологические начала в правообразующей деятельности государства // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 8. – С. 27-30.
 22. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 11-12. – С. 11-35.
 23. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // *Правовое государство: теория и практика*. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
 24. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
 25. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // *Юридическая наука: история и современность*. – 2021. – № 1. – С. 182-194.
 26. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // *Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова*. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176.-187. – в сб. 243 с.
 27. Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибулин А.Г. Классики современной российской теории государства и права.

- К 75-летию доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С 11-19.
28. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
 29. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
 30. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
 31. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
 32. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.
 33. Хабибулин А.Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21-24.
 34. Хабибулин А.Г., Анищенко Е.В., Анищенко А.В. Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски. – М.: Эдитус, 2022. – 342 с.
 35. Хаитов С.П. Государственно-правовая идеология по обеспечению финансово-правовой политики современного Таджикистана // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11-12. – С. 150-175.
 36. Юрковский А.В. Объективные и субъективные детерминанты государственной идеологии в формировании и функционировании механизма государственной власти: в рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 40-50.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

АЛЕКСЕЕВА Наталья Ивановна,

доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

ТАРАНЕНКО Александра Константиновна,

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: tak2001@yandex.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ: «ВОЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» А.Я. ПАССОВЕРА

***Аннотация.** Раскрываются основные вехи жизни и деятельности Александра Яковлевича Пассовера – одного из самых востребованных адвокатов своего времени. Отмечается его неповторимый вклад в становление института адвокатуры, а также влияние его преподавательской деятельности на развитие русской молодежи.*

Печатается в порядке участия во Всероссийском конкурсе научных работ «Россия – моя история. История государства и права России. Министерство юстиции России в лицах» в связи с 220-летием образования Министерства юстиции в России, организуемом Фондом поддержки и развития исторического наследия А.Ф. Кони, Фондом содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», Северо-Западным институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербургским отделением Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» при поддержке Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

***Ключевые слова:** А.Я. Пассовер; Российская империя; адвокатура; судебная реформа 1864 г.; правовая культура; юридическое образование.*

**ALEKSEYEVA N.I.
TARANENKO A.K.**

LIVING HERITAGE: “FREE UNIVERSITY” OF A.Ya. PASSOVER

***The summary.** The main milestones of the life and work of Alexander Yakovlevich Passover – one of the most demanded lawyers of his time – and his unique contribution to the history of Russian jurisprudence are revealed. It notes his unique contribution to the formation of the advocacy institute, as well as the influence of his teaching activities on the development of Russian youth.*

Published in order to participate in the All-Russian competition of scientific works “Russia is my history. History of the state and law of Russia. Persons of the Ministry of Justice of Russia”

in connection with the 220th anniversary of the establishment of the Ministry of Justice in Russia, organized by the A.F. Koni, the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement «Universitet», the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia, the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, the St. Petersburg Branch of the All-Russian Public Organization «Russian Association judges» with the support of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Key words: *A.Ya. Passover; Russian empire; advocacy; judicial reform of 1864; legal culture; legal education.*

Фото: Александр Яковлевич Пассовер
(художник Евгений Шишков)

Судебные реформы 1864 г. закрепили за собой в истории славу одного из важнейших шагов Российской Империи на пути развития во второй половине XIX века. Именно тогда на смену произволу и беспорядкам пришел Закон с верными

последователями и наступил истинный рассвет российской судебной системы [2; 4; 6; 7; 8; 10; 12; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 24; 27; 28; 29; 30; 31; 32].

На момент проведения судебных реформ

университеты испытывали дефицит юристов-практиков. О чем не без сожаления писал адвокат и публицист Л.Д. Ляховецкий: «Талантливые ученые Чичерин, Дмитриев и другие вышли из состава университетской коллегии. Они повторили ошибку, которую до них и после них допускали многие даровитые деятели, очищавшие добровольно поле для противников, слабых талантом и знаниями, в прямой ущерб интересам учащейся молодежи и университетской науке» [25, стр. 203].

В своей работе мы хотели бы раскрыть роль одного из самых скромных представителей юридического мира и по совместительству обладателя собственного «вольного университета» – Александра Яковлевича Пассовера.

А.Я. Пассовер (13.08.1840 г. – 21.04.1910 г.) будучи уроженцем Киевской губернии, провел все детство в городе Умани. Рос Александр Яковлевич в семье военного врача, что никак не отразилось на его выборе будущей профессии. По окончании 2-й Одесской гимназии А.Я. Пассовер поступает на юридический факультет Московского университета.

Во время обучения молодой человек проникается симпатией к преподавательскому делу, в его душе зарождается мечта стать руководителем и вдохновителем чуткой молодежи [23, стр. 1060]. После выпуска одаренного студента оставляют при университете для подготовки к будущему профессорскому званию. В 1863 г. А.Я. Пассовера командируют за границу, где он учится у лучших европейских профессоров, расширяет кругозор, осваивает новые знания. Однако по возвращении вместо университетской аудитории он видит, что «волна общественного подъема уже спала; начались будни, страшные в своей безнадежности российские будни...» [23, стр. 1060]. Перед Пассовером закрыли путь преподавания, ему не оставалось ничего другого, как искать себя в другом направлении.

Последующие годы стали одним из самых сложных этапов в жизни А.Я. Пассовера. В 1866 г. он был зачислен кандидатом на судебные должности при Московской судебной палате. В этом же году А.Я. Пассовер служит следователем 8-го участка г. Москвы, затем – секретарем А.Я. Ровинского, – одного из главных разработчиков судебных реформ 1864 г. – занимавшего на тот момент должность прокурора Московской палаты [1].

После недолгой службы секретарем прокурора Александра Яковлевича назначают на должность товарища прокурора Владимирского окружного суда. Проработав в период с 12 августа 1867 г. по лето 1869 г. Пассовер понимает, что дальнейшее продвижение по службе для него невозможно и вынужденно подает в отставку.

В 1869 г. А.Я. Пассовер возвращается домой к своим родителям в Одессу, где он и решает попробовать себя в качестве адвоката. В 1871 г. его принимают в число присяжных поверенных Одесского судебного округа. С этого момента официально начинается его адвокатская деятельность.

В начале карьеры Пассовер зарекомендовал себя выдающимся адвокатом и одаренным оратором. И.В. Гессен вспоминал, как в ранней юности ему не раз доводилось слышать восторженные рассказы о неотразимых выступлениях адвоката: поручить дело Пассоверу было равнозначно выигрышу [13, стр. 148]. Обладая феноменальной памятью, А.Я. Пассовер удивлял слушателей способностью дословно воспроизводить российское и иностранное законодательства, приводить выдержки из материалов рассматриваемого дела. У него была неповторимая манера речи: он всегда начинал говорить тихо, почти шепотом, время от времени заикаясь, сначала его и вовсе не было слышно, но постепенно голос адвоката креп, набирая необычайную силу. Как судебный оратор он мастерски сосредоточивал внимание слушателей, меняя тон, умел ясно и выразительно высказывать всегда оригинальные мысли и поддерживать к ним интерес аудитории, владел замечательным умением разбираться в самых сложных делах и представлять ясным и простым самое запутанное дело и самое трудное юридическое положение [11, стр. 177].

В 1873 г. Александр Яковлевич переезжает в Санкт-Петербург, где в 1874 г. его оформляют присяжным поверенным при Петербургской судебной палате. Можно предположить, что именно тогда А.Я. Пассовер возвращается на путь преподавания: он становится руководителем группы помощников присяжных поверенных.

В 1864 г. Судебными уставами был учрежден институт помощников присяжных поверенных. Помощником мог стать выпускник университета, желавший посвятить себя правовой защите. Однако статус данного института не был четко регламентирован [3]. Не был предусмотрен и

отдельный орган, который бы контролировал их деятельность, вся ответственность возлагалась на Советы присяжных поверенных соответствующих губерний. Среди обязательных требований, предъявляемых к будущим адвокатам, таких как наличие высшего образования и опыта работы в юридической сфере, была стажировка сроком на пять лет.

Санкт-Петербургским Советом присяжных поверенных было принято решение организовать подготовительную школу, обязательную для посещения как минимум в течение первых двух лет стажировки. Подготовительная школа или научные конференции стали переходным этапом между университетом и профессией. На конференциях группы помощников присяжных поверенных выступали с докладами или рефератами, тем самым, исследуя актуальные вопросы права. Одну из таких групп и возглавил Александр Яковлевич Пассовер.

Несмотря на то, что данные собрания в начале не вызвали особого энтузиазма даже среди их руководителей, А.Я. Пассовер, уделяя большое внимание подготовке будущих адвокатов, неуклонно собирал свою группу каждое воскресенье в 11 часов утра в зале заседаний, чтобы провести следующую конференцию. Такое щепетильное отношение к обязанностям вызывало искреннее недоумение со стороны учеников. При наличии 2-3 человек Пассовер начинал заседание, а опоздавших встречал ироничным: «невелико утешение опоздать к поезду – всего на одну минуту» [9, стр. 26].

Проанализировав отрывки заключений Александра Яковлевича из немногих сохранившихся протоколов, мы можем проследить те идеи, которые он старался привить своим ученикам. А.Я. Пассовер развивал в будущих адвокатах такие важные качества как пунктуальность, трудолюбие и стремление к самосовершенствованию.

Не было ни одной детали, на которой А.Я. Пассовер не заострил бы своего внимания. Протоколирование прошлого заседания, по его мнению, оттачивало навык схватывать и излагать чужую мысль; умение выступать устно, не читая с бумажки, позволяло свободно чувствовать себя во время прений.

Как показали воспоминания одного из учеников Александра Яковлевича – в будущем известного российского юриста и политического

деятеля – М.М. Винавера, часто докладчики зачитывали заранее подготовленный текст. В такие моменты А.Я. Пассовер не пропускал без критики ни одного оборота, неуместного в устном изложении. Стоило докладчику сказать «из вышеизложенного следует», он непременно поднимал глаза вверх и спрашивал: «где это выше», а при упоминании о «нижеследующем», заглядывал под стол и спрашивал, где это «ниже» [9, стр. 30].

Особое значение А.С. Пассовер отводил судовому разговору. Он призывал не сомневаться в силе своих слов, быть уверенным в значимости произносимых речей, даже если казалось, что они не несут ничего нового. Сущность судебного разговора Пассовер определял не всецелым положением на публику, обязанную слушать, а составлением речей, способных вызывать и поддерживать неослабевающий интерес к отстаиваемым положениям у завоеванной аудитории. Интересны по этому поводу воспоминания В.А. Новикова о Пассовере как руководителе второй группы юридических конференций помощника присяжных поверенных [26]. Эта группа носила имя известного и авторитетного юриста того времени Н.А. Буцковского [5; 22].

К большому сожалению, Александр Яковлевич не оставил после себя ни одной судебной речи или научного труда. Само доказательство его существования осталось лишь на страницах воспоминаний учеников и близких коллег адвоката. Такое положение обусловлено поразительной природной скромностью этого человека и его искренним желанием избежать увековечивания в истории. Эта особенность нашла свое отражение и в таком факте, что адвокат не оставил для потомков даже собственной фотографии. Единственное фото с изображением А.Я. Пассовера, чудом сохранилось до наших дней благодаря знаменитому российскому юристу А.Ф. Кони.

Изучение биографии Александра Яковлевича не позволяет нам назвать его замкнутым человеком. Наоборот, он был достаточно общительным, в его доме всегда устраивались чаепития, на которых бурно обсуждались литература, музыка, наука, искусство. Но нельзя отрицать и того факта, что ему все же была присуща некоторая отчужденность. Он удачно удерживал дистанцию между собой и окружающими. Зал суда и комната заседаний конференции – единственные

свидетели открытости пассоверской мысли.

Нет сомнения, что А.Я. Пассовер своим неустанным трудом оставил глубокий след в истории адвокатуры. До конца своих дней руководитель продолжал видеть в конференциях действительное средство для воспитания молодых адвокатов.

В заключение, стоит сказать, что Александр Яковлевич Пассовер, обладая невероятной природной скромностью, являлся одним из

выдающихся адвокатов своего времени. За свою жизнь он успел внести значительный вклад, как в становление института адвокатуры, так и в развитие русской молодежи. Он был прекрасным учителем, оставившим миру, пожалуй, нечто более ценное, чем портреты и книги, он сумел донести до своих учеников идеалы, в которых видел будущее юриспруденции, тем самым, оставив после себя свое неповторимое живое наследие.

Список литературы

1. Абасов Г.Г., Холодов М.В. Правовой вклад Дмитрия Александровича Ровинского в подготовку и проведение Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 170-175.
2. Аверьянов А.В., Симонян К.С. Ф.Н. Плевако: жизнь и деятельность выдающегося Российского адвоката // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 63-67.
3. Алексеева Н.И. Правовой статус помощника присяжного поверенного в Российской империи в контексте эффективности реализации гражданами права на получение квалифицированной юридической помощи // Правовой статус судьи, прокурора и адвоката: Российский и зарубежный опыт: Электронный сборник по материалам Международной научно-практической конференции. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 49-56. – 267 с.
4. Алексеева Н.И., Ботанцова Л.В. Жизнь и профессиональная деятельность Николая Платоновича Карабчевского, его роль в развитии судопроизводства и адвокатуры во второй половине XIX – начале XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 9. – С. 68-72.
5. Алексеева Н.И., Дмитриевская С.А. Н.А. Буцковский – прогрессивный реформатор XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 46-57.
6. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиция В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
7. Ананских И.А., Сальников С.П., Туков С.В. Д.В. Стасов и судебная реформа // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 155-162.
8. Буева А.М., Потапов Ю.А. Роль профессора Б.Н. Чичерина в теоретическом обосновании Судебной реформы 1864 года // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 42-47.
9. Винавер М.М. Александр Яковлевич Пассовер (Воспоминания и впечатления) // Вестник Гражданского права. – СПб. – 1913. – № 2 (февраль). – С. 5-34.
10. Власенко П.А. Первосоздатель русской уголовной защиты – Александр Иванович Урусов // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 9. – С. 175-179.
11. Вольтке Г.С. А.Я. Пассовер (некролог) // Журнал Министерства Юстиции. – СПб. – 1910. – № 5 (Май). – С. 175-182.
12. Георгиева П.А., Лясович Т.Г. Н.Ф. Плевако и его вклад в развитие отечественной юриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 37-42.
13. Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. – Т. 22. – Берлин. 1937. – 414 с.
14. Доронин А.М., Кладова А.Д. Ф.Н. Плевако – отец судебной риторики // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 67-72.
15. Дудин Н.П., Лосницкая Е.А. Вклад С.И. Зарудного в разработку и проведение Судебной реформы 1864 года // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 67-72.
16. Иванова Н.М., Караваев Г.А. А.Ф. Кони как родоначальник российской судебной риторики во времена проведения реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 19-23.
17. Иванова Н.М., Онучина С.Л. Выдающийся вклад министра юстиции Дмитрия Замятина в проведение судебной реформы. Реформы прокуратуры на посту генерал-прокурора // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 170-174.
18. Иневаткина К.Д., Тарасов А.С. Карабчевский Николай Платонович: личность, деятельность и вклад в развитие адвокатской деятельности и конце XIX – начале XX вв. // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 5. – С. 165-169.

19. Ковалев В.А., Тетерина А.А. К.П. Победоносцев и его отношение к Судебной реформе 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 43-48.
20. Ковалев В.А., Соколов Н.Ю. Великие реформы 1860-х годов и конституционный проект по материалам дневника Е.А. Перетца // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 34-37.
21. Крючкова А.Д., Несмиянов А.Н. Николай Платонович Карабчевский – звезда первой величины дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 161-164.
22. Ксендзов Ю.Ю., Савосин Н.А. Николай Андреевич Буцковский – один из отцов Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 9. – С. 170-174.
23. Леонтьев В.И., Грузенберг О.О., Кулишер М.И. На могиле А.Я. Пассовера // Право. – 1910. – № 17. – С. 1060-1063.
24. Литвинова В.Н., Лясевич Т.Г. Организационно-правовые основы деятельности судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 29-33.
25. Ляховецкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них – СПб.: Центральная Типо-Литогр. М.Я. Минкова, 1897. – С. 203-229.
26. Новиков В.А. А.Я. Пассовер, как руководитель II (имени Н.А. Буцковского) группы юридических конференций помощников присяжных поверенных // Право. – 1910. – № 39.
27. Пушин А.И., Юдина М.И. Дмитрий Николаевич Блудов и его вклад в подготовку проекта Судебной реформы 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 61-66.
28. Романовская В.Б., Биюшкина Н.И., Тюленева М.А. Вопросы судоустройства в пореформенной России в сочинениях В.Д. Спасовича // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 31-34.
29. Сальников С.П. Воплощение состязательности и других прогрессивных принципов в судопроизводстве России XIX века // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4(28-2). – С. 433-435.
30. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006. – 378 с.
31. Тарасов А.С., Яблокова М.А. Стояновский Николай Иванович и его вклад в Судебную реформу второй половины XIX – начала XX века: законодательная и правоприменительная деятельность // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 78-82.
32. Хейфец С.А. Тернистый путь петербургского адвоката / Предисловие члена Совета Федерации РФ, заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики СПбГУ, адвоката А.И. Александрова. – СПб.: Инкери, 2020. – 360 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

КОГУТ Виктор Григорьевич,

заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ – полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, кандидат политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

ПОГАДАЕВА Яна Максимовна,

помощник старшего следователя по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: yana.pogadaeva@mail.ru

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vitya-shen@mail.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

СЦЕНАРИЙ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНТЕГРАЦИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** Рассмотрены текущие проблемы и перспективы углубленной интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства. Исследована правовая природа и проанализирована нормативно-правовая база Союзного государства; определены основные препятствия на пути к углубленной интеграции и полноценному образованию Союзного государства, как субъекта международного права, предложены пути к их разрешению с учетом меняющейся геополитической ситуации в мире.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация; Республика Беларусь; Союзное государство; интеграция; внешняя политика; правовое пространство; Договор о создании Союзного государства; государственная структура.*

**KOGUT V.G.
POGADAIEVA Ya.M.
SHENSHIN V.M.**

SCENARIO OF FURTHER INTEGRATION OF THE UNION STATE

The summary The article examines the current problems and prospects of the in-depth integration of the Russian Federation and the Republic of Belarus within the framework of the Union State; the legal nature is investigated and the legal framework of the Union State is analyzed; the main obstacles to in-depth integration and full-fledged formation of the Union State as a subject of international law are identified, ways to resolve them are proposed taking into account the changing geopolitical situation in the world.

Key words: Russian Federation; Republic of Belarus; Union State; integration; foreign policy; legal space; Treaty on the Establishment of the Union State; state structure.

Распад Союза Советских Социалистических Республик послужил драйвером парадигмы, направленной на поиск новыми независимыми государствами своего места в системе международных отношений, а также на формирование собственных геостратегических моделей государственного развития. Бывшие советские республики активно начали осуществлять поиск политических, экономических и социально-гуманитарных партнеров. Не стали исключением из этого ряда Российская Федерация и Республика Беларусь. Оба государства после распада СССР пытались сохранить близкие взаимоотношения. С целью официального укрепления сотрудничества и дальнейшего совместного развития лидеры двух уже независимых государств 8 декабря 1999 года подписали договор о создании Союзного государства.

Вопрос правовой природы Союзного государства по сей день в юридической науке, да и в политическом аспекте является дискуссионным. С одной стороны имеется общепринятая точка зрения о том, что существует всего три формы государственного устройства: унитарное государство, федерация и конфедерация [13; 27]. Некоторые ученые придерживаются иного мнения, например, профессор С.А. Авакьян считает конфедерацию межгосударственным объединением [9]. Между тем мировая практика конца XX-го века свидетельствует о появлении нового вида объединения государств – Союзного государства.

В настоящее время мы имеем двойственную природу интеграционного процесса государств Российской Федерации и Республики Беларусь, выражающуюся в межгосударственном объединении особого рода и обладает международной

правосубъектностью в пределах, установленных учредительными документами [23]. Несмотря на такое ограничение в правосубъектности, государства-участники сохраняют свой суверенитет и имеют возможность свободного выхода из Союза [8].

Акцентируем внимание на том, что на сегодняшний день нет единого юридического подхода отнесения Союзного государства к конкретному виду межгосударственных объединений, что создает определенные трудности в понимании его эффективности в современном мире. На наш взгляд это связано в первую очередь с нереализованностью положений учредительного договора и неясностью тех целей, которые были заложены в него при подписании.

Отметим, что правовой статус исследуемого государственного образования в учредительном договоре не был заявлен как федерация или конфедерация, а именно – «Союзное государство». Помимо этого, статья 6 вышеуказанного договора раскрывает, что оба государства сохраняют свой суверенитет «с учетом добровольно переданных Союзному государству полномочий» [23].

В статье 60 установлен довольно важный аспект: в случае коллизии нормы закона Союзного государства и нормы внутреннего закона государства-участника большую силу имеет норма закона Союзного государства [8, ст. 60]. Тем самым, несмотря на то, что объединение предусматривало равные условия для обоих государств, Россия и Беларусь на разных этапах претендовали на лидерство.

Для современной России проблема реализации государственного суверенитета в последние годы тесно связывается с гарантированием национальных интересов российского государства

на государственной границе. Особенно ярко это наблюдается после внесения в Конституцию Российской Федерации поправок 2020 года [10; 14; 15; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 32]. Указанное обстоятельство обеспечивают, в том числе, и нормы международных правовых актов. Правовое регулирование государственной границы, суверенитета и национальной безопасности исходят из принципа приоритета международного права над национальным. Российская Федерация в этом плане еще раз подтвердила преемственность заключенных ранее Россией и Советским Союзом международных договоров. Так, в части 1 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации предусматривается, что Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении участия в международных договорах.

На наш взгляд законодательство Союзного государства находится примерно на той правовой позиции, которую занимает международное право, хотя международной правосубъектностью данное образование не владеет, что в свою очередь создает правовую коллизию. Помимо этого, существует огромное количество нерешенных вопросов.

Представляется необходимым сказать о наличии в законодательстве Союзного государства целого спектра нерешенных проблем, из-за которых оно не может должным образом функционировать. В соответствии с разделом 5 Договора о создании Союзного государства, оно обладает общими органами – Высшим государственным советом, Парламентом, Советом министров, Судом и Счетной палатой. Высший госсовет, а также Совет министров являются реально действующими органами. Однако парламент Союзного государства на начало 2022 г. до сих пор не сформирован, в связи с этим в рамках союзного договора функции Парламента Союзного государства выполняет Парламентское Собрание Союза Беларуси и России» [8, ст. 70]. Суд Союзного государства также в настоящее время не сформирован [31], как и Счетная палата. Ее функции выполняются совместно Счетной палатой Российской Федерации и Комитетом государственного контроля Республики Беларусь.

Ввиду фактического отсутствия системы вышеуказанных органов, между Россией и

Беларусью возникали некоторые разногласия, тормозящие интеграционные процессы. Одним из значимых примеров является ситуация по поводу поставок энергоносителей и их транзита через территорию Беларуси [24]. За последние десять лет между государствами возникали споры по поводу качества товаров, их маркировки или сертификации, которые приводили к временным ограничениям доступа продукции одной из стран на рынке другой. Что иногда влекло даже эпизодическое возобновление таможенного контроля на границе между государствами.

Помимо этого, нереализованной в полном объеме по сей день является и одна из ключевых целей Союзного государства – «проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны». Данные вопросы сегодня, как никогда, являются весьма актуальными и востребованными. Как следствие, находятся в плотном поле зрения внешнеполитических и оборонных ведомств двух стран. Начиная с 1999 года создана и функционирует региональная группировка войск (РГВ), в дополнение к этому в 2009 году в Москве на заседании Высшего Госсовета Союзного государства подписано «Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о совместной охране внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве и создание единой региональной системы противовоздушной обороны Республики Беларусь и Российской Федерации». С апреля 2016 года функционирует российско-белорусская Восточно-европейская объединенная региональная система ПВО, что позволило значительно усилить воздушные рубежи обеих стран.

На регулярной основе проводятся войсковые учения, идет серьезный процесс военнотехнического сотрудничества, большая часть российских поставок вооружения в Беларусь осуществляется на безвозмездной основе. По линии МИД двух государств проводятся совместные коллегии и принимаются документы о проведении комплекса мероприятий по координации внешнеполитической деятельности. А нынешняя сложная геополитическая ситуация в мире, как никогда, способствует этому процессу. Известные события в августе 2020 года, когда коллективный запад предпринял широкомасштабную попытку насильственной смены власти в Беларуси, наглядно показали близость

истинных интересов наших стран, особенно на фоне полной поддержки Россией братской Беларуси в условиях объявленной гибридной войны со стороны Запада.

Тяжелые испытания, пройденные белорусами два года назад, сегодня выпали на долю России, которая, как и Беларусь, находится под жестким давлением коллективного Запада и беспрецедентными экономическими санкциями, начав Специальную военную операцию на Украине. Важно также отметить, что до вышеуказанных событий Беларусь стремилась выстроить политический диалог и тесное экономическое сотрудничество с Евросоюзом, что конечно получало определенную критику со стороны некоторых политиков и экспертов, как следствие, уличая белорусов в проведении своего «чрезмерной многовекторности» и «активного посредничества» в политическом диалоге России и Запада.

В частности, в этой связи декан экономического факультета Белорусского государственного университета профессор М.М. Ковалев в 2017 году писал: «у Белоруссии главный вектор политики – быть другом и для тех, и для других, и становиться все большим посредником между Россией и в первую очередь странами Евросоюза, в рамках провозглашенной нашим Президентом интеграции интеграций» [12]. Безусловно, главным лейтмотивом, здесь усматривалось, прежде всего, экономическое сотрудничество. И здесь важно отметить, что Беларусь под санкциями находится уже более 20 лет, поэтому вынуждена находить пути и способы экономического выживания. Что касается самого тесного политического и оборонного взаимодействия, то оно, как и сегодня, всегда было и останется у белорусского руководства – приоритетным в отношении России.

Все вышеуказанные осложнения в интеграционных процессах, как уже говорилось ранее, исходят из тех обстоятельств, что у Союзного государства фактически отсутствует единая система органов власти и законодательная база, которые выделяли бы данное образование, как самостоятельный субъект международного права, а также позволяли бы справиться с возникающими экономическими, социальными, политическими и иными сложностями.

Развитие международных партнерских отношений России и Беларуси носит абсолютно приоритетный характер, при этом более плодотворно

указанное партнерство стало набирать обороты после начала проведения Российской Федерацией Специальной военной операции на Украине. В отношении обеих стран введены беспрецедентные пакеты санкций со стороны Евросоюза, США и стран от них зависящих (на момент написания статьи введен в действие 8-й пакет санкций).

Считаем, что пришло время ускоренного согласования позиций политических элит государств-партнеров относительно вопросов полной реализации договора о создании Союзного государства, адаптированного под геополитические реалии. Соответствующим должностным лицам Российской Федерации и Республики Беларусь стоит более продуктивно решать выявленные выше пробелы правового, социального, экономического и политического регулирования. Следует усовершенствовать законодательную базу Союзного государства, сформировать Парламент, Суд, Счетную палату, как отдельные органы Союзного государства, в которые будут входить уполномоченные члены от государств-участников.

Российско-белорусская интеграция должна основываться на политически выверенных, волевых, целенаправленных усилиях правительств обеих стран по совместному обеспечению экономической, военно-оборонительной, политической, социальной и духовной безопасности.

В течение двух последних лет произошли ряд кардинальных изменений в интеграционном процессе. В 2022 году согласованы и приняты на самом высоком уровне 28 союзных программ, реализация которых существенно углубит интеграционные процессы в различных областях межгосударственного сотрудничества. В развитие этого Постановлением Правительства РФ от 12 июля 2022 г. № 1238 «О реализации пилотного проекта по участию банков Республики Беларусь в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации» запущен пилотный проект по участию банков Республики Беларусь в российских государственных закупках [7]. Белорусские банки наравне с российскими смогут выдавать независимые гарантии участникам отечественной системы государственных закупок. Предполагается, что на первом этапе белорусские банки оформят нужные для работы в России документы, включая СНИЛС, ИНН,

квалифицированные сертификаты ключа проверки электронных подписей, а также регистрируются на портале государственных услуг и в единой информационной системе государственных закупок. Второй этап предполагает непосредственное участие банков из Беларуси в государственных закупках. Он включает в себя выдачу белорусскими банками независимых гарантий и их занесение в реестр таких гарантий. Эксперимент стартовал 1 мая 2022 г. и продлится до 31 декабря 2023 г.

В соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 244-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о мерах по урегулированию торгово-экономического сотрудничества в области экспорта нефти и нефтепродуктов от 12 января 2007 года» некоторые нефтепродукты можно вывозить в Республику Беларусь без временного периодического декларирования [3]. Указанным законом ратифицирован Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством России и Правительством Республики Беларусь о мерах по урегулированию торгово-экономического сотрудничества в области экспорта нефти и нефтепродуктов. Протокол предусматривает декларирование определённых нефтепродуктов, вывозимых из России в Беларусь, без применения временного периодического декларирования, установленного законодательством России, за исключением случаев вывоза указанных товаров, перемещаемых трубопроводным транспортом.

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 369-ФЗ «О ратификации Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о продлении срока действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке использования и содержания радиостанции Вилейка, расположенной на территории Республики Беларусь» [6] ратифицирован протокол, которым на 25 лет продлено действие российско-белорусского соглашения о порядке использования и содержания радиостанции Вилейка, расположенной на территории Республики. Радиостанция предназначена для управления морскими стратегическими ядерными силами и силами общего назначения ВМФ

в зоне своей ответственности, передачи сигналов централизованного боевого управления, боевой и оперативной информации на подводные лодки и надводные корабли ВМФ, сигналов и эталонных частот Госсистемы единого времени в интересах всех видов Вооруженных Сил РФ, радиоподавления сверхдлинноволновых средств радиосвязи противника.

Необходимость продления срока действия соглашения обусловлена тем, что его прекращение приведет к сокращению зоны устойчивой радиосвязи с подводными лодками, находящимися в подводном положении, при выполнении ими задач боевой службы в Атлантическом океане.

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 368-ФЗ «О ратификации Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о продлении срока действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке завершения строительства, использования и содержания Узла Барановичи системы предупреждения о ракетном нападении, расположенного на территории Республики Беларусь» [5] ратифицирован Протокол о продлении срока действия соглашения между Россией и Белоруссией о порядке завершения строительства, использования и содержания Узла Барановичи системы предупреждения о ракетном нападении, расположенного в Беларуси.

Узел Барановичи представляет собой отдельный радиотехнический узел российской системы предупреждения о ракетном нападении. Он передан России в безвозмездное пользование. Прекращение действия соглашения привело бы к выводу Узла Барановичи из состава российской системы предупреждения о ракетном нападении и снижению возможности обнаружения пусков баллистических ракет на западном стратегическом воздушно-космическом направлении. Поэтому соглашение продлено на 25 лет на безвозмездной основе.

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 367-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гармонизации таможенного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь и сотрудничестве в таможенной сфере» договор между Россией и Белоруссией о гармонизации

таможенного законодательства и сотрудничестве ратифицирован [4].

Отметим, что договор разработан в целях реализации Союзной программы по гармонизации налогового и таможенного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации и сотрудничеству в таможенной сфере, утвержденной Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6.

Договор предусматривает сотрудничество российских и белорусских таможенных служб по следующим направлениям:

- информационное взаимодействие и обмен сведениями;
- создание в структуре Таможенного комитета Союзного государства Межгосударственного центра для координации работы по управлению рисками, для реализации аналитических функций и мониторинга совершения таможенных операций;
- совместный таможенный контроль;
- категорирование лиц, совершающих таможенные операции;
- взаимодействие мобильных групп таможенных органов;
- регулирование института уполномоченного экономического оператора.

Учитывая, что Договор содержит правила иные, чем предусмотренные законодательством Российской Федерации, в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [1] он подлежит ратификации.

В частности, в соответствии со статьей 7 Договора предусмотрено, что объекты совместного таможенного контроля, осуществляемого таможенными органами Российской Федерации и Республики Беларусь на территориях своих государств, определяются Межгосударственным центром. При этом порядок и случаи совместного таможенного контроля устанавливаются постановлением коллегии Таможенного комитета Союзного государства. В то же время законодательством Российской Федерации не предусмотрено проведение совместного таможенного контроля с таможенными органами иностранных государств.

Также Договором (статья 8) предусматривается утверждение постановлением коллегии Таможенного комитета Союзного государства

единых подходов к осуществлению категорирования лиц, совершающих таможенные операции. При этом согласно статье 316 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» порядок проведения категорирования лиц, совершающих таможенные операции, устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области таможенного дела [2].

Кроме того, Договором (статья 9) устанавливается, что создаваемые мобильные группы проводят скоординированные мероприятия не только по инициативе таможенных служб Российской Федерации и Республики Беларусь, но и по инициативе Межгосударственного центра.

Указанный Федеральный закон не противоречит положениям Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., а также положениям иных международных договоров Российской Федерации.

В Федеральном законе отсутствуют обязательные требования, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы. При этом реализация Федерального закона не окажет влияния на достижение целей государственных программ Российской Федерации.

Для более успешной деятельности Союзного государства напрашивается принятие высшего союзного закона – Конституции или иного Конституционного акта, в котором необходимо прописать все основные вопросы интеграционного процесса и иные существенные позиции.

Предлагаем подумать о совместной Стратегии безопасности Союзного государства, на основе которой страны-партнеры будут пользоваться взаимной помощью и поддержкой. В этом плане весьма эффективным инструментом и программным документом, по нашему мнению, может разработки и принятия геополитической доктрины Союзного государства, что значительно увеличит

позиционарность нашего союза на международной арене.

Ранее никогда не упоминалось о создании совместных специальных служб, которые станут выстраивать свою деятельность в русле обеспечения безопасности Союзного государства. Стоит отметить, что военно-оборонительной безопасности нужно уделить первоочередное внимание. Так как союз с Беларусью обеспечивает России прямой доступ к Калининградскому анклаву, экономит значительные средства, необходимые для создания системы военно-стратегического сдерживания на западной границе России. К тому же, объекты ПВО на территории Беларуси обеспечивают безопасность всего пространства Российской Федерации и Республики Беларусь, что в настоящее время является крайне необходимым в виду нарастания напряжения в отношении обеих стран и разжигания со стороны некоторых недружественных стран открытой вражды, ненависти к российско-белорусскому укладу жизни, популяризации нацизма и продвижения пагубных идей западной идеологии в отношении, как и Республики Беларусь и Российской Федерации, так и Союзного государства в целом. У наших государств и народов единые ценности и политико-правовые традиции [11; 16; 25; 26; 28; 29; 30].

Формально общее оборонное пространство уже создано и закреплено соответствующими документами, в том числе Договором о Союзе Российской Федерации и Республики Беларусь. Но с практической стороны, единое оборонное пространство возможно лишь при едином государственном устройстве. На сегодняшний день, оборонное пространство Союзного государства, на наш взгляд, не является эффективно совершенным, поскольку каждое из государств имеет свои признаки, атрибуты государственности, а Союзное государство так и не обрело отдельную государственную атрибутику. Следовательно, атрибутивность Союзного государства придаст ему, в том числе, возможность быть увиденным и признанным.

Что касается сферы экономических

отношений, нужно выстроить общую систему регионально-рыночной экономики с элементами эффективного административного регулирования Союзного государства. Помимо этого, следует разработать единые упрощенные таможенный и налоговый кодексы для Союзного государства. Российская Федерация и Республика Беларусь обладают целым рядом факторов, благоприятствующих динамичному развитию экономики, как на национальном уровне, так и на уровне Союзного государства, следует лишь ликвидировать существующие административные барьеры.

Наиболее важным, с точки зрения интеграционного процесса, и восстановления экономик обеих стран от натиска санкций представляется переход к единой денежной единице и формирование единого эмиссионного Союзного банка.

Следует также, реализовать вторую главу договора о создании Союзного государства, посвященную единому Союзному гражданству. Этот процесс должен произойти автоматически, так как первичная правовая база уже имеется. Необходимо отметить, что институт гражданства Союзного белорусско-российского государства исчерпал, содержащиеся в европейских нормах, параллели в предоставлении прав гражданам и является самостоятельным, не имеющим аналогий в международном праве институтом, предполагающем дальнейшее совершенствование его положений путем принятия единого закона.

Таким образом, при наибольшей разработанности всех перечисленных положений, а также при выполнении на практике обязательств, взятых на себя сторонами, Союзное государство реализует себя как уникальный интегративный Союз в мировой практике. Строить определенные прогнозы о том, какое политическое устройство в дальнейшем может приобрести Союзное государство, является весьма сложной задачей в виду отсутствия глобальной стабильности на международной политической арене, что сегодня де-факто привело к разрушению действующих основ системы международной безопасности и в значительной степени нивелировало принципы мирного сосуществования на планете.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
2. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 32 (часть I). – Ст. 5082.
3. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 244-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о мерах по урегулированию торгово-экономического сотрудничества в области экспорта нефти и нефтепродуктов от 12 января 2007 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29 (часть I). – Ст. 5211.
4. Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 367-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гармонизации таможенного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь и сотрудничестве в таможенной сфере» // Российская газета. – 2022. – 26 сентября.
5. Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 368-ФЗ «О ратификации Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о продлении срока действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке завершения строительства, использования и содержания Узла Барановичи системы предупреждения о ракетном нападении, расположенного на территории Республики Беларусь» // Российская газета. – 2022. – 26 сентября.
6. Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 369-ФЗ «О ратификации Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о продлении срока действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке использования и содержания радиостанции Вилейка, расположенной на территории Республики Беларусь» // Российская газета. – 2022. – 26 сентября.
7. Постановление Правительства РФ от 12 июля 2022 г. № 1238 «О реализации пилотного проекта по участию банков Республики Беларусь в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации» // <http://government.ru/docs/all/142168/>
8. Договор между РФ и Республикой Беларусь «О создании Союзного государства» // URL:<https://www.economy.gov.ru/material>
9. Авакьян С. А. Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о создании Союзного государства: Конституционно-правовой анализ // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – 2001. – № 1. – С. 3–15.
10. Боброва Н.А. Конституционная реформа-2020 как решение проблемы «транзита власти»-2024 // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 3-9.
11. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
12. В контексте геополитики и глобальных проблем // Белоруска думка. – 2017. – № 4. – С. 32-38.
13. Венгеров А. В. Теория государства и права: Учебник для юрид. вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
14. Виноградова Е.В. Грани современного российского конституционализма. – М.: РИТМ, 2021. – 240 с.
15. Виноградова Е.В., Виноградова П.А. Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.
16. Виноградова Е.В., Раттур М.В. Общероссийская идентичность как конституционная ценность в конституционных поправках 2020 года // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3(183). – С. 22-24.
17. Власова М.А. Влияние конституционных реформ на юридическую науку // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 58-64.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Поправки в Конституцию Российской Федерации в контексте запрограммированного общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ. – 2021. – С. 64-69.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Российский конституционализм: настоящее и будущее. Рецензия на монографию: Е.В. Виноградова «Грани современного российского конституционализма». М.: РИТМ, 2021. – 240 с. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2 (88). – С. 337-344.
20. Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5-17.
21. Лазарев В.В. Конституция и аксиология государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история

- и современность. – 2021. – № 1. – С. 36-46.
22. Лазарев В.В. Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 11-17.
 23. Малинин С.А., Ковалева Т.М. Правосубъектность международных организаций // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 5. – С. 61–62.
 24. Российско-белорусские энергетические конфликты. Интернет-энциклопедия Википедия // URL: https://wiki2.org/ru/Российско-белорусские_энергетические_конфликты
 25. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
 26. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
 27. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.– 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
 28. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
 29. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
 30. Сальников М.В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
 31. Суд // Парламентское собрание Союза Беларуси и России. Официальный портал // URL: http://www.belrus.ru/about/organy_souznogo_gosudarstva/sud.html.
 32. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

СТАРОВОЙТОВА Ольга Эдуардовна,
профессор Санкт-Петербургского военного
ордена Жукова института войск национальной
гвардии РФ, доктор юридических наук, доцент,
член-корреспондент РАЕН (г. Санкт-Петербург,
Россия)

E-mail: olgst4r@yandex.ru

ЧУДИН-КУРГАН Федор Олегович,
генеральный директор «Компания Русское дело»
(г. Москва, Россия)

E-mail: 7551242@gmail.com

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические
правовые науки

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Анализируются философские и морально правовые аспекты прав человека в современном мире. Рассматриваются взаимосвязь права и морали, юридическое и моральное толкование прав человека, различные методологические подходы к онтологическому познанию морали, такие как герменевтика, феноменология объективной морали, современные теории естественного права. Делается заключение о том, что права человека представляют собой мощное движение к достижению всеобщего согласия о моральных основах закона, права и политических систем.*

Ключевые слова: *права человека; философские аспекты; право; мораль; герменевтика; феноменология; скептицизм; утилитаризм; консенсусный подход; И. Кант; Алекси; Р. Дворкин; Г. Харт; Ю. Хабермас; Дж. Роулз; Г. Радбрух.*

STAROVOITOVA O.E.
CHUDIN-KURGAN F.O.

HUMAN RIGHTS: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND LEGAL ASPECTS

The summary: *The philosophical and moral and legal aspects of human rights in the modern world are analyzed. The relationship between law and morality, the legal and moral interpretation of human rights, various methodological approaches to the ontological knowledge of morality, such as hermeneutics, the phenomenology of objective morality, modern theories of natural law are considered. It is concluded that human rights represent a powerful movement towards achieving universal agreement on the moral foundations of law, law and political systems.*

Key words: *human rights; philosophical aspects; right; morality; hermeneutics; phenomenology; skepticism; utilitarianism; consensus approach; I. Kant; Alexi; R. Dvorkin; G. Hart; Y. Habermas; J. Rawls; G. Radbruch.*

Права человека, современное государство и международный порядок

Что такое справедливость? Ее со времен античности связывают с правом [40; 54; 75; 86;

87; 89; 91; 107; 134; 216; 224; 225]. Правосудие лучше всего можно определить как уважение и защиту прав человека. По крайней мере, это, по-видимому, наиболее общепринятый во всем

мире ответ нашего времени на извечный вопрос. Права человека – это основные права, такие как право на жизнь и свободу. Становлению современного демократического государства, основанного на верховенстве закона [34; 37; 195] во многом способствовали провозглашенные в XVIII веке декларации прав человека и гражданина [33; 60; 116; 203]. Сегодня права человека признаются и защищаются во многих конституциях демократических государств, где они являются частью комплекса защищенных и гарантированных гражданских прав. Это с полным основанием относится и к современной России [21; 41; 44; 128; 129; 130; 137; 138; 152; 162; 166; 167; 173; 193; 223].

В XX веке права человека стали частью международного публичного права. На основе Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций 1948 года [159] возникла договорная система ООН по правам человека, которая охватывает девять основных договоров, а именно о ликвидации расовой дискриминации, о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах, о ликвидации дискриминации в отношении женщин, против пыток, о правах ребенка, о защите прав трудящихся-мигрантов, о правах инвалидов и для защита всех лиц от насильственных исчезновений.

На основе Декларации ООН были заключены конвенции регионального характера, такие как Американская Конвенция о правах человека 1969 года и Африканская хартия прав человека и народов 1982 года. Уже в 1950 году была обнародована Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, которую учредил Европейский суд по правам человека. Она вступила в силу в 1953 году. ООН также учредила ряд комитетов, задачей которых является контроль за выполнением договорных обязательств [20; 38].

Растущий список прав человека

Поскольку движение за права человека вышло на историческую арену в конце XVIII века, количество, содержание и сфера охвата прав человека значительно расширились. Вначале движение в основном ограничивалось правами на жизнь и свободу с их политическими последствиями, т.е. свободными выборами, свободой слова и свободой вероисповедания, защитой от незаконных вмешательства со стороны правительства,

например, свободой от налогообложения, если это не одобрено свободно избранным парламентом. Политические права гражданина распространялись только на мужчин. В XX веке в западном мире женщины получили избирательное право, а также было достигнуто юридическое равенство женщин с мужчинами, были установлены социальные права для рабочего класса и социально незащищенных классов [100; 102; 154, стр. 181], а также права на свободу от расовой дискриминации и на защиту детей.

К конце XIX – начале XX веков в Российской империи проводилась большая и успешная работа по допуску женщин к высшему юридическому образованию и участию в юридических профессиях, в том числе в адвокатской деятельности [48; 53; 69; 82; 114; 115; 151; 189].

Правовые аспекты прав человека. Нормативная структура; равенство и универсальность

Права человека – это субъективные права человека; они разделяют нормативную природу всех прав. Права неизменно подразумевают приказ, адресованный другим лицам, которые обязаны уважать такие права. Это является предпосылкой действительности всех и любого права, не только так называемых прав требования, как предложено Уэллманом [195, стр. 41], но также так называемых прав на свободу (привилегии), прав на власть или прав на иммунитет; эти категории заимствованы Уэллманом [195, стр.19 и далее]. Основная направленность прав человека заключается в установлении обязательств государства. Права человека, такие как право на жизнь и свободу, определяются широко, и Уэллман описывает их как «пакет прав» с множеством соответствующих обязательств [195, стр. 42]. Эти права нужно не только уважать, но и активно защищать их. Права человека являются элементами основных политических и правовых принципов демократического правового государства. Утверждается, что они заключены в каждом человеческом существе и таким образом, категорически связаны с идеей равенства людей и с идеей универсальной, глобальной сферы действия.

Согласно конвенциям, права человека представляют собой обязательства государств по международному праву, в том числе по отношению к частным лицам, являющимися гражданами

других государств, например, иностранным беженцам или инвесторам. Наконец, права человека могут оказывать горизонтальное воздействие на отношения между частными лицами, как в деле Огони против Шелл. Нигерийское этническое меньшинство страдает от разрушения своей естественной среды обитания в результате эксплуатации нефти и от подавления со стороны собственного правительства. Против Shell был подан иск [2; 214; 233]. В рамках судебного иска, поданного в суды США в соответствии со статутом об иностранном правонарушении 1789 года, в 2009 году в пользу жертв Огони было достигнуто урегулирование на сумму 15,5 млн. долларов США. В 2012 году это дело все еще находилось на рассмотрении Верховного суда США.

Политические, моральные и правовые нормы

С момента зарождения движения за права человека, последние были предметом политических претензий. В то же время они предназначались как моральные предписания. Моральные аспекты прав человека представляются необходимыми для их понимания (Уэллман) [195].

Многие права человека были закреплены в правовых нормах. Права человека, в большинстве своем, являются законом. Однако некоторые официально провозглашенные права человека определены слишком широко, чтобы быть законом. Статья 28 Всеобщей декларации провозглашает, что «Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены». Это общий принцип политической этики. Он нуждается в дальнейшем уточнении, чтобы стать законом. Ряд социальных прав в конституциях и конвенциях не предоставляют субъективных прав, в то время как другие предоставляют [101; 243, стр. 25-284]. Как моральные, так и юридические нормы предписывают или запрещают определенное поведение. Однако есть и различия. Правовые нормы гарантируются государством, и соблюдение закона обеспечивается юридическими санкциями. Моральные правила, напротив, не навязываются государством. Согласно классической философии морали, моральные правила предназначены для того, чтобы направлять принятие решений между добром и злом, правильным и неправильным [202; 235, стр. 168].

Моральные суждения каждого человека зависят от его совести; они могут сильно различаться и отличаться друг от друга. Тем не менее, каждое человеческое общество вырабатывает общепризнанные моральные принципы и правила, которые Г. Харт назвал «позитивной моралью» [208, стр. 19, 20].

Интеграцию различных социальных правил с правом и их совместное влияние на сознание и поведение граждан профессор Ф.Х. Галиев определил как синкретизм современной правовой культуры [42; 43; 45; 46; 47; 50]. Его подход нашел поддержку в современных научных исследованиях [1; 110; 185].

Что же касается права и морали, то их «сотрудничество» издавна находится в поле зрения исследователей, на что обращают внимание и современные ученые, порой связывая право и мораль с идеей свободы [77]. Взаимодействию права и морали посвящены многие научные работы отечественных и зарубежных авторов [52; 55; 63; 99; 127; 136; 148; 155; 205; 221].

Взаимосвязь права и морали

Юристы знают, что безопасное и предсказуемое функционирование правовой системы требует, чтобы моральные правила, которые четко не охватываются формулировкой и целью закона, не могли быть основой юридического решения. Законодатель также не может превратить все согласованные моральные правила в закон. Закон в основном касается действий и воздержаний [150; 201], а иногда и сопутствующих им намерений или небрежности (уголовное право, мошенничество и т.д.). Моральные принципы или правила охватывают личную ментальную и эмоциональную жизнь и моральное сознание индивида. Превращение их в субъект права вне определенных действий или запретов задушило бы личную свободу в тоталитарной системе. Например, есть веские основания полагать, что муж и жена имеют моральный долг защищать целостность своего брака и способствовать их взаимной любви. Но законодатель не должен наказывать за отсутствие любви или супружескую неверность*. Различия между законом и моралью заставили Канта [94; 211, стр. 334, 339] и многих других полагать, что обе категории и наборы правил должны быть строго разделены. Такое разделение также является высшей добродетелью юридического позитивизма. С другой стороны, такое

строгое разделение было бы ошибкой при отправлении правосудия. Права человека являются убедительным доказательством того факта, что правовые нормы также имеют моральное измерение. Это не является чем-то исключительным. Каждый закон стремится обеспечить какой-то аспект справедливости, например, безопасность дорожного движения, доверие в свободно согласованных контрактах, защиту от преступности. Это широко признанное понимание нашло выражение в трехмерной теории права известного бразильского философа Мигеля Реале. Его теория объединяет социологию права, юридический позитивизм и естественное право [141; 196, глава XXXVI]. Моральная цель правовой нормы имеет решающее значение для её толкования и применения. Это не означает, что действительность закона может быть оспорена из-за его моральных недостатков. Классическая философия морали учит, что соблюдение закона как такового является моральным долгом и добродетелью («*justitia legalis*») [15; 202, часть II-II, вопросы 57-59]. Только в крайних случаях закон, нарушающий высшие моральные принципы правосудия, может быть недействительным [101, стр. 41; 158, стр. 171; 198; 211, стр. 428].

Юридическое и моральное толкование прав человека

Основные права человека определены широко, и судьи сталкиваются с трудностями при их применении – проблема, с которой мы сталкиваемся во всех конституционных гражданских правах [5; 58]. Примером может служить право на жизнь. Дело Претти (2002 г.) поставило вопрос перед Европейским судом по правам человека о том, включает ли право на жизнь право на совершение самоубийства, включая право (парализованного пациента) на помощь других лиц с этой целью [153]. Может ли британский законодатель наказать за такую помощь? Суд подтвердил этот закон и отказал человеку в праве на помощь в совершении самоубийства. Логическое основание заключается в том, что право на благо (жизнь) не включает в себя противоположность этому благу (смерть). Оно, однако, справедливо сопровождалось ценностно-ориентированными рассуждениями, принимающими во внимание культурную моральную традицию и широко распространенное мнение, которое под влиянием христианской религии рассматривает жизнь как дар

и ценность, которыми человек не может свободно распоряжаться. Кроме того, суд принял во внимание социальную защиту от преступного злоупотребления разрешенной помощью самоубийству.

В этом плане будет правильным вспомнить широкую дискуссию, ведущуюся во всем мире по поводу эвтаназии [17; 18; 19; 61; 97; 118; 143; 172; 174; 188].

Конфликт прав человека

Широко распространено мнение, что права человека, защищающие высокоценные первичные блага, такие как право на жизнь, являются абсолютными правами и никогда не должны быть объектом направленных действий против этого защищенного блага [198, глава VIII]. Это не исключает необходимости сопоставлять одно охраняемое благо с другим в конфликте. Проблему иллюстрирует несколько нетипичный для Германии случай, связанный со строгим запретом пыток. Мужчина похитил школьника, чтобы шантажировать его богатых родителей. Он был арестован и признался в похищении, указав, что ребенок все еще жив, но отказавшись сообщить место, где он находится. Через два дня главный полицейский следователь пригрозил использованием пытки в отношении подозреваемого с целью получить информацию о том, где находился ребенок, чтобы спасти его жизнь. Мужчина сдался под давлением и привел полицию к месту, где было найдено мертвое тело ребенка, убитого похитителем. Окружной суд Франкфурта признал полицейского следователя виновным в нарушении запрета на пытки через угрозы, хотя и по уважительным причинам; суд не назначил наказания. По этому поводу высказано такое мнение: запрет на пытки не был нарушен. Право жертвы не подвергаться пыткам и убийство перевесило право похитителя не подвергаться пыткам [211, стр. 420].

Философские основы прав человека

Существует необходимость рационального обоснования моральных правил.

Когда мы спрашиваем, существуют ли права человека как моральные правила, независимо от их юридического качества или политического престижа, мы нуждаемся в морально-философской основе. Ответ должен объяснить, имеют ли права человека моральную обязательную силу и почему. Такой подход представляет

интерес и для юристов. Ибо это поддерживает законную власть соответствующего законного права человека и помогает юристам в их толковании такого права [8, стр. 9-10]. Мораль хорошего качества также имеет значение для политических прав человека; поскольку политические идеи не могут выжить, когда их моральный авторитет оспаривается по уважительным причинам.

Бог и естественный закон. Исторический ответ хорошо известен. Авторы Вирджинского билля о правах и американской Декларации независимости права человека были основаны на идее Бога и естественном праве. То же самое относится и к Французской декларации 1789 года; в ее преамбуле упоминаются естественные права человека, а также присутствие и защита «Высшего существа».

Основателем учения о естественных правах человека в России принято считать профессора Императорского Царскосельского лицея А.П. Куницына [120; 121], который за свои идеи был отлучен на многие годы от государственной службы [164; 171].

Христианская религия была решающей духовной силой, стоявшей за американской Революцией [139, стр. 4-5, 52, 302, 622]. Джон Локк, автор, оказавший наибольшее влияние на оба документа, в 1690 году признал права человека на жизнь, свободу, равенство и собственность, которыми наделен каждый человек по «закону природы и разума». Он полагал: «все равны и независимы, никто не должен причинять вред другому, его жизни, здоровью, свободе или имуществу; ибо все люди являются творением одного суверенного Мастера...» [126, глава II]. Локк был вдохновлен Славной революцией (1688) и Конвенционным биллем о правах (1689) в Англии.

Благодаря этим двум взаимосвязанным основам – Богу и естественному праву – права человека стали основой современных западных обществ, государств и правовых систем, и эта основа гарантировала высокий политический и моральный престиж прав человека.

Моральный скептицизм

Тем временем эти основы в Боге и естественном праве утратили свое всеобщее одобрение в западных странах, хотя это одобрение частично продолжает существовать. Западная философия последних двух с половиной столетий боролась

за то, чтобы освободить философию от религии и исключить религиозную мысль из философского дискурса. То же самое произошло с великой традицией естественного права как руководства для позитивного права. Классическая моральная философия подверглась нападкам утилитаристской, эмпирической и сенсуалистической философии [226; 227], и Давид Юм заявил западному интеллектуальному миру, что «различие между пороком и добродетелью не... воспринимается разумом» [228, Книга III, часть I, раздел 1, пункт 504]. Чуть позже Кант, пытаясь защитить разумность морали от эмпиризма и морального скептицизма, заявил, что универсальность и обязательная сила моральных законов не могут быть найдены в человеческой природе, а только в понятиях чистого разума [95, стр. 389, 410]. Сегодня возможность философского обоснования прав человека как моральных норм остается спорной, хотя ценность и престиж прав человека в основном неоспоримы. Критика исходит из разных точек зрения. Когда Макинтайр говорит, что таких прав не существует, он рассуждает с точки зрения классической моральной философии, критикуя рационализм времен просвещения [131, стр. 107]. Рорти, напротив, рассуждает со скептической точки зрения сурового антирационализма, когда отвергает как бесполезный любой моральный дискурс о праве человека, основанный на рациональности и универсализме; вместо этого он рекомендует воспитывать больше терпимости и сопереживания [165, стр. 111-134; 194, стр. 59-66]. Хабермас заявляет, что у философии нет собственных ответов на вопросы морали, которые могли бы конкурировать с личной моральной интуицией: «Прежде всего философия – это то, что мы испытываем и узнаем, что такое моральное и аморальное поведение» [207, стр. 254]. Это, безусловно, верно и применимо ко всем секторам интеллектуальной и нравственной жизни, но это упускает суть. Вместо этого вопрос заключается в том, может ли философия объяснить мораль и помочь лучше понять и, возможно, улучшить наши моральные способности. Позиция Хабермаса, однако, соответствует широко распространенному мнению [108; 109; 125; 133; 157; 178].

О моральном скептицизме см. дополнительно [211, стр. 158, 337, 349, 359].

Опровержение скептицизма

Ограничительные теории эмпиризма, субъективизма и позитивизма, которые видят познаваемый мир только в материальном мире, который может быть чувственно воспринят, измерен и подсчитан, и, таким образом, исключает («метафизические») моральные рассуждения из рационального дискурса по причине непригодности. Ибо это исключение не может быть оправдано применяемыми ими методами и само по себе представляет собой необоснованную метафизическую гипотезу [206; 211, стр. 402; 249, стр. 193]. Более того, эта скептическая позиция противоречит тому факту, что права человека пользуются значительным моральным престижем, а также их основные моральные ценности и принципы – всеобщая справедливость, равенство, свобода и самоуправление – широко признаются различными философскими школами [190]. Эти ценности постоянно обсуждаются в частной и общественной жизни исходя из предположения, что они существуют и могут быть установлены рациональным способом. Скептицизм не может положить конец этой дискуссии, но в лучшем случае может исключить философов из участия в ней.

Уклончивые философские стратегии

Со времен Давида Юма и отказа от метафизического основания морали у английских эмпириков и их многочисленных последователей можно выделить уклончивые философские стратегии, которые заменяют рациональную основу морали другими подходами. Наиболее заметными из них, которые все еще существуют в наши дни, являются:

- утилитаризм;
- согласованная истина.

Утилитаризм

Утилитаризм заменяет классическое моральное различие добра и зла чем-то другим: полезностью. Согласно утилитарному аргументу, человек, «управляемый болью и удовольствием» в своих действиях, не делает выбора между добром и злом, но каждый индивид следует своему собственному интересу и полезности для достижения счастья в качестве его преобладающей цели. Утилитарная этика направлена на «величайшее счастье для наибольшего числа людей», как выразился Бентам [32]. На самом деле, права человека можно частично объяснить как служащие

этой цели. Исторически сложилось так, что утилитарная философия оказала сильное влияние на движение за права человека и его успех. В статье 1 Билля о правах штата Вирджиния стремление к счастью упоминается как право человека. Этот утилитарный аргумент незаменим в политической жизни всех времен, например, для завоевания большинства в демократическое голосование. Но утилитаризм, подменяющий основные понятия морали, различие добра и зла, удовольствием и болью, имеет существенные недостатки в своих моральных измерениях. Утилитаризм, по крайней мере в том виде, в каком его отстаивают некоторые из его последователей, пренебрегает интересами отдельных людей и приносит их в жертву, если этого требует величайшее счастье наибольшего числа людей [187, стр. 69; 186]. Более того, многие явления этики, в частности бескорыстие, не рассматриваются.

Против утилитаризма, подменяющего аксиологию морали, различия добра и зла [4; 64; 73; 104], выступал в своем творчестве классик русской литературы, философ права Ф.М. Достоевский [22; 23; 25; 26; 27; 28; 29; 71; 72; 169; 179; 184]. Такую оценку творчеству классика дают многие современные исследователи его таланта [30; 66; 79; 98; 124]. Убедительно это показали известные российские ученые А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников в монографии «Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» [24]. В частности, об этом свидетельствуют отзывы на указанную книгу [9; 13; 76; 106; 135].

Консенсусный подход Роулза

Роулз придерживается согласованного подхода к справедливости в традиции учения об общественном договоре как основе государств (Гоббс, Локк, Руссо, Кант [78; 83; 90; 161; 161]). Он определяет предварительные условия для достижения консенсуса по распределительной справедливости в обществе. Человек, занимающий свободную и непредвзятую «исходную позицию», на которого возложена задача установить вместе с другими справедливые принципы общества, не зная, каким будет его собственное положение в этом обществе, сделал бы рациональный выбор в пользу предложенных Роулзом принципов распределительной справедливости и беспристрастности в стремлении к в первичные блага

самоуважения, свободы, возможностей и богатства. На этой основе справедливые принципы справедливого общества могут быть выработаны консенсусом.

Оптимистичный вывод от консенсуса (немногих) к справедливости логически слаб [59, стр. 171-177; 200, стр. 72, 75]. Это неубедительно в качестве оправдания принципов морали и справедливости, какими бы достоинствами ни обладал Роулз в рациональном анализе этих принципов. Желаемое обоснование моральных принципов может быть достигнуто только с помощью моральных аргументов, как справедливо замечает Дворкин [59; 156; 217].

Кроме того, в данном контексте следует помнить о взаимодействии, сотрудничестве, конкуренции, соотношении права и справедливости [88].

Теория дискурса

Аналогичным образом, теория дискурса предполагает, что мужчины могут прийти к разумному согласию относительно моральных ценностей и правил с помощью процедуры, то есть дискурса или обмена аргументами (Хабермас, Апель, Алекси). Хабермас в своей теории коммуникативного действия [192; 245] утверждает, что идеальный дискурс должен быть свободным и непредвзятым между участниками, наделенными схожими способностями. Их слова должны иметь неотъемлемую цель быть правдивыми и честными и не должны путаться с идеологией и другими ошибками. Этот коммуникативный процесс может привести к моральным ответам путем согласия. Теория дискурса хранит молчание относительно моральных ценностей и правила как саму суть морального дискурса на том основании, что мы якобы живем в «постметафизическую эпоху» [117, стр. 117; 145; 207, стр. 250-254, 443], а моральные ценности принадлежат к сфере «метафизики», которая, как считают Хабермас и многие другие, не подходит для научных рассуждений. В то же время, однако, моральные ценности могут, как предполагает теория дискурса, быть предметом рационального дискурса, и результатом такого дискурса должно, что еще более удивительно, быть установление оправданного морального правила или решения, по крайней мере, в вопросах справедливости [207, стр. 13].

Молчание теории дискурса относительно

содержания и значения моральных ценностей и правил было справедливо подвергнуто критике Тейлором за определение практического разума как исключительно процедурного. Эти теории «совершенно мистифицируют приоритет морали, отождествляя ее не с содержанием, а с формой рассуждения, вокруг которой они проводят твердую границу. Затем их заставляют защищать эту границу еще более яростно, поскольку это их единственный способ воздать должное сверхблагам (т.е. свободе, альтруизму, универсализму) (скобки добавлены – Авт.), которые движут ими, хотя они и не могут признать их» [191, стр. 88f; 207, стр. 248]. Та пустота теории дискурса в отношении моральных ценностей и принципов делает ее непригодной для объяснения моральных аспектов прав человека.

Говоря о позиции Хабермаса, невозможно с ним согласиться по поводу идеологии как ошибки теории дискурса. С нашей точки зрения, это вопрос методологии. Использование же идеологии в теории дискурса – не ошибка, а очень важное, необходимое и обязательное ее свойство. В современной России очень активно обосновывается профессором В.П. Сальниковым, С.И. Захарцевым, Д.В. Масленниковым, их последователями и учениками необходимость разработки, обоснования и законодательного закрепления отечественной суверенной государственно-правовой идеологии [35; 67; 74; 142; 180; 181]. Проведенная сравнительно недавно дискуссия по данной проблеме в журнале «Мир политики и социологии» [149], вызванная выступлением профессора В.В. Лазарева [123], свидетельствует о том, что без решения указанной выше проблемы нам не обойтись.

Видные сторонники теории дискурса предпринимают определенные попытки устранить выявленные ее недостатки.

В поисках истины и объективности в морали. Трансцендентность морали

Философская основа моральных прав человека зависит от способности человеческого разума, как мы пытались показать ранее, находить истинные и объективные ответы против эмпирического скептицизма. Может ли человеческий разум воспринять и ответить на основной вопрос о добре и зле, справедливости и несправедливости? Моральные вопросы, несомненно, выходят за пределы нашего эмпирического мира,

если под этим понимать материальный мир пространства, времени и материи, и его чувственное и рациональное восприятие. Но сфера человеческого опыта на этом не заканчивается. «Трансцендентный»** опыт морали и его рациональный анализ являются предметом моральной философии [94]. Возможен ли такой рациональный анализ? Вот в чем вопрос. Следует рассмотреть два утвердительных ответа. Один из них дан Кантом: человек может найти рациональные ответы во врожденных (априорных) понятиях чистого практического разума независимо от какого-либо опыта. Результатом является строго формалистический «моральный закон», который может быть обобщен. Другой ответ мог бы заключаться в том, что человеческий разум может найти существенные моральные ответы общим и объективным способом.

Кантовские ответы

Среди многих философов-юристов, на которых повлияли рационализм и универсализм Канта, Р. Дворкин – один из тех, кто ближе всего подошел к работоспособной теории прав человека при обсуждении существенных моральных вопросов. Однако его работа сосредоточена на судебном пересмотре законодательства Верховным судом США. Решительный критик юридического позитивизма (Харт) и его строгого разделения права и морали, Дворкин представил теорию общих правовых принципов и их применения в суде, сопоставимую с юриспруденцией в странах с гражданским правом. В этих рамках он выдвинул правовую теорию гражданских (человеческих) прав личности, основанную на равенстве, неприкосновенности правообладателя и главенствующем авторитете гражданских прав как основных прав [59].

В рамках теории дискурса были предприняты попытки преодолеть ошеломляющую кантовскую пустоту этой теории в отношении существенных моральных ценностей и правил.

Такие ценности и правила содержатся в необходимых предпосылках идеального дискурса. Апель стремится установить эти правила в качестве «окончательной основы» морального дискурса [14]. Это рассуждение, однако, Апель рассматривает не как онтологическое, а как внутреннее по отношению к теории дискурса. [14]; Хабермас с этим не согласен [207, стр. 435]. Алекси выдвигает основание существования

прав человека посредством анализа существенных предпосылок дискурса [6; 7; 8; 57, стр. 338-359; 229, стр. 158;]: требуемая свобода и равенство участников являются основой уважения к другим и, следовательно, прав человека и человеческого достоинства («экспликативный аргумент»). Он подкрепляет этот результат «экзистенциальным аргументом»: если человек воспринимает результаты такого дискурса как руководство к правильности своих собственных действий, он экзистенциально присоединяется к этим ценностям и правилам [8, стр. 16]. Последний аргумент неубедителен; ибо тот факт, что человек следует определенному правилу, не означает, что это правило существует. В результате Алекси анализирует определенные права человека как элементы априорной структуры дискурса. Аналогичный подход используется Нино, который стремится «раскрыть основополагающую структуру морального рассуждения, дискурса или действия, которые поддерживают основные моральные права» [146, стр. 83]. Является ли это новой «метафизикой» морали? Если это так, то непреднамеренно и, так сказать, через черный ход. Ибо и Апель, и Алекси, по-видимому, хотят оставаться в формальных границах теории дискурса.

В поисках онтологических ответов за пределами субъективизма

Возможно ли найти онтологическую основу моральных прав человека за пределами субъективистского и формалистического подходов Канта? Основной тезис Канта о том, что человек открывает моральный закон в силу его собственного морального сознания и признает его автономно, является единым тезисом, то есть утверждается, что он одинаково применим к каждому разумному человеческому существу. Не лучше ли интерпретировать как онтологическое утверждение о разумной природе человека?

Кант стремился спасти универсальность моральной философии от нападков эмпиризма [95, стр. 387-392; 96, стр. 255-264; 211, стр. 330, 333]. Финнис справедливо замечает, что кантовская метафизика морали «в некотором смысле является наиболее изощренным изложением современной теории естественного права» [197, стр. 97].

Для практикующих юристов и судей онтологический подход к моральным ценностям содержал закон – будь то закон о правах человека или

другие правовые нормы – неявно используется в их повседневной работе. Эти подразумеваемые ценности являются задуманными, интерпретированными и применяемыми в законе объективными критериями, независимыми от лиц, участвующих в данном деле. Это просто дескриптор, еще не аргумент, но он противоречит неправильному описанию предполагаемой «постметафизической эры». Онтологические аргументы представлены философами права из многих стран, которые разработали теории высших принципов, ценностей и правил справедливости, которые предшествуют любому человеческому праву и которые не находятся в распоряжении законодателя. Бразильский автор Мигель Реале снова будет назван здесь [140; 247, стр. 481], вместе с рядом немецких [62, стр. 372; 100; 102, стр. 143-146; 209, стр. 185; 211, стр. 417-422; 218; 230, глава IV] и американских авторов. Уэллмар определяет основания моральных прав человека как «морально значимые факты, которые существуют независимо от наших социальных практик или моральных убеждений» [191, стр. 14; 195, стр. 41, 85; 198: 199, стр. 7]. Дворкин и Финнис поддерживают философскую возможность установления истинности или объективности моральных суждений; они настаивают на том, что аргументы за и против истинности морального суждения должны быть моральные аргументы [59, стр. 171-177; 199, стр. 25]. Существуют различные методологические подходы к онтологическому познанию морали, наиболее известными из которых являются:

- герменевтика;
- феноменология (объективной) морали;
- современные теории естественного права.

Герменевтика и феноменология добра и зла

Герменевтический метод (Дильтей, Гадамер) учит пониманию текстов с помощью подлинных методов гуманитарных наук в противоположность методам естественных наук, которые непригодны для этой цели. Герменевтические методы подходят для понимания и описания моральных явлений. Они подходят для субъективистских или онтологических теорий. Феноменология изначально обозначает попытку преодолеть когнитивный субъективизм*³ и определить явления, которые мы переживаем в «жизненном мире» (Lebenswelt)*⁴ как реальности, которая существует независимо от наших

чувств или моральных убеждений. Таким образом, немецкие философы Шелер и Гартман исследовали творчество Канта с позиций пролегоменов права человека, филдсоновские догматы и лингвистические определения, проанализировали субстанциальную этику ценностей (materiale Wertethik), отказавшись от кантовского формализма [222; 238]. Подход Шелера был использован в юридической философии Айвом Грундзюге [3]. Восприятие моральных ценностей содержит эмоциональные элементы («чувство ценностей»), но это поддерживает рациональное познание и анализ этих ценностей, а не доминирует над ними. Описательные и аналитические аспекты моральной феноменологии были обогащены современной эмпирической и аналитической работой психологов-моралистов, которая обнаруживает замечательное межкультурное единообразие в онтогенетической эволюции морального сознания молодых людей (Кольберг), «универсальная моральная грамматика» каждого ребенка, несмотря на сохраняющиеся культурные различия (Хаузер) [112, стр. 345; 113; 210, стр. 429; 211, стр. 411, 412]. Критики Кольберга уделяют больше внимания эмоциональным аспектам и культурной среде моральных решений и действий [147, стр. 82; 212, стр. 3].

Явления безнравственности и несправедливости, как аналоги добра и справедливости, имеют свои собственные убедительные доказательства, дополняющие доказательства моральных благ, ценностей и правил. Сущность моральных прав человека лучше всего можно понять, когда мы посмотрим на зло, от которого эти права были призваны избавиться. Правовая история прав человека объясняет эти права как нормативные меры реагирования на определенную несправедливость, например, подавление религиозных убеждений или налогообложение без представительства в парламенте. Основным предметом классической моральной философии была проблема того, как человек может преодолеть «зло», то есть свою собственную склонность к неправильным поступкам, и какие усилия он должен приложить в этом отношении с помощью разума (sapientia, prudentia) и самоконтроля (temperantia). Эта философская позиция «морали в соответствии с разумностью»*⁵ (логос, соотношение) была обогащена и преобразована христианскими идеями человеческой свободы, греха и благодати» [111, стр. 23, 44; 211, 56 10-16; 218; 219, стр. 117,

123;]. «Постметафизический» философия постепенно упускает из виду проблему зла [160, часть II; 219, стр. 125].

Здесь вряд ли можно обойтись без понимания различия между социальными ценностями и псевдоценностями. На помощь как раз и приходит идеология и ее государственно-правовое проявление. Сейчас уже не только российским исследователям и абсолютному большинству наших граждан понятна неприемлемость западных ценностей и их опасность для мирового сообщества [10; 11; 12; 36; 65; 68; 80; 81; 144; 168; 170; 177; 215]. Это видят ученые из США и Западной Европы. Наверное, будет правильным и их более внимательное обращение к проблеме зла.

Права как естественные

Поиск онтологического подхода к правам человека как к моральным правам неизбежно приводит к великой европейской традиции естественного права [100; 102, стр. 27 и исторический обзор стр. 26-147; 211, стр. 401-421 и исторический обзор стр. 221-390], которая была активно воспринята в имперской России [122; 171] и сегодня успешно развивается у нас [16; 70; 119; 183; 220]. Эта традиция сохранилась до наших дней в различных формах. Однако со времен просвещения это сопровождалось ожесточенной критикой о том, что для многих сегодня естественное право означает нечто иррациональное и не соответствующее научным стандартам. Примечательно, что моральный престиж прав человека остался незатронутым этой критикой. Сохранение естественного права как предмета философского и практического любопытства может быть объяснено его извечной основной идеей о том, что существуют товары, ценности и правила, предшествующие человеческому выбору и подходящие для руководства разработкой и применением закона.

Современные сторонники идеи естественного права с середины 20-х гг. XX века избегают двусмысленного понятия «природа»⁶ и предпочитают сосредотачиваться на человеческом разуме [198, гл. XIII; 211, стр. 374-382; 230, гл. IV, III.2]. Кроме того, они отвергают историческую концепцию полной системы норм естественного права [31; 211, стр. 403; 230; 247, р. 185]. Вместо этого они предполагают существование высших объективных рациональных ценностей (благ) и принципов справедливости,

которые, хотя и неизменны в своих основных идеях, должны быть адаптированы к различным ситуациям, которые не допускают такой системы [100; 102; 241, стр. 8, 16; 230, гл. IV; 211, стр. 402-414; 231; 232; 234; 195, р. 41; 244, р. 331; 247, р. 482; 250]. Известный сторонник такой современной теории естественного закона и естественных прав Джон Финнис использует онтологический подход, основанный на человеческом разуме, в переосмыслении классической моральной философии Аристотеля и Фомы Аквинского [39; 84; 85; 93; 163]. Разумное человеческое поведение устремлено к ограниченному числу основных благ, таких как жизнь, свобода и знание, которые являются самоочевидными и не вызывают обоснованных сомнений. Стремление к этим различным и иногда противоречащим друг другу благам может быть упорядочено по принципам практического благоразумия (понятий правильного и неправильного, хорошего и дурного) [198, гл. III-V]. В результате могут быть найдены универсальные правила морали, в том числе правила справедливости и основные права личности. Некоторые из этих основных моральных правил являются частью христианской традиции, такие как Золотое Правило или последние шесть из Десяти Заповедей. Практические моральные правила благоразумия должны быть выработаны для неограниченного числа уникальных ситуаций и моральных коллизий. Такая гибкая теория естественных прав, основанная на доказательствах основных благ и правил благоразумия (правил справедливости), которым должно следовать в стремлении к таким благам, предлагает рациональную философскую основу прав человека, которые в классической традиции были бы названы естественными правами [198; 211, стр. 381; 218, р. 267, 271, 279, 281].

Утверждение моральных прав человека за пределами субъективизма

Моральные ценности и правила понимаются и устанавливаются индивидом посредством интуиции и рассуждений. Интуиция помогает нам накапливать моральный опыт и способствует его рациональному осмыслению. Это осмысление должно быть взвешенным и оперировать всеми доступными здравыми аргументами «за» и «против». Уэллман описывает это как «широкое рефлексивное равновесие» [195, р. 169]; аналогичный подход использует и Бриескорн [34; 200,

р. 7]. Моральное свидетельство благ или ценностей имеет элемент эмоциональной привлекательности, который может быть усилен противоположным элементом негодования по поводу несправедливости, которую необходимо исправить (совесть). Эти и другие эмоциональные элементы (противоположные наклонности), однако, могут контролироваться разумом. Нравственное свидетельство и интуиция являются отправной точкой для онтологического обоснования морали. Задействуются несколько логических операций. Как базовые ценности, так и правила благоразумия, по словам Финниса, «ни из чего не выводятся», ни из умозрительных принципов, ни из фактов [198].

Моральные ценности и правила воспринимаются как intersubjectively верные и истинные. Различного рода общение, образование и познавательная деятельность играют свои роли. Из диалогов Платона мы знаем преимущества дискурса как аргументативной процедуры для («майевтического») установления моральной истины, не говоря уже о внутреннем диалоге индивида, в котором взвешиваются различные доводы. Требуются обсуждения по существу. Коммуникация необходима для общественного признания таких ценностей и правил. Здесь теории дискурса становятся важным инструментом. История прав человека представляет динамику процессов социального обучения, касающихся основных моральных ценностей и принципов, затрагиваемых в этом процессе. История прав человека представляет динамику процессов социального обучения, касающихся основных моральных ценностей и принципов, о которых идёт речь. Движение за права человека началось, когда на карту была поставлена политическая эмансипация от автократических политических систем. Эта эпоха придавала особый вес «автономии» индивида как гражданина, взгляд, который мы сегодня высказали бы менее решительно, учитывая нашу ответственность за общее благо. Кроме того, необходимо было преодолеть противоречия в историческом движении. Было провозглашено равенство всех людей, но первоначально оно не включало женщин, индейцев и темнокожих. Собственность была защищена, но социальная защита наёмных работников была принята во внимание гораздо позже. Этот процесс обучения будет продолжаться и способствовать дальнейшему развитию большинства

прав человека, возможно, уделяя меньше внимания некоторым другим правам или пропуская их. В то же время вызывают просто изумление попытки государственной элиты США и объединенной Европы, направленные на поправление прав российских граждан и их реализацию за пределами своего государства в связи со Специальной военной операцией, включая и такое священное право, как право собственности.

Человеческая личность и человеческое достоинство. Свобода и человеческое достоинство

Широко распространено мнение, что основные права человека на свободу и равенство заключены в достоинстве человека как личности. Это достоинство можно объяснить свободой человека. Свобода – прочный стержень человеческой личности. Она сообщает людям как субъектам деятельности самовластие и вменяемость [198, гл. X.4]. Человеческое достоинство – еще одно выражение, обозначающее неизмеримую ценность человеческой личности (Кант). Основоположная ценность человеческого достоинства и вытекающих из нее прав на свободу и равенство, – по крайней мере, в наши дни – весьма самоочевидна, что можно рассматривать как еще один шаг в рациональном обосновании прав человека [34]; идентичность личности с её интересами, «которые есть поистине умопостигаемые блага... является онтологической основой её человеческих прав» [198].

Религиозные и межкультурные аспекты прав человека

На этом мы можем закончить наши поиски такого обоснования. Хотя классические тексты о правах человека называют Бога конечным источником этих прав, мы можем воздержаться от такого глубокого их объяснения [198], принимая во внимание широко распространенный агностицизм. Однако, «осознание того, чего не хватает» встречается и у философов-агностиков. По словам Хэббермаса, такие ключевые понятия, как человеческое достоинство, мораль и этика, свобода и эмансипация, не могут быть вполне поняты людьми западной культуры, если они не знают своей собственной христианской религиозной традиции [236, р. 23; 248, р. 26, 29]. В самом деле, идеи личной свободы и равенства людей как ведущие идеи движения за права человека

уходят своими корнями в христианскую традицию [218, р. 25-79]. На этой основе христианское богословие рано разработало концепцию человеческой личности как нравственного существа [ens morale] наделенного свободой и, следовательно, наделенного достоинством. Позднее, человек рассматривается как наделенный индивидуальными («субъектными») естественными правами. Эти права стали ведущей политической идеей эпохи просвещения и нашли отражение в декларациях прав человека.

Какое значение христианские корни имеют сегодня? Хабермас считает, что «современный разум научится понимать себя только в том случае, если он прояснит свою позицию современному религиозному сознанию, ставшему рефлексивным» [236, р. 29]. В западных обществах, где верующим и агностикам приходится совместно обсуждать вопросы общественной морали и законопроизводства, должны быть приняты правила взаимной терпимости и уважения, чтобы смысловой потенциал религии не терялся [237, р. 34; 242]. Кроме того, философские идеи имеют лишь ограниченное влияние на менталитет обществ. Также и в секуляризованных западных обществах мораль, основанная на религиозной вере в Бога, может способствовать формированию менталитета общества, поддерживающего верховенство закона и уважающего человеческое достоинство и права других людей.

В ходе всемирной дискуссии о правах человека мы должны учитывать культурные и религиозные различия. Оптимизм в отношении того, что эти границы могут быть преодолены, подтверждается эмпирическими и аналитическими психологическими данными. Примечательно, что идея прав человека, несмотря на ее видимые христианские корни, кажется привлекательной и для людей и народов других культур, которые могут найти в своей религиозной традиции элементы, поддерживающие идеи прав человека/ В этом смысле, со ссылкой на конфуцианскую традицию см. [250, р. 267, 282]; более подробное обсуждение: [239, р. 23; 246, р. 129]. Для всемирного продвижения прав человека это имеет решающее значение.

Заключение

Идея прав человека является источником мощного движения к достижению всеобщего согласия о моральных основах закона, права и политических систем. Моральный престиж прав человека помогает их реализации в мире, полном несправедливости. Однако морально-философская основа прав человека остается спорной и некоторый прогресс в этом вопросе весьма желателен, поскольку права человека как политические идеи, правовые принципы и моральные правила в долгосрочной перспективе утратят свою актуальность, импульс, если такая основа не будет найдена. Юридический позитивизм мало может помочь в этом отношении. Утилитаризм, влиятельный с самого начала движения за права человека, в некотором роде все еще может поддерживать это движение, потому что апелляция к человеческим интересам является мощным политическим аргументом. Однако моральные недостатки утилитаризма делают его непригодным в качестве морально-философского основания. Здесь требуются усилия философии права. Применительно к России речь идет о русской суверенной философии права [92; 103; 105; 175; 176; 182; 204].

Морально-философское основание прав человека можно найти только в человеческом разуме. Однако аргументированный дискурс определяет практический разум строго формально и отказывается рассуждать о морали по существу. Это далеко отстоит от философского обоснования прав человека. Чтобы восполнить этот пробел, Алекси выделяет некоторые права человека как априорные принципы дискурса. Этому все еще формалистическому подходу предпочтительнее онтологический подход, основанный на более широком и реалистическом понятии человеческого разума, на который не влияют аргументы «постметафизической эры» и эмпирического саморазрушения морального человеческого разума. Основные человеческие ценности могут быть разумно различимы, и могут быть найдены правила для достижения этих ценностей (Финнис), понятные каждому разумному человеку. Это естественный закон в его современном понимании. Права человека являются наиболее заметной его частью.

Примечания

- * Смертная казнь за супружескую неверность женщин (!) все еще существует в некоторых странах как грубое нарушение прав человека, сохраняемое вводящими в заблуждение культурными традициями.
- ** Термин может обозначать 4 разные вещи: (1) существование объекта, воспринимаемого вне сознания индивидуального познающего субъекта (гносеологическая трансцендентность); (2) (интерсубъективная) интеллектуальная сфера за пределами материального эмпирического мира эмпиризма (аристотелевская логика и метафизика являются его отражающей частью), (3) (интерсубъективная) моральная сфера за пределами материального мира (предмет «метафизики» после Канта) и (4) нечто за пределами нашего мира в целом (Бог; особая метафизика). Мы используем здесь третье значение, не исключая четвертого. Мы находим термин «трансцендентный» в контексте противоречивого, сегодня пользующегося дурной славой, но вряд ли ненужного термина «метафизика». О дискредитации и незаменимости метафизики см. [95, стр. 410; 96, стр. 367].
- *³ Гуссерль в своих ранних работах принимает понимание «феноменологии», направленное против психологизма его времени и в сторону объективизма [56]; позже он возвращается к кантовским субъективным подходам.
- *⁴ Гуссерль ввел это двусмысленное понятие в феноменологию.
- *⁵ О Платоне и Аристотеле в этом отношении см. [198, глава XIII].
- *⁶ Эта двусмысленность понятия природы (*physis*) обнаруживается уже в классической греческой философии. Римское право вобрало в себя стоическое двойное понимание природы человека как (а) разумной (*naturalis ratio*) и (б) животной (*quod natura omnia animalia docuit*) [C171, № 271].

Список литературы

1. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 182-195.
2. Авангард: <http://vanguardngr.com/2012/03/0goni-shell-us-supreme-court>.
3. Айвом Грундзюге из *Rechtsphilosophie* (Очерк юридической философии). 5-е изд.
4. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). 2-е изд., перераб. и доп. / Вступительное слово к первому изданию Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2020. – 484 с.
5. Алекси Р. Теория конституционных прав (2002).
6. Алекси Р. *Recht, Vernunft, Diskurs: Studien zur Rechtsphilosophie* (Закон, разум, дискурс: Исследования по философии права) (1985).
7. Алекси Р. Теория дискурса и права человека (1996).
8. Алекси Р. Существование прав человека // ARSP-B 136. – 2013. – С. 9-17.
9. Алиев Я.Л., Воронков К.И., Числов А.И. Идея добра в интерпретации Ф.М. Достоевского и в контексте философии права: презентация-рецензия монографии А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права» – СПб.: Фонд «Университет». 2021. – 380 с. – (Серия: «Наука и общество») // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 1. – С. 186-193.
10. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
11. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
12. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
13. Антонов И.А. Идеи добра и свободы, нравственности и права: рецензия на книгу А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права». – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. // Правда и закон. – 2022. – № 1(19). – С. 77-84.
14. Апель К.-О. *Auseinandersetzungen in Erprobung der transzendental-pragmatischen Ansatzes* (Споры при проверке трансцендентально-прагматического подхода) (1998).
15. Аристотель. Этика Никомахии // https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf

16. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // *Юридическая наука: история и современность*. – 2012. – № 2. – С. 122-128.
17. Бабаджанов И.Х., Сальников В.П. Современная эвтаназия: законодательное признание или запрет // *Юридическая наука: история и современность*. – 2017. – № 8. – С. 134-151.
18. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Жизнь и смерть в аксиологическом восприятии // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 8. – С. 189-198.
19. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Жизнь и смерть как базовые категории философско-правовой науки // *Правовое поле современной экономики*. – 2016. – № 4. – С. 17-27.
20. База данных UNTC // <http://treaties.un.org/pages/Treaties.aspx?id=4&subid=A&lang>.
21. Бастрыкин А. Защита прав граждан в работе СК РФ // *Защита и безопасность*. – 2019. – № 2. – С. 26-29.
22. Бастрыкин А.И., Сальников В.П. Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // *Вестник института права Башкирского государственного университета*. – 2021. – № 4. – С. 9-19.
23. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // *Юридическая наука: история и современность*. – 2021. – № 6. – С. 176-181.
24. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия: «Наука и общество»).
25. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея права нового времени и философское наследие Ф.М. Достоевского: мировоззренческая оппозиция двух моделей // *Правовое государство в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18 мая 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова*. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С 74-85. – в сб. 395 с.
26. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // *Юридическая наука: история и современность*. – 2020. – № 6. – С. 170-177.
27. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия права Ф.М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // *Юридическая наука: история и современность*. – 2020. – № 9. – С. 168-181.
28. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Человек и народ как высшие ценности в философии права Ф.М. Достоевского // *Юридическая наука: история и современность*. – 2021. – № 3. – С. 165-172.
29. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Захарцев С.И. Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф.М. Достоевского // *Юридическая орбита*. – 2021. – № 1. – С. 32-37.
30. Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна). – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та. 2001. – 412 с.
31. Бекенферд, Франц-Ксавер Кауфман // Bockle/Bockenforde, Naturrecht in der Kritik (A critical appraisal of Natural Law) (1973).
32. Бентам Дж. Введение в принципы морали и законодательства (Introduction to the Principles of Morals and Legislation) (1789). - Нью-Йорк: Издательство Хафнера, 1948.
33. Билль о правах Вирджинии от 12 июня 1776 года.
34. Бриескорн. Права человека. Историко-философские основы (1997).
35. Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П. Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // *Теория государства и права*. – 2021. – № 4(25). – С. 23-32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
36. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь?// *Социология*. – 2015. – № 2. – С. 4-15.
37. Бюргенталь Т., Тюрер Д. Права человека. Идеалы, инструменты, институты (2009).
38. Введение в Договорную систему ООН по правам человека // <http://www.bayefsky.com/introduction.php>.
39. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // *Юридическая наука: история и современность*. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
40. Виноградова Е.В., Сальников В.П., Захарцев С.И. Правосудие для справедливости. М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // *Государство и право*. – 2022. – № 8. – С. 190-194.
41. Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Право, свобода, закон. Контрфорс // *Образование и право*. – 2021. – № 9. – С. 30-35. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-9-30-35.
42. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // *Правовое государство: теория и практика*. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
43. Галиев Ф.Х. Особенности становления синкретизма правовой культуры // *Инновационные процессы и технологии в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 29-30*

- ноября 2013 г.). Ч. II. – Уфа: БашГУ, 2013. – С. 155-169.
44. Галиев Ф.Х. Права человека и правовая культура // Международные и национальные механизмы защиты прав и свобод человека: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 19 декабря 2002 г. В 2 ч. Ч. 1. – Уфа: Уфимский юридический ин-т МВД России, 2003. – С. 201-204.
45. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
46. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
47. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
48. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
49. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. - № 4. – С. 1352-1356.
50. Галиев Ф.Х., Крижановская Г.Н., Сальников М.В. Законодательство и общественная мысль Российской Империи на рубеже XIX–XX веков о праве женского судебного представительства // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2(68). – С. 63-70.
51. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 292 с.
52. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114-119.
53. Грязнова Д.С. Роль Е.А. Флейшиц в появлении женщины на юридической арене // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 85-87.
54. Гусева В.Ю. Понятие справедливости в психологической теории права Л.И. Петражицкого // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 190-197.
55. Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Lex russica. – 2018. – № 8(141). – С. 7-22.
56. Гуссерль Э. Logische Untersuchungen (Логические исследования) (1900/1901).
57. Гюнтер К. Либерал и теоретико-дискурсивный подход к правам человека (Интерпретация прав человека в либеральных и теоретико-дискурсивных аспектах) // Бруггер / Нейман / Кирсте (ред.). Философия 21. Яхрундерт (Философия) Право в XXI веке, 2008. – С. 338-359.
58. Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. - М.: РОССПЭН, 2004. - 389, [2] с.
59. Дворкин Р. Вопрос принципа (1985),
60. Декларация независимости США от 4 июля 1776 года.
61. Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 52-59.
62. Драйер. Теория права (Rechtstheorie) (1987)/
63. Егоров Ю.Н., Жигалов Н.Ю. Право и мораль в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / М-во внутрен. дел. Рос. Федерации, Вост.-Сиб. ин-т. – Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2005. – 83 с.
64. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
65. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
66. Захарцев С.И., Сальников В.П. Вышла замечательная работа о Федоре Михайловиче Достоевском. Рецензия на книгу митрополита Илариона (Алфеева) «Евангелие Достоевского. – М.: Издательский дом “Познание”, 2021. – 232 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 8. – С. 177-193.
67. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
68. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
69. Захарцев С.И., Крижановская Г.Н., Сальников М.В. Общественная мысль Российской Империи второй половины XIX – начала XX веков о праве женщин получать юридическое образование и заниматься юридической практикой // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 122-137. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.010.
70. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о перспективах современной интерпретации естественного права: философско-правовой и теологический аспекты // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 4 (41). – С. 2-8. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-4-02-08.

71. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1. – С. 4-7. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1-04-07
72. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 17-24.
73. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
74. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188-193.
75. Зорькин В.Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 5-14.
76. Игнатьева С.В., Кузнецов Э.В., Советов Д.И. Философские взгляды и вклад Ф.М. Достоевского в развитие политико-правовой мысли России: прошлое и настоящее. // Рецензия на книгу Бастрыкина А.И., Исмагилова Р.Ф., Сальникова В.П. “Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права” (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия: «Наука и общество») // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 188-195.
77. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмаилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
78. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмаилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
79. Иларион, митр. (Алфеев) Евангелие Достоевского. – М.: Познание, 2021. – 232 с.
80. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
81. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. – Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С. 109-112.
82. Исакович А.С., Коряковцев В.В. Первая женщина-адвокат в России Екатерина Абрамовна Флейшиц // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 2. – С. 171-175.
83. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Западные философы права и концепция справедливости Джона Ролза // Мир политики и социологии. – 2017. – № 5. – С. 179-184.
84. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 176-184.
85. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
86. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
87. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях середины XX – начала XXI веков // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 181-189.
88. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
89. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и правда как идея в русской философии права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 102-115.
90. Исмаилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и право в концепции Джона Ролза // Мир политики и

- социологии. – 2017. – № 1. – С. 11-17.
91. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
92. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83-92. – в сб. 243 с.
93. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
94. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отред. Ц. Арзаканяном и М. Иткиным. – М.: Эксмо, 2014. – 734, [1] с.: портр.
95. Кант И. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. I. – М.: Мысль, 1965. – С. 211-310. – 544 с. – (Философ. наследие).
96. Кант И. Прологемы ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки // И. Кант. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. I. – М.: Мысль, 1965. – 544 с. – С. 67-209.
97. Капинус О.С. Эвтантизм в свете права на жизнь. – М.: Камерон, 2006. – 479 с.
98. Каратаев О.Г. Роль и значение Ф.М. Достоевского в формировании русского национального правосознания // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 177-181.
99. Карпунин В.А., Сальников В.П. Право и мораль // Лики морали. Введение в этику: Учебно-научное пособие / Санкт-Петербургский гос. аграрный ун-т, Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России; под науч. и общ. ред. В. Л. Обухова. – СПб.: Ривьера, 1996. – С. 104-105. – в кн. 189 с.
100. Кауфман Ф.Х. Die Entstehung sozialer Grundrechte (Возвышение социальных основных прав) (2003).
101. Кауфман Ф.Х. Вариации государства всеобщего благосостояния (2013).
102. Кауфман/Хассемер/Нейман, Einfuhrung // Введение в юридическую философия и правовая теория сегодняшнего дня. 8-е изд. (2011).
103. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-14-18.
104. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию Александрова А.И. «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» – СПб.: СПбГУ, 2013) // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
105. Керимов А.Д., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. Гегелевская философия как теоретическая предпосылка суверенной философии права // Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика: Сборник материалов Межрегиональной конференции с международным участием, посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля (Санкт-Петербург, 19–21 ноября) / Отв. редактор Д.В. Масленников. – СПб: РХГА, 2020. – С. 284-290. – в сб. 306 с.
106. Кийко А.Ю., Крижановская Г.Н., Хабибулин А.Г. Философия права Ф.М. Достоевского. Рецензия на монографию А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова и В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступ. статья А. Александрова. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 388 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 2. – С. 187-194.
107. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 364 с.
108. Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 172-178.
109. Клименко О.А. Юрген Хабермас о понятии наднационального суверенитета как условия «Конституции Европы» // Верховенство права и национальные интересы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) // Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 78-82.
110. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22-28.
111. Кобуш. Die Entdeckung der Person. Melaphysik der Freiheit und modernes Menschenbild (Открытие личности. Метафизика свободы и современная идея человека), 2-е изд. (1997).
112. Кольберг Л. Die Psychologie der Muralentwicklung (Психология морального развития) (1995).

113. Кольберг Л. Утверждение о моральной адекватности Высшей Ступени Морального Суждения // *J. Ophilosophy* vol. 70 no. 18 p. 630-646 (1973).
114. Кони А.Ф. О допущении женщин в адвокатуру // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах. Том 4 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит, 1968. – С. 426-442. – в кн. 544 с.
115. Крижановская Г.Н. Деятельность общественных организаций Российской империи по защите права женщин на получение высшего юридического образования на рубеже XIX–XX веков. // *Юридическая наука: история и современность*. – 2021. – № 6. – С. 95-103.
116. Криле М. Введение в государственную доктрину (Введение в теорию государства). 6-е изд. (2003).
117. Критика Хабермаса: Полумесяц Свободы (О свободе и законе), 2008
118. Крылова Н. Эвтаназия: уголовно-правовой аспект // *Вестник МГУ. Сер. 11: Право* – 2002. – № 2. – С. 17-37.
119. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – 1993. – № 4. – С. 75-79.
120. Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. – 136 с.
121. Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1820. – 164 с.
122. Куницын А.С. Формирование и развитие естественно-правового направления в русской науке права // *Ученые записки юридического факультета*. – 2015. – № 36(46). – С. 5-11.
123. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 4. – С. 17-32.
124. Лаут Рейнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
125. Лежнева О.Ю., Прокофьев К.Г., Чудин-Курган Ф.О. Право и мораль перед судом коммуникативного разума в концепции Юргена Хабермаса // *Правовое государство: теория и практика*. – 2019. – № 4. – С. 59-65.
126. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135-405.
127. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М.: Наука, 1986. – 263 с.
128. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
129. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // *История государства и права*. – 2007. – № 16. – С. 35-37.
130. Луковская Д.И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // *История государства и права*. – 2007. – № 13. – С. 34-36
131. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
132. Макинтайр А. Чья справедливость? Какая рациональность? – Нотр-Дам (США): Университет Нотр-Дам Пресс, 1988.
133. Максимов А.А., Морозов А.И., Сальников М.В., Садовников М.Г., Чудин-Курган Ф.О. Юрген Хабермас: опыт трансляции гегелевской парадигмы права в дискурсивное пространство современной юриспруденции // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 9. – С. 179-185.
134. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. – М.: Мысль, 1977. – 255 с.
135. Масленников Д.В., Жданов Ю.Н. Достоевский и философия права в России: идея Бога и идея свободы в Царстве Абсолютного Добра. Размышления над одной книгой // *Русская философия*. – 2022. – Выпуск 1(3). – С. 83-93.
136. Матузов Н.И. Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии. – Саратов: СГУ, 1969. – 90 с.
137. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // *Мир политики и социологии*. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
138. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
139. Миддлкауф Р. Славное дело. Американская революция 1763-1789 / Пер. с англ. М. Леоновича, Д. Голубцова, О. Мичковского. – Екатеринбург: Гонзо, 2015. – 798 с.: карты.
140. Морейра Лима. 10 *Oreg. Rev. Международный закон 77, в 95* (2008).
141. Мигель Реале. Официальный сайт // <https://www.miguelreale.com.br>
142. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
143. Мукашев М.Ш., Набиев В.В. Современное состояние законодательства Кыргызской Республики по вопросам эвтаназии и ряду других проблем // *Государство и право*. – 1999. – № 10. – С. 111-114.

144. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // *Юридическая наука: история и современность*. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
145. Начметафизика Денкен (после метафизических рассуждений) (1992).
146. Нино. Этика прав человека (1991).
147. Нуссбаум М. Emotionen и der Ursprung der Moral (Эмоции и источник морали) (2000).
148. Ойгензихт В.А. Мораль и право. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 160 с.
149. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // *Мир политики и социологии*. – 2019. – № 11-12. – С. 11-35.
150. Пипер Й. Герехтигкейт (Правосудие), 2-е изд. (1954).
151. Питулько К.В. Реализация женщинами права на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 11. – С. 154-157.
152. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.
153. Претти против Соединенного Королевства (жалоба № 2346/02): Решение палаты от 29 апреля 2002 года // <http://www.echr.coe.int>
154. Проблемы универсальной значимости прав человека (2000) (перепечатано в Schapp, Uber Freiheit und Recht (О свободе и праве), 2008).
155. Прокофьев К.Г. Проблемы морали в юриспруденции и возможности их актуализации в российской правовой идеологии // *Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – С. 109-115. – в сб. 170 с.*
156. Прокофьев К.Г., Морозов А.И., Чудин-Курган Ф.О. Проблема соотношения правовых норм и моральных ценностей в западной философии права: Кельзен – Харт – Дворкин // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 6. – С. 187-196.
157. Прокофьев К.Г., Сальников М.В., Шилина Г.А. Юрген Хабермас о новых формах реализации прав и свобод личности в объединенной Европе // *Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 148-160. – в сб. 243 с.*
158. Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. - М.: Международные отношения, 2004. - 240 с.
159. Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
160. Рикер Поль Э.Ф. Philosophie de la voluille (Философия воли). 2 тома (1950/1960) (английский перевод 1967 г.).
161. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1995. – 532 с.
162. Романовская В.Б. Magna carta libertatum в контексте современной проблемы прав личности // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
163. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
164. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // *Правовое государство: теория и практика*. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
165. Рорти Р. Права человека, рациональность и сентиментальность // *Права человека: Оксфордские лекции по амнистии*. Изд. Шут/Херли, 1993.
166. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // *Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66. – в кн. 399 с.*
167. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
168. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // *Мир политики и социологии*. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
169. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // *Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 72-79. – в сб. 256 с.*
170. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? //

- Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
171. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
172. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Эвтаназия: за и против // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С. 42-48.
173. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
174. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Право на смерть в системе соматических прав человека // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. тр., Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. правоведения; ИГП. Центр эколого-правовых исслед.; Центр адм.-правовых исслед.; Отв. ред.: О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоваров. – М.: ИГП РАН, 2003. – С. 339-360.
175. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Гегеля как теоретическая предпосылка суверенной философии права России. Краткий обзор докладов, статей и выступлений на Межрегиональной конференции с международным участием «Творческое наследие Гегеля: философия, теология, право, экономика», посвященной 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 182-194.
176. Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176.-187. – в сб. 243 с.
177. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
178. Сальников В.П., Романовская В.Б., Щепоткина-Маринина Т.В. Правовая концепция Юргена Хабермаса // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 3. – С. 86-92.
179. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Философия Ф.М. Достоевского как объект интерпретирующей реконструкции // Мир Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.
180. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
181. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170-178.
182. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
183. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 20-32.
184. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Бессмертие души как стержневая идея в учении Ф.М. Достоевского о праве и нравственности // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 179-192.
185. Сальников М.В., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: понимание права и синкретизм современной правовой культуры // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 125-131.
186. Сингер П. Практическая этика (Practical Ethics). - Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
187. С্মарт Дж., Уильямс Б. Утилитаризм за и против (1973).
188. Стеценко С.Г. Жизнь и смерть человека как объект правовой науки // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 180-188.
189. Сынков В.В. А.Ф. Кони об участии женщин в работе российской адвокатуры // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 164-167.
190. Тейлор Чарльз. Источники самости: формирование современной идентичности (The Making of the Modern Identity). - Кембридж: Harvard University Press, 1989. - 624 с.
191. Темнов Е.И. Аристотель. Политика. Афинская полиция: Монография. – М.: Русайнс, 2022. – 348 с.
192. Теория коммуникационных обработчиков, 2 версия // Теория коммуникации, том. I (1984).
193. Трансформация прав человека в современном мире: Монография / Отв. ред. А.Н. Савенков. – М.: НОРМА;

- ИНФРА-М, 2018. – 256 с.
194. Уайт Х. Философия в современном мире. Том № 3-6.
 195. Уэллман К. Моральные аспекты прав человека (Wellman. The Moral Dimensions of Human Rights) // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7be767c3-63d54fe3-3f720a72-74722d776562/https/www.overdrive.com/media/4978118/the-moral-dimensions-of-human-rights
 196. Философия директората, 1-е изд. 1953, 19-е изд. (2003).
 197. Философия права (колл. очерки, том. IV (2011)).
 198. Финнис Д. Естественное право и естественные права / Пер. с англ. В.П. Гайдамова и А.В. Панихиной. - М.: ИРИСЭН: Мысль, 2012. - 552, [1] с.
 199. Финнис Д. Права человека и общее благо // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0329ac90-63d55fec-36b4efbe-74722d776562/https/www.overdrive.com/media/4969152/human-rights-and-common-good.
 200. Финнис Д. Теория справедливости Ролза (1973).
 201. Фома Аквинский. Iustitia est circa actiones (Справедливость заключается в действиях) // *Ethica* Никомахиа 5.1; № 886.
 202. Фома Аквинский. Сумма теологии. Том 5: Вторая часть Второй части. Вопросы 1-46. - М.: Красанд, 2015. - 560 с.
 203. Французская декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года // <http://larevolution.ru/declaration.html>
 204. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.
 205. Фуллер Лон Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой. – М.: Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. – 308 с. (Серия «Право»).
 206. Хабермас Ю. *Nachmetaphysisches Denken* (Постметафизические рассуждения) (1988).
 207. Хабермас Ю. *Этика дискурса* (2009).
 208. Харт Г. Право, свобода и мораль / Пер. с англ. С. Моисеева. – М.: Институт Гайдара, 2020. – 136 с.
 209. Хассемер В. Фестиваль дружбы (*Liber Amicorum*) Майхофера (1988).
 210. Хаузер М. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла; пер. с англ. Т. М. Марютиной; под ред. Ю. И. Александрова; предисл. Ю.И. Александрова; илл. И. В. Молчановой. - М.: Дрофа, 2008. - 639, [1] с. : ил.
 211. Хорн Н. *Einführung in die Rechtswissenschaft und Rechtsphilosophie* (Введение в юридическую науку и философию права) (1-е изд.: 1996; 5-е изд.: 2011).
 212. Хоффманн М. Сочувствие и нравственное развитие: последствия для заботы и справедливости. - Кембридж: Издательство Кембриджского университета. DOI:10.1017/SBO9780511805851.
 213. Хохфельд У.Н. Фундаментальные правовые концепции, применяемые в судебных рассуждениях (1919).
 214. Центр конституционных прав: <http://ccrjustice.org/learn-more/faqs/factsheet-case-againstShell>.
 215. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // *Ученые записки юридического факультета*. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
 216. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // *История государства и права*. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
 217. Чудин-Курган Ф.О. Проблема императивной природы правовых норм в контексте дискуссии Герберта Харта и Рональда Дворкина // *Правовое государство: теория и практика*. – 2019. – № 3. – С. 60-68.
 218. Шапп Я. *Freiheit. Moral und Recht* (Свобода, Мораль и право) 1994.
 219. Шапп. *Metaphysisches und nachmetaphysisches* (Метафизические и постметафизические рассуждения) 1997 // *Scharr. Uber Freiheit und Recht* (О свободе и праве), 2008.
 220. Шафиров В.М. Естественное-позитивное право: Введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004. – 260 с.
 221. Шафиров В.М. Право и мораль в человеческом измерении // *Российская юстиция*. – 2022. – № 4. – С. 3-8.
 222. Шелер М. *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik* (Формализм в этике и материальная этика ценностей). 2 тома (1913, 1916).
 223. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992. – 228 с.
 224. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // *Мир политики и социологии*. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
 225. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
 226. Юм Дэвид. Исследование, касающееся принципов морали // *Д. Юм. Сочинения в 2 т. Т. 2*. - М.: Мысль, 1965.
 227. Юм Дэвид. Исследование, касающееся человеческого понимания // *Д. Юм. Сочинения в 2 т. Т. 2*. - М.: Мысль, 1965.

228. Юм Дэвид. Трактат о человеческой природе // // Д. Юм. Сочинения в 2 т. Т. 1. - М.: Мысль, 1965.
230. Coing, Grundzuge der Rechtsphilosophie (Очерки философии права), 5-е изд. 1993.
231. Common Good (Coll.Essays Vol. III) 2011.
232. Dworkin. Taking Rights Seriously, 1977.
233. Frankfurter Allgemeine, 1 октября 2012 г.
234. George R. In Defense of Natural Law; 1999.
235. Grisez. The First Principle of Practical Reason. 10 Nat. L. F. (1965).
236. Habermas. Nachmetaphysisches Denken (Post-metaphysical Reasoning) (1988).
237. Habermas/Ratzinger. Dialektik der Sakularisierung: Uber Vernunft und Religion (Dialectics of Secularization: On Reason and Religion), 2012.
238. Hartmann N. Grundeige einer Metaphysik der Erkenntnis (Oulline of methaphusics of ecgmiton), 1921; id., Ethik (Этика), 3 тома, 1926.
239. Horn. Festschrift (Liber amicorum) Schapp, 2010.
240. Kant. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten (Foundations of Metaphysics of Morals), 1785.
241. Kaufmann A. Naturrecht und Geschichtlichkeit ((Natural Law and Historicity) 1957,.
242. Knapp. Faith and Knowledge with J. Habermas, Stimmen der Zeit 4/2008, p.270-280.
243. Kradolfer. Verpflichtungsgrad sozialer Menschenrechte (Степениобязательных последствий социального права человека) 50 AVR (2012).
244. Kuhl, Ruckblick auf die Renaissance des Naturrechts nach dem 2. Weltkrieg (Looking back on the Post-WW-II Renaissance of Natural Law), в: Giessener Rechtswiss. Abhandlungen vol. 6 1990.
245. Moralbewusstsein ud kommunikatives Handeln, 1983=Моральное сознание и Активное общение, 1992.
246. Morita A. A Difference in the Concept of the Self as the Subject of Human Rights Between the West and Japan: Can Confucian Self be strong enough to exercise positive Liberty in an Authoritarian Society, ARSP-B 136 (2013)
247. Reale. Filosofia do Direito, ed. 1999 3 (2002).
248. Reder/Schmidt (eds), Ein Bewusstsein von dem, was fehlt (An awareness of what is missing), 2008.
249. Schapp. Metaphysische und nachmetaphysisches Denken (Метафизические и постметафизические рассуждения) // ARSP. – 1997.
250. Taylor Ch. Conditions of an unenforced Consensus on Human Rights // <https://prezi.com/ctikouc-y6ed/conditions-of-an-unforced-consensus-on-human-rights/>

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ГАБИДУЛЛИН Ильгиз Фанирович,
главный научный сотрудник Института стратеги-
ческих исследований Республики Башкортостан,
доктор педагогических наук, кандидат юридиче-
ских наук (г. Уфа, Россия)
E-mail: gabidullinif@isi-rb.ru

**Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические
правовые науки**

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

***Аннотация.** Взаимоотношения людей в обществе всегда представляли большой интерес для представителей гуманитарных наук, потому что именно специфика отношений людей между собой во многом определяет, и даже предопределяет возможное развитие событий в обществе и государстве. Автор статьи исходит из того, что специфика общественных отношений обуславливается многими факторами, среди которых, прежде всего, можно выделить те условия, в которых протекает жизнь данного общества. Немаловажно значение в определении основных мотивов выбора той или иной модели поведения имеют бытующие в обществе соционормативные установки, а также образовательный уровень населения, правосознание и правовая культура общества и т.д., от которых зависит общественное сознание и менталитет людей.*

***Ключевые слова:** личность; гражданин; общество; гражданское общество; правосознание; правовая культура; гражданственность.*

GABIDULLIN I.F.

PERSONALITY AND SOCIETY IN THE MODERN WORLD

***The summary.** The relationship of people in society has always been of great interest to representatives of the humanities, because it is the specificity of people's relations with each other that largely determines, and even predetermines the possible development of events in society and the state. The author of the article proceeds from the fact that the specificity of social relations is determined by many factors, among which, first of all, one can single out the conditions in which the life of a given society takes place. Equally important in determining the main motives for choosing one or another model of behavior are the socio-normative attitudes prevailing in society, as well as the educational level of the population, legal awareness and legal culture of society, etc., on which the public consciousness and mentality of people depend.*

***Key words:** personality; citizen; society; civil society; legal awareness; legal culture; citizenship.*

Общество на то и называется обществом, что охватывает тех людей, которых связывает между

собой и объединяет множество вопросов, требующих решения совместными, общими усилиями.

В силу этого те проблемы, которые стоят перед данным обществом, и решаются общими усилиями, всем сообществом этих людей. Однако все дело в том, что, тем не менее, роль каждого человека, входящего в данное общество, понимающего, признающего и желающего решить проблемы, волнующие все общество в целом, неизмеримо возрастает. При этом, бесспорно, возрастают и требования, которые общество предъявляет каждому из своих членов. Каждый человек сталкивается с необходимостью обладания, кроме профессиональных знаний, еще и умением применять и пользоваться ими в реальной жизненной ситуации,

События, которые происходят в мире, в целом, и в нашей стране, в частности, делают очевидным то, что в современном мире многие моменты в жизни людей начинают зависеть от индивидуальных особенностей человека. Мы живем в эпоху модернизации, комплексной реформы политической системы, совершенствовании гражданского общества [21, стр. 17; 5, стр. ПОТОМ]. Поэтому роль личности не только в судьбе его самого, но и в жизни окружающих его других людей и, в отдельных случаях, даже всего общества, сильно возрастает. В связи с этим в общественно-политической жизни страны неизмеримо возрастает значение тех процессов, которые связаны не только с организацией системы профессионального образования, но и с воспитанием новых поколений россиян в духе патриотизма, преданности к своей стране и традициям и обычаям своих предков. Отечественные политико-правовые традиции играют все большую роль в обеспечении единства российского многонационального народа [29; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37].

Бесспорно, одним из важнейших факторов, кардинально влияющих на сознание и поведение человека, являются те условия, в которых происходит вся его жизнедеятельность. При этом мы можем выделить материальную и духовно-нравственную составляющие этих условий, которые способствуют выбору того или иного личностного решения, конкретной модели поведения человека, его гражданской позиции. Вне всякого сомнения, на формирование правосознания личности не меньшее влияние оказывают и те события, которые происходят в стране, в частности, и в мире, в целом, что обусловлено возможностью человека получать всю имеющуюся информацию

благодаря современным достижениям цивилизации и электронных технологий.

По нашему мнению, в деле организации образовательных процессов необходимо учитывать то, что процесс воспитания новых поколений граждан нашей страны должен основываться на сформировавшемся на сегодняшний день огромном комплексе социокультурных установок, выработанных такими науками, как философия, история, политология, юриспруденция и другими. При всем этом, осознаем мы это или нет, достижения этих наук уникальным образом интегрируются в мир тех социальных норм, испокон веков регулировавших взаимоотношения людей между собой, которые функционируют в виде моральных, религиозных, этических правил поведения.

Все дело в том, что общественное мнение всегда старалось сделать так, чтобы люди согласовывали свои поступки с требованиями традиций и обычаев, морали и религии, а к правоохранительным органам человек обращался только в необходимых случаях, когда для решения вопроса требовалась принудительная сила государства. Тем не менее, человек всегда выбирает только те социальные нормы, которые подходят к его представлениям о добре и справедливости и помогают «решению его проблем, в том числе и правовые нормы, при этом в представлениях людей о праве преломляются самые значительные явления, факты и события, связанные с действующим законодательством, существующими в государстве правовыми ценностями и традициями» [9, стр. 12].

Трансформационные процессы, предполагающие постепенное и необратимое превращение современного человеческого сообщества в постиндустриальное общество, сопровождаются существенными изменениями в общественно-политической и социально-экономической жизни страны. В силу этого модулируются новые векторы не только в профессиональной деятельности человека, но и в духовно-нравственных представлениях людей, в понимании и восприятии общественным сознанием гражданственности и патриотизма, и все это ставит новые задачи перед отечественной наукой и организации системы образования в стране.

Те процессы, которые принято называть «глобализацией» [30], в широком понимании этого слова можно представить себе как такую специфику общемирового развития, предполагающую

человеческую личность в центре политической, экономической, социальной и духовной жизни общества. Такая ситуация требует признать его профессиональные способности и возможности действенным условием для социально-экономического развития общества, в целом. При этом, с одной стороны, это должно способствовать тому, чтобы экономика стала эффективной и конкурентоспособной, а, с другой стороны, должно содействовать делу обеспечения национальной безопасности государства, повышению благополучия каждого гражданина страны. Поэтому немаловажным вопросом является создание реальных условий и возможности получить соответствующее желанию и способностям человека образование, что как раз соответствует и решению проблемы подготовки достойного молодого поколения специалистов, воспитанию гражданственности и повышения правовой культуры общества. Необходимо отметить, что такая ситуация сложилась в сфере образования во всех современных государствах, которые в качестве основных задач сегодняшнего дня ставят повышение общего уровня образованности населения, при этом, с одной стороны, ужесточают требования к уровню профессиональной подготовки граждан, а с другой стороны, стремятся к повышению уровня как общей культуры населения, так и правовой культуры общества [26; 27; 28].

В данном случае, оба выделенных нами момента связаны с понятием «культура». Нам импонирует, с данной точки зрения, определение понятия «культура», которое принадлежит крупнейшему советскому писателю А.М. Горькому. В своей статье «Гуманистам» он пишет, что «культура есть организованное разумом насилие над зоологическими инстинктами людей» [11, стр. 239]. Действительно, классик прав, мы сами отвечаем за свои поступки, потому что мы имеем возможность выбрать тот вариант, который способствует осуществить наши замыслы и при этом остаться на свободе. Мыслители прошлого не зря свободу определяли как осознанную необходимость, связывая ее с идеей всеобщего добра [3; 4; 12]. Поэтому В.С. Нерсисянц и писал о том, что право можно воспринимать как математику свободы [20]. Идея свободы находит свою непосредственную связь с правом и моралью [16].

Проблема выбора необходимой модели поведения, связанного с возможностью потерять

свободу, по нашему мнению, в современных условиях имеют отношение ко всем сферам жизнедеятельности общества. Например, глобальные изменения имеют отношение, прежде всего, к вопросам, связанным с проблемами окружающей нас природы, здравоохранения, которые становятся злободневными в такой степени, что масштабность происходящих в этой сфере изменений имеет прямое отношение и к каждому человеку, в частности, и всему обществу, в целом. Не случайно в большинстве стран мира право на охрану здоровья признается в качестве конституционной цели [22, стр. 13]. Реалии сегодняшнего дня охватывают и иные вопросы социального плана, включая проблемы развития и совершенствования всего того, что имеет отношение и к образованию.

Еще в начале нынешнего столетия можно было заметить, что процессы, связанные с социализацией личности, прежде всего, имеют отношение, как к пространственному, так и временному факторам, которые были обусловлены деятельностью человека, и постепенно приобрели одновременно геопромышленный и геополитический характер.

Эти процессы отличались своей необратимостью, что объясняется отсутствием у человеческого сознания механизма или же способности непосредственного восприятия процесса порождения катастрофической ситуации, пока сама катастрофа не становится неизбежной и не принимает реальный характер. При этом они обладали особой скрытостью, были вроде бы незаметны, что обеспечивало отсутствие внимания на причинно-следственные связи. Характерной особенностью, присущей данным процессам, стала большая пространственная и социальная дистанцированность, которая образовалась между агентами и жертвами глобальных изменений. Необходимо отметить, что информация об этих явлениях не отличается особой ясностью и точностью, что нужно для того, чтобы эксперты по глобальным изменениям смогли прийти к согласию о масштабах и о времени наступления реальной угрозы. Также нужно подчеркнуть, что в современных условиях массовое сознание людей имеет тенденцию к игнорированию информации об угрозе их безопасности вследствие отсутствия открытой информации о глобальных изменениях в мире и т.д. [10, стр. 12].

Тем не менее, для формирования

общественного сознания, для определения путей и способов формирования человека, способного жить в современном обществе, важно сформировать четкое понимание его сущностных признаков, которые связаны со становлением и совершенствованием гражданского общества и правового государства. Известный социолог, писатель и публицист С.Г. Кара-Мурза пишет, что «культура создается из опыта предшествующих поколений («переживаний мертвого прошлого»), которые сохраняются и отбираются памятью, а затем по-новому понимаются в современной действительности. В этом процессы мифы являются механизмами организации и «кристаллизации» этого опыта в ярких и многозначных символах и образах... но если выработать мифы целенаправленно, а затем их вводить в массовое сознание через средства массовой коммуникации, то и сегодня можно «конструировать» человека с заданными свойствами» [17, стр. 239]. В то же время человек живет в современном обществе, в котором действует принцип, который гласит, что незнание закона не освобождает от ответственности за нарушение данного закона. Однако проблема заключается в том, что человека закон начинает интересовать только тогда, когда он ему нужен. Без необходимости люди не интересуются ни правом, ни законом. В то же время, «знание законов способствует формированию позитивного правосознания, защите и охране сложившегося и функционирующего в стране правопорядка. Зная и не нарушая законы, люди, в конечном итоге, обеспечивают и реализуют свои права и свободы, пользуются теми возможностями, которые для них создает и обеспечивает государство, что становится важным фактором в условиях перехода к рыночным отношениям, которые нуждаются в правовом регулировании» [8, стр. 53].

Социально-правовой подход к формированию понятий о сущностных признаках формируемого общества предполагает важную процедуру, включающую два аспекта. С одной стороны, важно определение сущностных признаков конкретно-исторических понятий «гражданин», «государство», «гражданское общество», обуславливающих государственный и социальный заказы на гражданское образование. С другой стороны, необходимо ее изучение в контексте конкретной социокультурной ситуации, детерминирующей соответствующую ее особенностям

и потребностям модель гражданского образования, постановку соответствующих педагогических целей и задач, отбор адекватных содержанию технологических средств [6].

Некоторые из этих понятий появились в далеком прошлом и прошли большой эволюционный путь. Например, понятие «гражданин» трактовалось в античной литературе более утилитарно, просто как член политического общества, и это обуславливало его характеристику, тем не менее, Аристотель писал, что «... гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими» [1, стр. 103].

И в других источниках указывается, что «гражданин наделялся совокупностью гражданских прав. Статусное гражданство, определяющее принадлежность жителя к городу-полису и статус в определенной общности, было первой исторической формой гражданства» [40, стр. 15], «гражданственность тесно связывалась с патриотизмом, но являлась как бы его высшей формой. Женщины и несовершеннолетние юноши могли проявлять лишь патриотизм.

Гражданство было уделом только полноправных граждан-политесов [24, стр. 75-79].

Аристотель, говоря о предпочтительном виде государственного устройства, считал, что это такое государство, в котором властвует закон и которое обеспечивает жизнь, согласную с требованиями добродетели. По Платону, стабильность государства находится в прямой зависимости от законности, которая трактовалась как повиновение правильным законам и соразмерность во взаимоотношениях. Его гуманный подход к проблеме проявлялся в определении государства как социального объединения и организации взаимодействия и взаимопомощи граждан. «... Многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь. Такое совместное поселение и получает у нас название государства» [23, стр. 111].

Необходимо отметить, что основная цель правового государства заключается в обеспечении справедливого общежития, в котором каждый должен делать свое дело, выполнять свои общественные обязанности, не присваивать себе чужих прав и не возлагать на других свои обязанности, ощущать на себе заботу других и

предоставлять другим возможность доводить свое дело до совершенства [6].

История доказывает, что при всей декларируемой демократичности буржуазного общества капитализм порождает разрыв между правами и обязанностями гражданина, а игнорирование естественных прав сопровождается, с одной стороны, деформацией представлений о гражданственности, а с другой стороны, разрушением самой личности. Ориентация дальнейшего развития страны на становление и совершенствование социального демократического правового социального государства предполагает наличие у граждан нашей страны присущего представителям правового государства и гражданского общества специфического правосознания. «Правосознание как комплекс представлений, эмоций и чувств, непосредственно связанных с действующей в государстве системой права и имеющих место в реальной сегодняшней действительности, напрямую стыкуется с правовой культурой. Правовая культура и есть фактически реализованное в повседневной деятельности и поведении правосознание» [7, стр. 35].

Таким образом, в современном мире взаимоотношения личности и общества развиваются и совершенствуются в зависимости от тех

условий, которые созданы в государстве и оказывают огромное влияние на сознание и поведение людей. Бесспорно, особенности материального и духовно-нравственного составляющего этих условий обуславливают выбор того или иного личностного решения, конкретной модели поведения человека, его гражданской позиции. В этих условиях, коммуникация является универсальным условием человеческого бытия [38, стр. 137]. Вне всякого сомнения, на формирование правосознания личности не меньшее влияние оказывают и те события, которые происходят в стране, в частности, и в мире, в целом, и о которых люди могут получить соответствующую информацию. В то же время, в современных условиях, благодаря современным достижениям цивилизации и электронным технологиям, возможность человека получать всю имеющуюся информацию неимоверно возрастает, что неоднозначно сказывается и на последствиях воздействия этой информации на общественное сознание, ибо многое зависит от качества информации, ее направленности, своевременности и позитивности. Хорошо известно, что информация несет в себе не только позитив, но порой и негативное воздействие на человека, общество и государство [2; 13; 14; 15; 18; 19; 25; 39].

Список литературы

1. Аристотель. Политика. Афинская полития / Предисл. Н.И. Темнова. – М.: Мысль, 1997. – 458 с.
2. Бастрыкин А.И. Пора поставить действенный заслон информационной войне // Власть. – 2016. – № 15. – 18 апреля. – С. 20.
3. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 176-181.
4. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия: «Наука и общество»).
5. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
6. Габидуллин И.Ф. Концепция и модель развития гражданско-правового сознания студентов вуза: Дис. ... докт. пед. наук. – Оренбург, 2015. – 389 с.
7. Галиев Ф.Х. Историческая обусловленность правовой культуры // История государства и права. – 2010. – № 19. – С. 34-39.
8. Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2 (36). – С. 52-58.
9. Галиев Ф.Х., Комаров С.А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 10-14.

10. Гаязов А.С., Баязитов С.Б., Амиров А.Ф. Социализация личности гражданина в пространстве муниципального образования: Монография / М-во образования Рос. Федерации, Юж.-Урал, науч.-образоват. центр РАО, М-во образования Респ. Башкортостан, Башк. гос. пед. ун-т. – Уфа: БашГУ, 2000. – 197 с.
11. Горький М. Гуманистам // М. Горький Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 25: Статьи, речи, приветствия: 1928-1931. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1953. – 520 с., 3 л. ил.: ил.
12. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1. – С. 4-7. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1-04-07
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и справедливосудия // Информационное право. – 2020. – № 3(65). – С. 9-15.
16. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
17. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение: Часть первая: Курс лекций. – М.: Научный эксперт, 2011. – 464 с.
18. Краснова Г.В., Марков А.А. Интернет как актуальная угроза информационной безопасности личности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 2(110). – С. 102-109.
19. Марков А.А. Связи с общественностью в защите имиджа от негативной информации СМИ (в аспекте информационной безопасности личности и организации). – СПб.: РГТМУ, 2009. – 156 с.: ил.
20. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – 160 с.
21. Нигматуллин Р.В. Роль юридической науки в развитии современной России // Юридический мир. – 2012. – № 3. – С. 17-20.
22. Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Р. Реализация прав человека на здоровье как фундаментальная основа существования современного государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (29). – С. 8-15.
23. Платон. Государство. Законы. Политик / Предисл. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
24. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Московский коммерческий ун-т, 1993. – 431 с.
25. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
26. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
27. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530. – в кн. 720 с.
28. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
29. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
30. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
31. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
32. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
33. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.

34. Сальников М.В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
35. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
36. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
37. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
38. Сулейманова Р.Р. Проблемы коммуникации в истории социально-философской мысли // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 2 (217). – С. 131-138.
39. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
40. Education and Society Today / Ed.Harnett and Naish. N-Y, 1986. P. 4-39.

Оль Павел Андреевич,

профессор кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: opspb@mail.ru

Специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

***Аннотация.** Анализируется понятие правовой реальности как социального феномена и научной категории. Проводится разграничение понятий объективной и субъективной реальности, рассматривается понятие правовой формы как категории, определяющей специфическую форму социально-исторической реальности. Отмечается, что в теоретическом правоведении феномен правовой формы наиболее точно отражен понятием системы права, которая в то же время не отражает в полном объеме феномен правовой реальности, не исчерпывающейся только формальной составляющей. Рассматривается также категория «правовая система», охватывающая множество явлений правовой реальности и часто включающая такой ее аспект, как правовая культура.*

***Ключевые слова:** правовая реальность; правовая форма; система права; правовая система; правовая культура; социальный феномен; научная категория.*

OL P.A.

LEGAL REALITY AS A SOCIAL PHENOMENON AND A SCIENTIFIC CATEGORY

***The summary:** The concept of legal reality as a social phenomenon and scientific category is analyzed. A distinction is made between the concepts of objective and subjective reality, the concept of a legal form is considered as a category that reflects a specific form of socio-historical reality. It is noted that in theoretical jurisprudence the phenomenon of legal form is most accurately reflected by the concept of a system of law, which at the same time does not fully reflect the phenomenon of legal reality, which is not limited to the formal component. The category of "legal system" is also considered, which covers many phenomena of legal reality and often includes such an aspect as legal culture.*

***Key words:** legal reality; legal form; system of law; legal system; legal culture; social phenomenon; scientific category.*

Термин «правовая реальность» давно закрепился в юридическом научном дискурсе и применяется сторонниками разных концептуальных подходов к правопониманию. Поэтому вполне обоснованным представляется его внесение в

категориальный ряд юридической науки [9; 13; 15; 22; 23; 24; 39; 40]. В этой связи существует необходимость определения объекта, явления, который обозначается сформировавшимся в научном общении термином. В свою очередь любой

термин должен точно отражать значение объекта. При этом если под термином мы будем понимать языковое выражение, указывающее на объект, то есть его обозначение, то понятие об этом объекте представляет собой смысловое значение соответствующего термина. Научная категория «социальная реальность» представляет собой формулировку научного значения соответствующего термина к объективному социальному феномену, установление его познавательных пределов.

Рассматривая правовую реальность как социальный феномен и научную категорию, следует, прежде всего, исходить из понимания реальности вообще. В частности важно разграничить понятия объективной и субъективной реальности. Здесь мы исходим из понимания того, что термином «объективная реальность» охватывается весь окружающий мир воспринимаемый субъектом познавательной деятельности. То есть все явления, отношения, процессы, законы и закономерности. В научном познании реальность сохраняет свою объективную суть, если на ее восприятие и познавательный процесс в целом в минимальной степени оказывает влияние субъективный фактор. То есть когда воспринимаемый объект отражается в сознании максимально отстраненным от влияния интересов (жизненно-важных потребностей, фактических или мнимых), эмоций и иных подобных условий, которые в силу объективной (не зависимой от человека) природы всегда являются факторами такого влияния. Если исходить из такого методологического подхода и придерживаться ему, то правовая реальность представляет собой объект научного познания определенный относительно социальной реальности.

Социальная реальность, определенным образом организуясь, выступает в качестве содержания соответствующих форм (воспринимается сознанием как разные способы существования), в частности, она может выступать содержанием единой, тотальной целостности с правовой (юридической) формой или, точнее, содержанием правовой реальности. «Право не является обособленной сферой социального бытия, отделенной некой границей от иных общественных сфер. Оно охватывает все пространство цивилизованного существования людей, которое становится пространством правовой реальности. При этом правовая реальность предстает как мир цивилизованных отношений между социальными субъектами, руководствующимися нормами права» [5,

стр. 114-115]. Таким образом, правовая реальность как одно из множества проявлений социальной реальности, феномен, также представляющий собой единство содержательного и формального начал (социальных отношений и нормативной составляющей).

В самом широком смысле правовая реальность интерпретируется в качестве «совокупности всех без исключения феноменов права, находящихся в социальном пространстве цивилизации» [4, стр. 256]. В научный оборот категория «правовая реальность» вошла наряду с близкими по смыслу или даже тождественными ей такими категориями как «правовая действительность» или «правовая жизнь» [18, стр. 39]. Она применялась учеными-юристами как правило тогда, когда возникала необходимость обозначить некую правовую первооснову, особую правовую материю, субстанцию, выступающую источником, первоначалом всех иных правовых явлений. Вместе с тем следует указать на то, что правовая реальность имеет более широкий смысл как относительно указанных, так и относительно иных категорий юридической науки, которые выполняют функцию конкретизации знания. Они ограничивают, уточняют сферу правовой реальности и позволяют вести речь о конкретном проявлении последней, т.е. о конкретных правовых явлениях.

В частности следует провести четкое разграничение категорий «правовая реальность» и «правовая действительность». Эти категории соотносятся как исходные понятия реальности и действительности. В отличие от реальности, достаточно широко истолковываемой в материалистической философии как «все существующее, т.е. материальный мир и все его идеальные продукты» [43, стр. 572], действительность представляет собой «объективный мир, реализующий свои тенденции, законы, потенции, т.е. как бытие в его саморазвитии и вместе с тем как объект и результат человеческой практики» [43, стр. 141]. Поэтому, если правовая реальность представляет собой совокупность всех без исключения феноменов права, то правовая действительность – это правовое бытие в его саморазвитии, в действии, т.е. правовая реальность, реализующая свой потенциал на основе объективных законов развития, или точнее правовая реальность как актуально наличное бытие, реализующее определенные исторические возможности.

В указанном смысле, категория правовой

действительности весьма тесно перекликается с понятием правовой жизни общества, что дает основание согласиться с точкой зрения А.В. Малько, согласно которой «отражать всю юридическую действительность – прерогатива и, собственно, главное предназначение лишь понятия «правовая жизнь? (само же слово «жизнь» во многом обозначает как раз реальную действительность)» [18, стр. 39].

С материалистических позиций, жизнь – это специфическая форма движения материи, качественно более высокая, чем физическая или химическая формы. Она реализуется как в индивидуальных биологических организмах, так и в их совокупностях [42, стр. 113]. В этой связи категория «жизнь» применяется относительно социальной сферы, в частности ведется речь о правовой жизни общества. Но при этом скорее имеется в виду некая специфическая форма организации, связанная с особым видом социальной деятельности, социальной формы движения материи. В частности социально-правовая жизнь общества определяется как «совокупность многообразных видов и форм конструктивной совместной деятельности людей в сфере права, направленной на обеспечение условий и средств существования, реализацию индивидуальных и общественных потребностей, интересов и ценностей» [3, стр. 21].

По замечанию А.В. Малько категория «правовая жизнь» наиболее близка к категории «правовая форма», «которая в основном используется в определенном контексте, прежде всего для того, чтобы структурировать социальные связи и показать роль права как формально-юридического института в его соотношении с социально-экономическими, культурно-нравственным и политическим содержанием – многообразными и первичными общественными отношениями» [18, стр. 39]. Отличие между категориями «правовая жизнь» и «правовая форма» ученый усматривает лишь в том, что «всей юридической реальности понятие «правовая форма» не отражает, поскольку не может включать в себя ее негативную, неправомерную часть» [18, стр. 39].

Представляется, что в целом верно указывая на соотношение формальной и содержательной составляющих феномена правовой реальности, А.В. Малько неточно определяет соотношение категорий «правовая жизнь» и «правовая форма». По нашему мнению точнее было бы указать на

смысловую близость категорий «правовая жизнь» и «правовая форма движения материи», так как последняя, по сути, является конкретизацией социальной формы движения материи. При этом правовая форма, как совершенно справедливо констатирует сам ученый, – это скорее определенным образом, структурированные социальные связи, или, если быть еще точнее, то совокупность юридических параметров определяющих общезначимые и общеобязательные условия различных видов социальной жизнедеятельности (экономической, политической, семейной и т.д.).

Таким образом, «правовая форма» – это категория, отражающая специфическую форму социально-исторической реальности. А в теоретическом правоведении феномен правовой формы наиболее точно отражен понятием системы права, которая рассматривается также и как структура правовой реальности, т.к. под структурой в философии понимается «строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей» [42, стр. 354-355].

Множество правовых норм, формализующих социально-историческую реальность, представляют собой не случайное, не хаотичное нагромождение, а строго согласованную и взаимозависимую систему, в которой нормы выстраиваются, группируются в определенном порядке на основе общих принципов. Правовая форма предстает перед нами как сложное системное иерархическое образование, существующее на основе процессов интеграции и дифференциации. Правовая форма выступает в виде нормативного образования, и на таком уровне понимания права, последнее предстает в качестве логической системы, соответствующей требованиям формальной логики. «Оно как нормативное образование призвано выступать в общественной жизни в виде логически стройной и законченной, непротиворечивой и последовательной системы норм, принципов, институтов и отраслей» [2, стр. 59]. При этом системность – общее свойство всех типов права. Каждому историческому типу права присуща своя система, отражающая особенности данного типа и всей общественной формации. Структура права – это юридическое выражение структуры данного общества [21, стр. 394-395]. Таким образом, усматривается тесная связь категорий «правовая форма»

и «система права». Последняя отражает, по сути, нормативную структуру, «внутреннюю форму» правовой реальности.

Эта «внутренняя форма» правовой реальности оказывает воздействие на поведение людей, как на уровне отдельных норм, так и в большей степени как целостное системное образование через взаимодействие отраслей, подотраслей, институтов и норм права, посредством которых регулируются общественные отношения в соответствующих областях социальной жизнедеятельности. При этом необходимо иметь в виду, что «социальное пространство правовой реальности имеет не только определенную оформленность, но и характерную нормативную “плотность”, обладая различной степенью требовательности правовых предписаний в пределах разных его участков. Человеку свойственно перемещаться в этом пространстве, испытывая на себе меняющуюся степень давления существующих императивов на его правосознание. Чем опаснее возможная девиация для устоев цивилизованного правопорядка, тем сильнее это давление, тем категоричнее формулируются санкции правовых норм, тем тяжелее наказание, грозящее потенциальному или реальному правонарушителю. В гипотезах, диспозициях и санкциях правовых предписаний присутствуют необходимые и достаточные компоненты, предназначенные для того, чтобы препятствовать выходу социальных субъектов за нормативные пределы правовой реальности. И если они все же оказываются за чертой, то причинами этого могут быть либо недостаточная зрелость индивидуального правосознания, либо серьезные деформации в самих социальных структурах, образующиеся в них кризисно-катастрофические разломы и провалы» [6, стр. 9]. Поэтому именно благодаря комплексному, системному действию элементов системы права достигается главный результат правового регулирования – упорядочение не только отдельных ситуаций, но и целого вида (системы) общественных отношений.

При этом система права в своей целостности выполняет ту же регулятивную функцию, что и отдельная правовая норма. «Природа правовой реальности конвенциональна: она призывает и принуждает социальных субъектов, пребывающих в сфере ее действия согласовывать противоречащие друг другу интересы, препятствовать перерастанию возникающих противоречий в разрушительные антагонизмы, принуждать стороны к поиску

компромиссов, договоренностей и других цивилизованных форм нейтрализации деструктивного потенциала конфликтов. Ее нормативная энергетика уравнивает и приводит в функциональное соответствие противоположные силовые векторы, требует от субъектов нормативно-адаптивного, законопослушного поведения, приспособленного к содержанию общего цивилизационного контекста. Это позволяет отнести ее к типу систем, обладающих развитым адаптивным механизмом» [6, стр. 9-10].

Кроме того, следует отметить, что система права, как «внутренняя форма» правовой реальности позволяет сохранять стабильность правового регулирования в условиях социальной нестабильности, при различного рода преобразованиях (реформах) права. Как особое свойство правовой реальности системность – явление объективное, устойчивое, не зависящее от воли и желаний законодателя. Целенаправленные правовые преобразования, планируемые как изменения правовой формы, должны осуществляться сообразно схеме, заданной объективным, неподвластным законодателю, строением права. При этом реальная возможность воздействия на соответствующие области социальной реальности во многом зависит от понимания и учета специфики «внутренней формы», сложившейся структуры, системы права, правовых институтов. «Нормы права могут меняться от росчерка пера законодателя, – писал Р. Давид. – Но в них не мало таких элементов, которые не могут быть произвольно изменены, поскольку они теснейшим образом связаны с нашей цивилизацией и нашим образом мыслей. Законодатель не может воздействовать на эти элементы, точно так же как на наш язык или нашу манеру размышлять» [10, стр. 39]. К такого рода неизменным явлениям относится и система права, выступающая «внутренней формой» правовой реальности, своеобразным нормативным отражением основных видов общественных отношений: имущественных, управленческих, политических и т.д.

Но категория «система права» не отражает в полном объеме феномен правовой реальности, который не исчерпывается только формальной составляющей. Как понятие более широкое правовая реальность охватывает не только нормативную, но и ненормативную сферу. Неотъемлемой составной частью правовой реальности является «анормативная область разнообразных девиаций

и практического правового нигилизма. Вместе с нормативной сферой они взаимоотрицают и взаимодополняют друг друга. Смысл существования каждой определяется наличием ее противоположности» Противоречие нормативности и анормативности составляет «внутренний пульс развития» правовой реальности» [4, стр. 256]. Именно в этом принципиальное отличие правовой реальности как единства содержания и формы от ее формальной составляющей, рассматриваемой с позиций системного подхода.

В современной юридической науке множество явлений правовой реальности рассматривается также через призму категории «правовая система». Стремление ученых к широкому пониманию права предопределяет необходимость ввода в научный оборот соответствующих категорий. «Такой категорией вполне может служить правовая система» [20, стр. 13]. Следует особо сакцентировать внимание на том, что категория «правовая система», охватывает множество явлений правовой реальности в их системной взаимосвязи. Что же касается самих элементов правовой системы, то вопрос об их перечне и механизмах взаимодействия в юридической науке остается открытым.

Так С.С. Алексеев, рассматривая вопрос о понятии правовой системы, писал: «В правовой действительности выделяют такие взаимодействующие элементы, имеющие конститутивное значение, – собственно право, юридическая практика, правовая идеология. Понятие, которое охватывает в единстве и взаимосвязи эти элементы, обрисовывает общую конструкцию действующего права в той или иной стране, – понятие правовой системы» [1, стр. 87].

С точки зрения В.Я. Любаша, А.Ю. Мордочева, И.В. Тимошенко, правовую систему можно определить как «целостный комплекс правовых явлений, обусловленный спецификой развития конкретного общества, многообразными факторами (объективными и субъективными, закономерными и случайными) социальной и политической эволюции, осознанный и постоянно воспроизводимый людьми и их организациями (государством, негосударственными политическими и неполитическими организациями), используемый ими для достижения определенных целей» [17, стр. 158].

Н.И. Матузов указывает на то, что правовая система охватывает всю совокупность

«внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально однородных юридических средств (явлений), с помощью которых официальная власть оказывает регулятивно-организующее и стабилизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей (закрепление, регулирование, дозволение, обяывание, запрещение, убеждение и принуждение, стимулирование и ограничение, превенция, санкция, ответственность и т.д.) [41, стр. 158-159].

А.Х. Саидов отмечает, что категория «правовая система» употребляется в правовой науке в нескольких значениях. В узком смысле под ней понимается «право определенного государства и терминологически она обозначается как «национальная правовая система». При этом «для понимания правовой системы ключевыми... являются категории “правопонимание”, “правотворчество”, “правоприменение”. Поэтому исследование правовой системы должно охватывать, во-первых, систему взглядов, идей, представлений, теорий, т.е. правопонимание в данный исторический период; во-вторых, анализ нормативной основы, ее структуры; в-третьих, систему осуществления права» [25, стр. 118].

Неоднозначно интерпретируется феномен правовой системы и в рамках западного правоведения. Концептуальные расхождения касаются, прежде всего, элементного состава правовой системы.

Так, например, Р. Давид высказывает следующую позицию по рассматриваемой проблеме: «Было бы поверхностным и неправильным видеть в праве только лишь совокупность норм. Конечно, в определенную эпоху, в определенной стране право может принять именно такой вид. Однако право – это значительно более сложное явление, выступающее как система. У нее определенный понятийный фонд; она соединяет нормы в определенные группы; использует определенные способы создания и толкования норм: она связана с определенной концепцией социального строя, и от этой концепции зависит, как применяется и вообще функционирует право» [10, стр. 19].

Л. Фридмэн отмечает, что «в современном американском обществе правовая система сопровождает человека во всех его действиях. Конечно, как правило большинство из нас не каждый день сталкивается с необходимостью иметь дело с судом или адвокатом, за исключением крайне

редких жизненных обстоятельств. Но не проходит и дня – и даже часа без взаимодействия с правом в самом широком смысле слова или с людьми, чьи действия определяются правом. Право вездесуще, хотя зачастую его присутствие мы не замечаем» [44, стр. 7].

По мнению ученого правовую систему составляют следующие элементы:

- 1) структура правовой системы (суды и их компетенция, законодательство, система государственных органов, полиция, компетенция управленческих и правоохранительных органов и т.д.);
- 2) сущность правовой системы (действующие правила, нормы и образцы поведения людей внутри системы, законодательство);
- 3) правовая культура [44, стр. 7].

Анализ множества концептуальных подходов, позволяет прийти к общему выводу, что понятием правовой системы, как правило, охватывается совокупность наиболее важных явлений правовой реальности (правового бытия и правового сознания), находящихся в отношениях и связях между собой и образующих ограниченную пределами правовой реальности целостность.

В целом следует признать, что «трудно себе представить какие-то существенные компоненты реальной правовой действительности вне рамок правовой системы общества» [20, стр. 26]. Понятие правовой системы отражает такие аспекты правовой реальности как правовая жизнь общества, правовая действительность, система права. Кроме того, в понятие правовой системы часто включается правовая культура, которая также характеризует один из аспектов правовой реальности. Но при этом надо сделать весьма существенную оговорку, соглашаясь с позицией, высказанной А.В. Малько: «Элементами правовой системы выступают, прежде всего те, которые необходимы для процесса правового регулирования, для целенаправленного воздействия на сознание и поведение субъектов. Негативные же правовые явления – преступность, правонарушение, деформации и т.п. тоже имеющие отношение к бытию права и обладающие определенной юридической окраской, к элементам правовой системы не относятся» [18, стр. 40]. Что же касается правовой реальности, то она включает в себя и сферу социальных отношений, связанную с нарушением правовых норм. Поэтому она рассматривается в качестве «макросферы социокультурных

отношений между социальными субъектами, руководствующимися нормами права или напротив, нарушающих их» [6, стр. 8].

В этом же ракурсе наиболее отчетливо прослеживается соотношение категории «правовая система» с категорией «правовая культура», которая также отражает соответствующий аспект правовой реальности и обозначает «лишь совершенное, положительное в правовом бытии» [18, стр. 41]. Следует указать также и на то, что термином «правовая система» не охватывается весь комплекс, все множество проявлений правовой реальности, он используется, прежде всего, для «выражения внутренних связей правовых явлений, их организации, структуры и как показатель целостности и необходимости связи элементов правовой надстройки, позволяющий рассматривать ее как органическую систему» [32, стр. 27].

В отечественной юридической науке феномен правовой культуры интерпретируется весьма неоднозначно. Так, например, А.Б. Венгеров считает, что правовая культура представляет собой наиболее высокую и емкую форму правосознания. При этом если правосознание охватывает только духовную жизнь общества и является лишь частью общественного сознания, то правовая культура включает в себя как духовные характеристики, так и юридические учреждения, их организацию, отношения; роль права в обществе, судебной, нотариальной, арбитражной и иных систем [8, стр. 585].

По мнению Т.В. Синюкова, правовая культура – это сфера человеческой практики, представляющей собой совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социо-правовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации) [41, стр. 473].

С.С. Алексеев считает, что правовая культура – это состояние правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики, выражающее утверждение и развитие права как социальной ценности, т.е. своего рода «юридическое богатство» общества.

А.Ф. Черданцев придерживается точки зрения, что «под правовой культурой в широком смысле слова понимается все, что создано человечеством в правовой сфере: право, правовая наука, правосознание, юридическая практика. Правовая культура характеризуется состоянием юридической науки, правосознания, уровнем разработки

текстов законов, состоянием законности и правопорядка, уровнем профессиональной деятельности правоохранительных органов, юристов профессионалов.

В узком смысле слова правовая культура – это уровень знания права членами общества и уважительное отношение к праву, высокий престиж права в обществе... Антиподом правовой культуры является правовая нигилизм как недооценка роли права или даже его отрицательная оценка, неуважение к праву, пренебрежительное к нему отношение, питающее различного рода правонарушения [45, стр. 340-341].

В рамках теоретико-правовой модели, предлагаемой В.П. Сальниковым, правовая культура выступает как особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям. Правовая культура личности и общества рассматриваются ученым как одна из категорий общечеловеческих ценностей, как важнейший результат общедемократических завоеваний прогрессивного человечества. Она становится неотъемлемым компонентом цивилизованности и правового государства [26, стр. 180; 27; 28; 31].

Таким образом, правовая культура – это особое качественное состояние, связанное с достижениями человечества в правовой сфере, характеризующие уровень развития правовой реальности. Соответственно «выражение «правовая культура общества» характеризует ценностный срез правовой реальности, уровень ее развития» [32, стр. 27]. При этом, следует отметить, что правовая культура отражает как уровень развития правового бытия, так и уровень и правового сознания. Она представляет собой «систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражение в сознании и поведении людей» [11, стр. 43]. Это предопределяется дуалистической природой самой правовой реальности, которую по точному замечанию Б.А. Кистяковского «следует поставить приблизительно по середине между реальностью произведений скульптуры и живописи, с одной стороны, и произведений литературы и музыки – с другой» [12, стр. 336]. Идеально правовая культура выражена в правосознании индивида, социально-обособленной группы или общества в виде совокупности правовых представлений и ориентаций, материально – в правовой

деятельности и ее результатах. Таким образом, правовая культура общества «пронизывает само право (объективное и субъективное), правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, законотворческую и правоприменительную, а также иную правовую деятельность и критерии политической оценки юридической действительности в функционировании и развитии ее составных частей» [32, стр. 26].

Понимаемая таким образом правовая культура охватывает фактически все сферы позитивной социальной жизнедеятельности, указывает на их соответствующее качество. Поэтому данное понятие не должно включать правонарушаемость и иные негативные явления, имеющие юридическое значение.

Правовая культура общества – это качественная характеристика правовой реальности. В свою очередь, правовая реальность всегда характеризуется определенным уровнем правовой культуры [29; 30; 36]. При этом процесс развития правовой реальности обусловлен сменой правовых форм, а точнее противоречием юридической формы и социально-исторического содержания, при котором осуществляется переход правовой реальности в новое качество. Эти последовательные качественные переходы, именуемые правовым развитием, осуществляются посредством специфического «механизма». Суть функционирования этого «механизма» заключается в закреплении и передаче положительного, позитивного правового опыта, и, наоборот, в «очищении» от негативных, деструктивных проявлений социальной реальности. В качестве такого механизма выступает правовая традиция [37; 38].

В известной отечественному читателю работе под названием «Западная традиция права: эпоха формирования» Г.Дж. Берман пишет следующее: «Была однажды такая цивилизация, и называлась она “западная”; она создала “законные” институты, ценности и понятия; эти западные законные правовые институты, ценности и понятия веками сознательно передавались из поколения в поколение, и так из них получилась “традиция”» [7, стр. 19].

Одна из наиболее точных характеристик феномена «традиция», в современной юридической литературе дана В.А. Бачининым и В.П. Сальниковым которые определяют традицию как «исторически устойчивую форму кристаллизации социального – практического и

духовного опыта в нормативно-ценностные структуры, оказывающие регулятивное воздействие на социальное поведение индивидов и общностей» [4, стр. 316]. Авторами также совершенно точно отмечается, что «традиции являются неперенным атрибутом цивилизационного и культурного развития социальных систем всех типов, начиная от архаических и вплоть до наиболее модернизированных. Это в значительной степени объясняется их полифункциональностью» [4, стр. 316].

Если категория «правовая культура» отражает качественное состояние правовой реальности, то «правовая традиция» в определенном смысле отражает ее развитие. «Термин “традиция” многозначен, – совершенно точно отмечает в этой связи исследователь феномена политической традиции Р.Ф. Матвеев. – Им часто обозначают весьма разноплановые явления, проявляющиеся в различных областях общественной жизни. В принципе сущность традиции состоит в том, что данное общественное отношение в широком смысле этого слова: политическая и общественная система, форма общественной жизни, общественной активности или, наоборот, общественной пассивности, бездействия – приобретает историческую устойчивость, повторяемость для некоторых коллективов, для достаточно широкого круга людей одного и того же поколения и разных поколений. Традицией называют явление, которое часто повторяется, становится для данного коллектива преобладающим типом поведения, в известном смысле – типичным» [19, стр. 142]. И если мы рассматриваем правовую культуру в ценностном аспекте как некое множество позитивных достижений, то правовая традиция выступает системой связей прошлого с настоящим, определенным образом обеспечивающей передачу правовых ценностей [33; 34; 35]. В этой связи следует согласиться с точкой зрения, в соответствии с которой «термины “культура” и “традиция” в определенном теоретическом контексте синонимичны или, может быть, точнее – почти синонимичны. Термин “культура” обозначает сам феномен, а “традиция” – механизм его функционирования. Проще говоря, традиция – это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся» [46, стр. 106].

Завершая анализ правовой реальности в качестве социального феномена и научной категории, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Правовая реальность представляет собой совокупность всех без исключения правовых явлений. Это одно из множества проявлений социальной реальности, феномен, представляющий собой единство содержательного и формального начал (социальных отношений и норм).
2. «Правовая реальность» и «правовая действительность» близкие по содержанию, но не тождественные категории. Если правовая реальность представляет собой совокупность всех без исключения феноменов права, то правовая действительность – это правовое бытие в его саморазвитии, в действии, т.е. правовая реальность, реализующая свой потенциал на основе объективных законов развития, или точнее правовая реальность как актуально наличное бытие, реализующее определенные исторические возможности.
3. Усматривается тесная связь категорий «правовая форма» и «система права». Последняя отражает, по сути, нормативную структуру, «внутреннюю форму» правовой реальности.
4. Понятием правовой системы, как правило, охватывается совокупность наиболее важных явлений правовой реальности (правового бытия и правового сознания), находящихся в отношениях и связях между собой и образующих ограниченную пределами правовой реальности целостность.
5. Правовая культура – это особое качественное состояние, связанное с достижениями человечества в правовой сфере, характеризующие уровень развития правовой реальности. Правовая культура отражает как уровень развития правового бытия, так и уровень и правового сознания.
6. Если категория «правовая культура» отражает качественное состояние правовой реальности, то «правовая традиция» в определенном смысле отражает ее развитие. Это специфическая система связей настоящего с прошлым, при помощи которой совершаются определенный отбор, стереотипизация юридического опыта и передача правовых

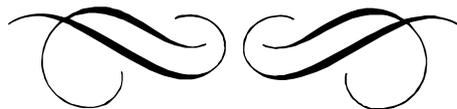
стереотипов, которые затем опять воспроизводятся в рамках соответствующей

правовой системы на качественно новом уровне развития правовой реальности.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1981. – 359 с.: ил.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 709, [1] с.
3. Бабаев В.К., Баранов В.М., Общая теория права: Краткая энциклопедия. – Нижний Новгород: Нижегородский юридический ин-т МВД России, 1998. – 203 с.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь (Серия «Мир культуры, истории и философии»). – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
5. Бачинин В.А. Основы социологии права и преступности. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 306 с.
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
7. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: МГУ: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
8. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: Новый юрист, 1998. – 621,[1] с.
9. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая реальность // Политика и общество. – 2011. – № 4. – С. 78-84.
10. Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 495,[1] с.
11. Каминская В.И., Ратнов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М.: б.и.,1974. – 202 с.
12. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1916 (Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и К°). – IV, 704 с.
13. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Основные подходы к обеспечению государственного суверенитета в условиях новой правовой реальности первой четверти XXI века // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 71-82.
14. Кожевников С.Н. Право в системе социальных норм // Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 1999. – 591 с.
15. Кондратьева А.Н., Сальников М.В., Цыганов В.И. Идеи евразийства в политико-правовой реальности современной России // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 67-74.
16. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало-М, 2002. – 288 с.
17. Любациц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В. Теория государства и права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 512 с.
18. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы: Учебное пособие. – М.: Юристъ, 2000. – 255 с.
19. Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1993. – 239 с.
20. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Саратовский ун-т, 1987. – 293,[1] с.
21. Матузов Н.И. Система права // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2000. – 776 с.
22. Мусаев М.А. Систематизация законодательства как ключевой момент развития правовой реальности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 37-46.
23. Оль П.А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ: Монография / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
24. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
25. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). – М.: Юрист, 2003. – 448с.
26. Сальников В.П. Правовая культура // Актуальные проблемы теории права / Под ред. К.Б. Толкачева, А.Г. Хабибулина. –Уфа: Уфимская высшая школа, 1995. – 254,[3] с.

27. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
28. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
29. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Сборник научных статей. Выпуск 1 /МВД России. Санкт-Петербургский университет ; Под общ. ред. В.П. Сальникова; ред. кол.: Д.И. Луковская и др. – СПб., 2000.- С. 3-5. – в сб. 76 с.
30. Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. № 7. – Саратов: б.и., 1986. – С. 44-54.
31. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530. – в кн. 720 с.
32. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989. – 144 с.
33. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
34. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
35. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
36. Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
37. Сальников М.В. Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.
38. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
39. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
40. Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrucken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.
41. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2000. – 776 с.
42. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1980. – 444 с.
43. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
44. Фридман Л. Введение в американское право. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 284,[2] с.
45. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. – М.: Юрайт, 1999. – 429 с.
46. Чистов К.В. Традиция, «традиционное общество» и проблема варьирования // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 105-107.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.

4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].

- в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттирка при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 от 01 июля 2010 г.

Название Юридическая наука: история и современность

Адрес редакции 198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более 40 %

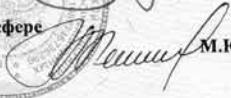
Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский

Территория распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ» (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя Р.В. Шердин

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2022, № 9

Выход в свет 16.11.2022. Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 110.

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru

«Лидер Консалт» — современный инвестиционно-финансовый холдинг с корпоративным центром, головным офисом в Санкт-Петербурге и представительствами в регионах России. Холдинг основан в 2006 году. За 15 лет запущено более 25 проектов. Более 500 сотрудников занято в реализованных холдингом проектах.

Холдинг умеет правильно и эффективно действовать по следующим направлениям:

- привлечение инвестиций;
- управление проектами;
- исследование и оценка инвестиционной привлекательности;
- управление рисками: правовыми, фискальными и специальными ситуациями;
- взаимодействие с государственными органами и ГЧП;
- цифровизация бизнес-процессов.

«Лидер Консалт» — на острие ваших амбиций!

lc-rus.com

info@lc-rus.com

Тел.: +7 (812) 339-33-13

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А.

LCG — профессионал в сфере аутсорсинга и вспомогательных бизнес-процессов и функций. Стратегический союзник с высоким уровнем компетенций в области консалтинговых услуг, подбора персонала, кадрового аутсорсинга, финансового сопровождения бизнеса и инвестиционной деятельности.

Мы полностью независимы и обладаем собственными технологиями и инфраструктурой. Наша компания объединяет высококлассных специалистов из различных областей. Компания работает с 2006 года и представлена в каждом субъекте РФ. Головной офис расположен в Санкт-Петербурге, работают филиалы в Москве и Екатеринбурге.

- кадровое администрирование;
- аутсорсинг персонала;
- рекрутинг;
- юридическое сопровождение по подготовке разрешительной документации для иностранных работников;
- аутсорсинг в сфере охраны труда;
- профессиональный клининг;
- изготовление форменной одежды и текстиля для бизнеса;
- разработка айдентики, видеопродакшн, smm-продвижение.

icgpersonnel.ru

Тел.: +7 (800) 511-12-11

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А.

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕДКОМИССИИ
НАДЕЖНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

«МедПроф» – сеть медицинских центров, специализирующихся на проведении профосмотров с выдачей индивидуальных заключений согласно Приказу № 29н.

Услуги оказываются как в собственных медицинских центрах в Санкт-Петербурге и Москве, так и на территории заказчика силами выездной бригады. Также «МедПроф» обслуживает клиентов в 45 регионах благодаря сети партнерских центров.

Ключевые услуги:

- проведение предварительных и периодических медицинских осмотров;
- оформление и продление личных медицинских книжек;
- психиатрическое освидетельствование;
- тестирование на COVID-19 методом ПЦР, анализ на антитела IgG и IgM;
- медицинская комиссия для водителей;
- медицинские справки различного назначения;
- вакцинация препаратами высокого качества, в том числе от COVID-19;
- лабораторные исследования.

mc-medprof.ru

Санкт-Петербург

Тел.: +7 (812) 458-98-88

«МедПроф» Центр: Лиговский пр., д. 78, к. 2А

«МедПроф» Юг: ул. Малая Балканская, д. 2Б

«МедПроф» Север: пр. Просвещения, д. 23А

«МедПроф» Восток: пр. Большевиков, д. 7, к. 2, стр. 1

Москва

Тел.: +7 (495) 001-01-57

«МедПроф» ВДНХ: ул. Бориса Галушкина, д. 3

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ АГЕНТСТВО ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ

Оказывает содействие бизнесу в разрешении конфликтных ситуаций с государством и правоохранительными органами, защищает от недружественных поглощений и разрешает корпоративные конфликты, урегулирует претензии налоговых органов, занимается сопровождением проблемных активов.

- экономическая безопасность бизнеса;
- налоговая практика;
- комплексная безопасность труда.

20+

квалифицированных специалистов.

150+

завершенных проектов.

300+

миллионов рублей отстояли наши специалисты в качестве сокращения требований по недоимкам и штрафам, предъявленных нашим клиентам.

www.ss-rus.com

info@ss-rus.com

Тел.: +7 (812) 702-39-16

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А.

СУМКИ И КАРТИНЫ РКНАМАТ

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Rkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

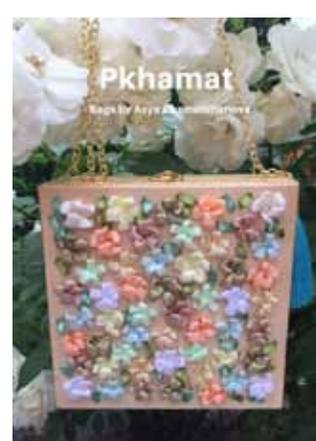
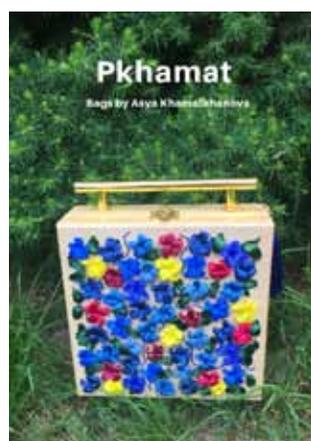
Rkhamat (Пхамат) – это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами – уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.

Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.

AS GROUP

AS GROUP

ОПТОВЫЕ ПОСТАВКИ МОТОРНЫХ МАСЕЛ

Наша задача – быть удобными поставщиками. Поэтому мы даем то, что нужно клиентам:

- 2800 наименований позиций на складе — это возможность обеспечить широкий ассортимент на торговой точке или автосервисе;
- Склады обеспечивают быстрые сроки доставки, часто «день в день»;
- Наша официальная дистрибуция — единственный способ для клиентов получить гарантированно оригинальный товар от производителя и с максимальной оптовой скидкой;
- Товар для всех сегментов целевой аудитории. Motul, Total и Elf закрывают разные потребности по цене, классу авто и целям использования;

АС Групп Плюс не просто поставяет масла, мы помогаем клиентам. Магазинам и автосервисам помогаем больше заработать, а автопаркам (такси, транспортировка, спецтехника) — сэкономить, сберечь двигатели.

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН МОТОРНЫХ МАСЕЛ MOTUL

ОБШИРНЫЙ АССОРТИМЕНТ МАСЛА ДЛЯ ЛЮБЫХ ВИДОВ ТЕХНИКИ

Наш интернет-магазин моторных масел предлагает вам защитные средства для ваших автомобилей по самым выгодным ценам.

Все масла, которые есть у нас в каталоге, имеют соответствующие сертификаты качества. Мы являемся официальным представителем и несем полную ответственность за оригинальность и качество каждой канистры моторного масла MOTUL, которое можно приобрести по минимальной цене.

Продукция Мотюль соответствует всем экологическим требованиям. Все базовые основы изготовлены из натуральных компонентов.

г. Санкт-Петербург,
Северный пр-т, д.7, ск 31;
Тел.: 8 (812) 309-38-28

г. Санкт-Петербург,
ул. Седова, 11АБ;
Тел.: 8 (812) 627-16-71

г. Санкт-Петербург,
Пр-т. Гагарина д.2, к.3;
Тел. (812) 627-16-70

г. Санкт-Петербург,
пр-т. Маршала Жукова,
д. 21, этаж 2, ск 333;
Тел.: (812) 309-38-28

MOTUL GARAGE

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЕРВИС ПО ЗАМЕНЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ЖИДКОСТЕЙ В АВТОМОБИЛЯХ И МОТОТЕХНИКЕ

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Являясь официальным сервисом от MOTUL, мы знаем все о продукции, о специфике их применимости и технологиях замены жидкостей для каждого автомобиля. Специализируемся на предоставлении именно этих услуг.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Мы регулярно повышаем профессиональный уровень наших сотрудников проводя обучения что в сочетании с ежедневно накапливаемым опытом, позволяет избежать ошибок при выполнении работ нашим сервисом и дает результат наивысшего качества.

ПОЛНАЯ АППАРАТНАЯ ЗАМЕНА МАСЛА

Оборудование MotulEVO, позволяет заменить масло в АКПП методом замещения

СТО на Гагарина:
г. Санкт-Петербург,
Пр-т.Гагарина д.2, к.3;
Тел.: 8 (812) 627-16-70

СТО на Седова:
г. Санкт-Петербург,
ул.Седова, 11АБ;
Тел.: 8 (812) 627-16-71

CARDONE

МАСЛА И ЗАПЧАСТИ С ДОСТАВКОЙ

КОМПАНИЯ «КАРДАН»

Мы даем возможность получить все масла, расходники и запчасти не выходя из дома. Мы не оставим Вас одних с капризами Вашего автомобиля, и всегда Вам поможем!

Сделайте заказ и Вы увидите - мы работаем качественно. Подбираем, продаем, комплектуем и доставляем.

Мы оговариваем с каждым клиентом 4-х часовой интервал доставки, используем только собственную курьерскую службу.

Мы абсолютно уверены, что наши цены ниже, чем на любой СТО, и так будет всегда.

г. Санкт-Петербург,
Северный пр-т, д.7, ск 31;
Тел.: 8 (812) 407-18-38

г. Санкт-Петербург,
ул. Седова, 11АБ;
Тел.: 8 (812) 407-18-38

г. Санкт-Петербург,
Пр-т. Гагарина д.2, к.3;
Тел.: 8 (812) 407-18-38

г. Санкт-Петербург,
пр-т. Маршала Жукова,
д. 21, этаж 2, ск 333;
Тел.: 8 (812) 407-18-38

196105, г. Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 69, корп. 1, лит. Б
Тел.: 8 (812) 627 16 97; E-mail: RS.spb@asg ltd.ru